

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Забайкальский государственный университет»

ВЕСТНИК

ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО

УНИВЕРСИТЕТА 2016

Том 22. № 3

TRANSBAIKAL STATE UNIVERSITY JOURNAL

Чита
Забайкальский государственный университет
2016

Основан
в 1995 г.

Учредитель: **ФГБОУ ВПО
«Забайкальский государственный
университет»**

Журнал зарегистрирован как СМИ
17.04.2012, регистрационный номер
ПИ № ФС 77-49419

Периодичность издания: 12 номеров в год

Журнал «Вестник Забайкальского государственного университета» до № 8 (87) 2012 г. выходил под названием «Вестник Читинского государственного университета»

Журнал рекомендован ВАК РФ для публикации результатов исследований на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

Научные направления журнала:

- науки о Земле;
- политология;
- экономические науки

Журнал включен в:

- систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ);
- базу данных ВИНИТИ РАН;
- каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory

Подписку на журнал «Вестник ЗабГУ» можно оформить в любом почтовом отделении. Подписной индекс по федеральному почтовому Объединенному каталогу «Пресса России» и интернет-каталогу «Российская периодика» – www.arpk.org: 82102. Подписка осуществляется и через редакцию

Тел.: +7 (3022) 41-67-18
E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru
Web: www.journal.zabgu.ru

Все материалы, опубликованные в научном журнале «Вестник ЗабГУ», являются авторскими и защищены авторскими правами. Перевод материалов и их переиздание в любой форме, включая электронную, возможны только с письменного разрешения редакционной коллегии.

Вопросы, касающиеся использования материалов журнала, направляйте главному редактору по электронной почте либо по почтовому адресу: 672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30, редакция журнала «Вестник ЗабГУ»

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях, высказываемые взгляды могут не отражать точку зрения редакции

Качество иллюстраций соответствует качеству представленных оригиналов

ISSN 2227-9245

Вестник ЗабГУ теоретический и научно-практический журнал

Редакционная коллегия

Главный редактор – Романова Н.П., д-р социол. наук, профессор;
Редактор перевода – Каплина С.Е., д-р пед. наук, профессор;
Литературные редакторы – Михайлова А.И., канд. социол. наук; Рыжкова А.А.;
Технический редактор – Петрова И.В., канд. социол. наук

Редакционный совет

Председатель редакционного совета: С.А. Иванов, д-р техн. наук, профессор, ректор Забайкальского государственного университета;

Зам. председателя редакционного совета: А.Н. Хатькова, д-р техн. наук, профессор, проректор по научной и инновационной работе Забайкальского государственного университета

Члены редакционного совета

Науки о Земле

25.00.02 – Инженерная геология, мерзлотоведение и грунтоведение – И.В. Бычков, д-р техн. наук, профессор, академик РАН (Иркутск); В.Н. Опарин, д-р физ.-мат. наук, профессор, член-корр. РАН (Новосибирск); В.А. Стетюха, д-р техн. наук, доцент (Чита);

25.00.11 – Геология, поиски и разведка твердых полезных ископаемых, минерагения – В.Н. Заслоновский, д-р техн. наук, профессор (Чита); Ю.В. Павленко, д-р геол.-минер. наук, профессор (Чита); А.Б. Птицын, д-р техн. наук, профессор (Чита); В.Г. Романов, д-р геол.-минер. наук, профессор (Чита); Г.А. Юргенсон, д-р геол.-минер. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Чита);

25.00.13 – Обогащение полезных ископаемых – Г.Г. Пирогов, д-р техн. наук, профессор (Чита); С.М. Синица, д-р геол.-минер. наук, профессор (Чита); И.Ф. Суворов, д-р техн. наук, профессор (Чита); Л.В. Шуმიлова, д-р техн. наук, профессор (Чита); А.Н. Хатькова, д-р техн. наук, профессор (Чита);

25.00.22 – Геотехнология (подземная, открытая и строительная) – С.Я. Березин, д-р техн. наук, профессор (Чита); А.И. Трубаев, д-р геол.-минер. наук, профессор (Чита); Г.В. Секисов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, член-корр. НАН КР (Хабаровск);

25.00.36 – Геоэкология (по отраслям) – Е.Т. Воронов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Чита); Н.М. Шаралов, д-р техн. наук, профессор (Чита)

Политология

23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки – Ю.П. Гармаев, д-р юрид. наук, профессор (Улан-Удэ); В.С. Дробышевский, д-р филос. наук, профессор (Чита);

23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии – Т.Е. Бейдина, д-р полит. наук, профессор (Чита); Н.К. Рудый, д-р юрид. наук, доцент (Чита); Т.Б. Цыренова, д-р полит. наук, доцент (Улан-Удэ);

23.00.03 – Политическая культура и идеологии – И.Ф. Покровский, д-р юрид. наук, профессор (Санкт-Петербург); А.К. Родионова, д-р полит. наук, доцент (Чита);

23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития – В.В. Гриб, д-р юрид. наук, доцент (Москва); А.В. Макаров, д-р юрид. наук, доцент (Чита); Ю.Н. Туганов, д-р юрид. наук, профессор (Москва); А.В. Шемелин, д-р полит. наук, доцент (Чита);

23.00.05 – Политическая регионалистика. Этнополитика – Ю.А. Зуляев, д-р истор. наук, профессор (Иркутск); А.А. Протосевич, д-р юрид. наук, профессор (Иркутск); Л.В. Шашкова, д-р полит. наук, профессор (Барнаул)

Экономические науки

08.00.01 – Экономическая теория – С.А. Городкова, д-р экон. наук, доцент (Чита); Л.Д. Казаченко, канд. экон. наук, доцент (Чита);

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством – Н.И. Атанов, д-р экон. наук, профессор (Улан-Удэ); К.К. Ильковский, д-р экон. наук (Чита); Е.А. Малышев, д-р экон. наук, доцент (Чита);

08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит – Е.С. Вылкова, д-р экон. наук, профессор (Санкт-Петербург); О.П. Санжина, д-р экон. наук, профессор (Улан-Удэ);

08.00.13 – Математические и инструментальные методы экономики – И.П. Глазырина, д-р экон. наук, профессор (Чита); В.Ю. Бузов, канд. экон. наук, доцент (Чита);

08.00.14 – Мировая экономика – А.И. Татаркин, д-р экон. наук, профессор, академик РАН (Екатеринбург); В.Н. Гонин, канд. экон. наук, профессор (Чита)

Члены международного редакционного совета

Науки о Земле: В.Р. Алабьев, канд. техн. наук (Украина); В.С. Волошин, д-р техн. наук, профессор (Украина); К.Ч. Кожоголов, д-р техн. наук, профессор (Кыргызская Республика); Ч.В. Колев, профессор (Болгария); Нгуен Хоай Тьяу, д-р, профессор (Вьетнам)

Политология: Ан Сен Ир, профессор (Китай); Ван Чжи Хуа, д-р юрид. наук, профессор (Китай); З. Шмыт, профессор (Польша)

Экономические науки: Х.З. Барабанер, д-р экон. наук, профессор (Эстония); Mayu Michigami, д-р экон. наук, профессор (Япония); Л. Оюунцэцэг, д-р экон. наук, профессор (Монголия); L.G. Hassel, д-р экон. наук, профессор (Швеция); К.К. Шебеко, д-р экон. наук, профессор (Пинск, Беларусь)

Ответственный за выпуск Н.П. Романова, главный редактор, д-р социол. наук, профессор

© Забайкальский государственный университет, 2016

Drafting committee

Editor-in-chief – Romanova N.P., scientific editor, doctor of sociological sciences, professor;
Editor of translation – Kaplina S.E., doctor of pedagogical sciences, professor;
Literary editors – Mikhailova A.I., candidate of sociological sciences; Ryzhkova A.A.;
Technical editor – Petrova I.V., candidate of sociological sciences

Editorial board

Chairman of editorial board: S.A. Ivanov, doctor of technical sciences, professor, rector, Transbaikal State University;

Vice chairman of editorial board: A.N. Khatikova, doctor of technical sciences, professor, prorector on scientific and innovative work, Transbaikal State University

Members of editorial board

Earth sciences

25.00.02 – Engineering geology, permafrost and soil study – I.V. Bychkov, doctor of technical sciences, professor, academician RAS (Irkutsk); V.N. Oparin, doctor of physical and mathematical sciences, professor, corresponding member RAS (Novosibirsk); V.A. Stetyukha, doctor of technical sciences, associate professor (Chita);

25.00.11 – Geology, prospecting and exploration of minerals, minerageny – V.N. Zaslonsky, doctor of technical sciences, professor, (Chita); Yu.V. Pavlenko, doctor of geological and mineralogical sciences, professor (Chita); A.B. Ptitsyn, doctor of technical sciences, professor, (Chita); V.G. Romanov, doctor of geological and mineralogical sciences, professor (Chita); G. Yurgenson, doctor of geological and mineralogical sciences, professor, honoured worker of sciences of the RF (Chita);

25.00.13 – Processing of minerals – G.G. Pirogov, doctor of technical sciences, professor, (Chita); S.M. Sinitsa, doctor of geological and mineralogical sciences, professor (Chita); I.F. Suvorov, doctor of technical sciences, professor (Chita); L.V. Shumilova, doctor of technical sciences, professor (Chita); A.N. Khatikova, doctor of technical sciences, professor, (Chita);

25.00.22 – Geotechnology (underground, open and construction) – S.Ya. Berezin, doctor of technical sciences, professor (Chita); A.I. Trubachev, doctor of geological and mineralogical sciences, professor (Chita); G.V. Sekisov, doctor of technical sciences, professor, honoured worker of the RF, corresponding member of National Academy of Sciences of Kyrgyzstan (Khabarovsk);

25.00.36 – Geocology (in branches) – E.T. Voronov, doctor of technical sciences, professor, honoured worker of sciences of the RF (Chita); N.M. Sharapov, doctor of technical sciences, professor (Chita)

Politics

23.00.01 – Theory and political philosophy, history and methodology of political science – Yu.P. Garmaev, doctor of law sciences, professor (Ulan-Ude); V.S. Drobyshevsky, doctor of philosophical sciences, professor (Chita);

23.00.02 – Political institutions, processes and technologies – T.E. Beydina, doctor of political sciences, professor (Chita); N.K. Rudy, doctor of law sciences, associated professor (Chita); T.B. Tserenova, doctor of political sciences, associated professor (Ulan-Ude);

23.00.03 – Political culture and ideology – I.F. Pokrovsky, doctor of law sciences, professor (St. Petersburg); A.K. Rodionova, doctor of political sciences, associated professor (Chita);

23.00.04 – Political problems of international relations, global and regional development – V.V. Grib, doctor of law sciences, associated professor (Moscow); A.V. Makarov, doctor of law sciences, professor (Chita); Yu.N. Tuganov, doctor of law sciences, professor (Moscow); A.V. Shemelin, doctor of political sciences, associated professor (Chita);

23.00.05 – Political regionalism. Ethnopolitics – Yu.A. Zulyar, doctor of historical sciences, professor (Irkutsk); A.A. Protosevich, doctor of law sciences, professor (Irkutsk); L.V. Shashkova, doctor of political sciences, associated professor (Barnaul)

Economics

08.00.01 – Economic theory – S.A. Gorodkova, doctor of economic sciences, associate professor (Ulan-Ude); L.D. Kazachenko, candidate of economic sciences, associate professor (Chita);

08.00.05 – Economy and management of national economy – N.I. Atanov, doctor of economic sciences, professor (Ulan-Ude); K.K. Ilkovsky, doctor of economic sciences (Chita); E.A. Malyshev, doctor of economic sciences, associate professor (Chita);

08.00.10 – Finance, monetary circulation and credit – E.S. Vylkova, doctor of economic sciences, professor (St. Petersburg); O.P. Sanzhina, doctor of economic sciences, professor (Ulan-Ude);

08.00.13 – Mathematical and instrumental methods of economy – I.P. Glazyrina, doctor of economic sciences, professor (Chita); V.Yu. Burov, candidate of economic sciences, associate professor (Chita);

08.00.14 – World economy – A.I. Tatarin, doctor of economic sciences, professor, academician RAS (Ekaterinburg), V.N. Gonin, candidate of economic sciences, professor (Chita)

Members of international editorial board

Earth sciences: V.R. Alabiev, candidate of technical sciences, (Ukraine); V.S. Voloshin, doctor of technical sciences, professor (Ukraine); K.Ch. Kozhogulov, doctor of technical sciences, professor (Kirghiz Republic); Ch.V. Kolev, professor (Bulgaria); Nguen Khoay Tiyau, doctor, professor (Vietnam)

Politics: An Sen Ir, professor (China); Van Chzhi Khua, doctor of law sciences, professor (China); Z. Shmyt, professor (Poland)

Economics: Kh. Z. Barabaner, doctor of economic sciences, professor (Estonia); Mayu Michigami, doctor of economic sciences, professor (Japan); L. Oyuntsetseg, doctor of economic sciences, professor (Mongolia); L.G. Hassel, doctor of economic sciences, professor (Sweden); K.K. Schebeko, doctor of economic sciences, professor (Pinsk, Belorussia)

Responsible for the issue N.P. Romanova, editor-in-chief, doctor of sociological sciences, professor

Founder:

Transbaikal State University

The journal is registered as mass media 17.04.2012, registration number PI number PS 7749419

Frequency of publication:
12 issues per year

The Transbaikal State University Journal up to the number 8 (87) 2012 was published under the title «Bulletin of the Chita State University»
The Transbaikal State University

Journal is recommended by the High Certification Commission for the publication of research for the degrees of doctor and candidate of sciences

Research directions of the Journal:
– Earth sciences;
– Politics;
– Economics

The journal is included into:
– the system of the Russian index of scientific citation (RISC);
– the database of VINITI RAN;
– the catalogue of periodicals Ulrich's Periodicals Directory

Subscription to the Transbaikal State University Journal can be registered at any post office. Index is in accordance with the federal postal general catalogue «The Russian Press» and internet-catalogue «Russian periodicals»
www.arpk.org: 82102.
Subscription can be also registered by means of editorship

Tel.: +7 (3022) 41-67-18
E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru
Web: www.journal.zabgu.ru

All materials published in the scientific journal «Transbaikal State University Journal» have intellectual property rights and are protected by copyright. Translation of the materials and their republication in any form, including electronic one, cannot be performed without written consent with the editorial board. The questions concerning the use of the journal's materials can be send to the Chief editor by e-mail or postal address: 672039, Chita Aleksandro-Zavodskaya str., 30, editorship of the journal «Transbaikal State University Journal»

Authors are fully responsible for the choice and presentation of facts contained in the articles, the expressed views do not necessarily reflect the views of the editorial board

Quality of the pictures correspond to the quality of the originals submitted

ПЛОТНОСТЬ ПОЧВЫ В УСЛОВИЯХ СКЛОНОВЫХ АГРОЛАНДШАФТОВ В СТЕПНОЙ ЗОНЕ БУРЯТИИ

THE DENSITY OF SOIL IN THE CONDITIONS OF SLOPING AGRICULTURAL LANDS IN STEPPE ZONE OF BURYATIA

*Е.Э. Куклина,
Бурятская государственная
сельскохозяйственная
академия им. В.Р. Филиппова,
г. Улан-Удэ, Россия
e_gunt@mail.ru*

*E. Kuklina,
Buryat State Academy
of Agriculture named after
V.R. Filippov, Ulan-Ude, Russia*

*А.П. Батудаев,
Бурятская государственная
сельскохозяйственная
академия им. В.Р. Филиппова,
г. Улан-Удэ, Россия
anton_baludaev@mail.ru*

*A. Batudaev,
Buryat State Academy
of Agriculture named after
V.R. Filippov, Ulan-Ude, Russia*

Отмечено, что физические свойства почв являются важным показателем почвенного плодородия, определяющим рост и развитие растений в сельскохозяйственном производстве, а также получения высоких и устойчивых урожаев. В настоящее время актуальна оценка уровня физических свойств плодородия пахотных земель.

Серьезной экологической проблемой современного адаптивно-ландшафтного земледелия является повышенное уплотнение пахотного и подпахотного слоев почвы в связи с интенсивным механическим воздействием и широким использованием на полях мощной техники.

Определены показатели плотности почвы различных горизонтов черноземной почвы в условиях склоновых агроландшафтов разной экспозиции (северной и южной) в степной зоне Республики Бурятия.

Установлено, что плотность почвы на всех частях южного склона превышает значения этого показателя на северном, а также на обоих склонах прослеживается динамика увеличения значений плотности почвы с глубиной взятия образца. В верхней части обоих склонов плотность почвы выше, чем в нижней

Ключевые слова: плотность почвы, чернозем обыкновенный, склоновый агроландшафт, экспозиции склонов, части склонов, степная зона, Бурятия

Physical properties of soils are an important indicator of soil fertility, determining the growth and development of plants in agricultural production and obtain high and sustainable yields. Today the assessment of physical properties of fertility of arable lands is very actual.

The serious environmental problem of modern adaptive-landscape farming is more compaction of the arable and subsurface soil layers due to intensive mechanical impact and extensive use in the fields of powerful machines.

In this work, the authors have determined the densities of different soil horizons of chernozem soils in conditions of agrolandscapes of different slope expositions (North and South) in the steppe zone of the Buryat Republic.

It is established that the density of soil on all parts of the southern slope exceeds the values of this indicator in the North, and also on both slopes of the observed increase of density values of soil with depth of sampling. In the upper part of the both slopes the density of the soil is higher than in the lower one

Key words: density of soil, ordinary chernozem, slope agrolandscape, exposition of slopes, parts of slopes, steppe zone of Buryatia

На территории Западного Забайкалья широко распространены склоны, так как половина пахотных площадей имеет наклон [1].

Главную опасность для основных природных ресурсов представляют эрозионные процессы. В связи с тем, что на долю склоновых земель в Республике Бурятия прихо-

дится больше половины пашни, это весьма актуальная проблема для региона. Решение экологических проблем возможно только через совершенствование систем земледелия с ориентацией на адаптивность и биологизацию на ландшафтной основе [10].

Для современного этапа развития сельского хозяйства характерна негативная ситуация с плодородием почв, расположенных на склоновых землях.

Деградация почв является одной из важнейших социально-экономических проблем, которая создает угрозу экологической, экономической и национальной безопасности России [4].

Интенсивное сельскохозяйственное использование почв склонов не может не отразиться на их плодородии. Агрономической особенностью склоновых земель является их большая пестрота по плодородию [5].

Особенности агрономически значимых параметров плодородия склоновых почв при их длительном сельскохозяйственном использовании могут изменяться как в сторону улучшения, так и ухудшения. Это связано, в первую очередь, с существенной дифференциацией почв от их верхней части к нижней по составу, свойствам, теплофизическим и гидротермическим параметрам. Кроме того, различия в тепловлагоресурсах приводят к неоднородности в наступлении физико-технологических кондиций почвы и отзывчивости на антропогенные воздействия, направленные на создание лучших условий для роста и развития сельскохозяйственных культур [9].

Мезоклиматическая неоднородность склонов является причиной контрастного почвенного покрова. Безусловно и то, что свойства почвы на склонах существенно отличаются от равнинных, также в зависимости от экспозиции склона и её крутизны изменяются почвенно-климатические условия. Наиболее контрастны по составу почвы склонов южной и северной экспозиций.

Для склоновых ландшафтов характерна не только экспозиционная дифференциация почв, изменения в характере почвенного покрова происходят и в направлении

вершина-подножье, т.е. осуществляется явление парагенезиса, когда однонаправленность связи по этой оси приводит к меньшей генетической самостоятельности почв и их большей зависимости, чем ниже по склону они расположены.

По данным Т.В. Кузнецовой, вниз по склону прослеживается тенденция увеличения содержания физической глины [7].

Макроструктура во многом характеризует и другие физические свойства почвы, в том числе и ее объемную массу, т.е. плотность сложения. Сложение пахотного слоя почвы является важным показателем, по которому можно судить об эффективности любого из применяемых на определенном участке агротехнических приемов и необходимости применения механической обработки в целях создания (соответствующего) оптимального сложения почвы с учетом биологических особенностей возделываемых культур [2].

С изменением значения плотности меняются водно-воздушные, тепловые свойства, микробиологический режим, условия для живых организмов для биологической активности в связи с ухудшением газообмена, водно-воздушного режима почвы, что отражается на плодородии почвы.

Физические свойства почв являются важным показателем почвенного плодородия, определяющим рост и развитие растений в сельскохозяйственном производстве, а также получения высоких и устойчивых урожаев, поэтому оценка уровня физических свойств плодородия пахотных земель актуальна.

Решающим фактором агрофизической деградации почв является интенсивная механическая обработка и воздействие тяжелой сельскохозяйственной техники, которые приводят к переуплотнению и изменению плотности пахотного слоя земель [6]. Поэтому рекомендуется минимализация обработок (безотвальная обработка, культивации и др.) [3].

На основании результатов опытов многих ученых И.Б. Ревутом (1972) и другими выяснено, что оптимальная плотность зависит от типа почв, гранулометрического

состава и биологических групп сельскохозяйственных культур, но в большей степени – от структуры почвы [8]. В свою очередь, перечисленные свойства определяются пространственной неоднородностью агроландшафта по склону.

По мнению ряда ученых, наилучшие условия для многих полевых культур наблюдаются в случае, если плотность в пахотном горизонте равна 1,2...1,4 г/см³.

Среди обыкновенных черноземов степной зоны преобладают почвы с оптимальными или близкими к ним параметрами физических свойств почв [6]. Плотность почвы во многом определяет урожайность полевых культур, так как почва с большей плотностью является серьезной помехой/преградой для прохождения корневой системы растений в более глубокие горизонты. В равных условиях важным фактором, который определяет интенсивность проявления физических процессов, протекающих в почве, является плотность сложения пахотного слоя.

По оценочной шкале Н.А. Качинского (1958), пахотный горизонт черноземов является вспушенным, если плотность меньше 1,0 г/см³, что неблагоприятно в агрономическом отношении, так как происходит слабый контакт семян с почвой.

Оптимальное значение плотности почвы для зерновых и других полевых культур в зависимости от равномерности и количества выпадения осадков, а также от типа почв различно.

Организация и создание пахотного слоя, который был бы приемлем как по физическому состоянию, так и по плотности – одна из основных задач физики почв и агротехники. От плотности сложения почв зависят величина и степень усвоения осадков растениями, что свидетельствует о взаимосвязи влажности почвы и плотности.

Методика исследований. Для определения влияния склоновых агроландшафтов на показатели плотности почвы нами заложен полевой опыт на богарном участке пашни на территории СПК «Колхоз Искра» Мухоршибирского района Республики Бурятия. Почва – чернозем обыкновенный

мучнисто-карбонатный, земледельческая зона – степная. Опыт проводился во времени, на двух склонах разной экспозиции – северной и южной. Угол наклона склона северной экспозиции – 3°06', а южной – 6°23'. Склоны имеют прямолинейный профиль. Заложены два полигона – трансекта (на северном и южном склонах).

Протяженность северного склона 850 м, южного – 760 м (рис. 1). Согласно классификации, северный склон относится к пологому, а южный – к слабо-покатому. Согласно шкале Н.А. Качинского (1965), на таких склонах сельскохозяйственная техника устойчива для проведения полевых работ. На каждом из них (рис. 1) на вершине, середине и в основании склонов (позиции) выделяются делянки в четырехкратной повторности. Площадь делянки – 1 м². Расположение делянок на каждой позиции – последовательное (поперек склона) в один ярус на расстоянии 15 м друг от друга. Расстояние между позициями по склону (верхняя, средняя, нижняя) в зависимости от ее протяженности 245...295 м.

На исследование поставлен полевой зернопаровой севооборот: чистый пар-пшеница-овес-овес на зеленую массу.

Плотность почвы определяли при помощи бура Н.А. Качинского. Образцы отбирались из каждого 10 см почвы до глубины 30 см.

Результаты исследований. Изменение плотности почвы по частям склонов южной и северной экспозиции по результатам наших исследований представлено на рис. 2...3.

По нашим данным, плотность пахотного слоя черноземной почвы в верхней части южного склона колеблется от 1,25 см³ в слое 0...10 см (оптимальная для зерновых культур) до 1,40 см³ в слое 20...30 см (существенно выше оптимума). На северном склоне эти параметры имеют меньшие значения – соответственно 1,22 и 1,32 г/см³.

Плотность почвы на южном склоне в средней её части, как и в верхней, повышается от 1,26 до 1,36 см³, а в нижней – от 1,23 до 1,35 см³. На северном склоне этот показатель в средней части варьирует от

1,19 г/см³ до 1,34 и от 1,18 до 1,29 г/см³ в нижней. В среднем в 0...30 см слое плотность почвы находится в пределах 1,28...1,32 г/см³

на склоне южной экспозиции, а северной – 1,23...1,27 г/см³.

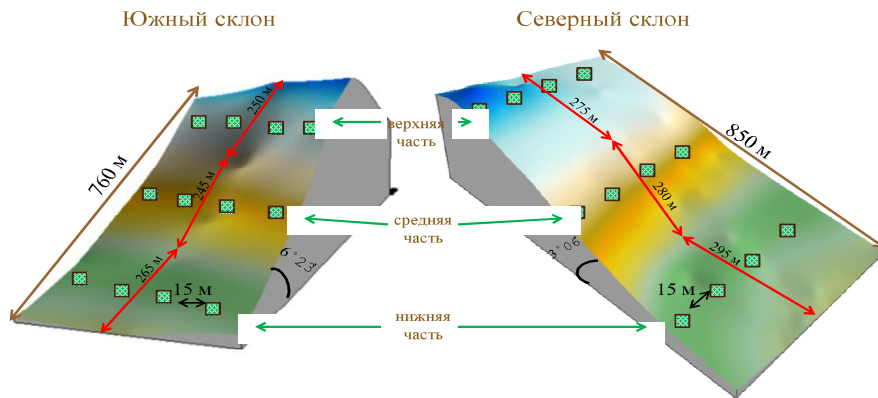

Рис. 1. Схема и расположение опытных делянок

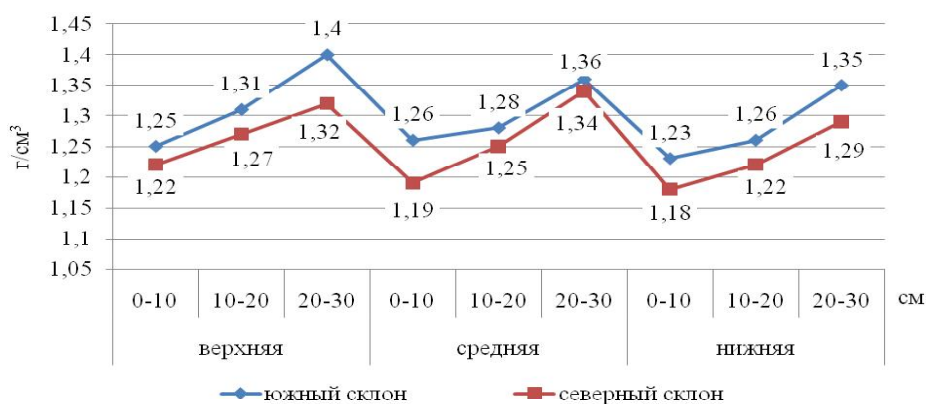

Рис. 2. Плотность почвы, г/см³

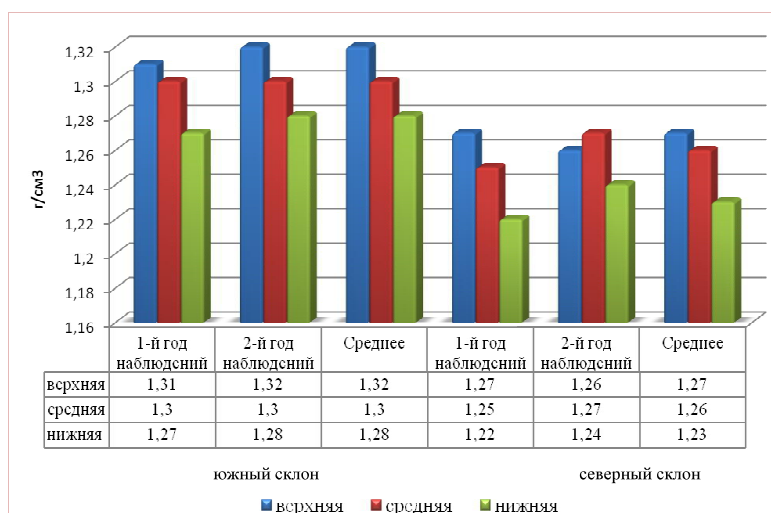

Рис. 3. Плотность почвы в слое 0...30, г/см³

В целом плотность почвы на всех частях южного склона превышает значения этого показателя на северном. На обоих склонах плотность почвы увеличивается с глубиной взятия образца. В верхней части обоих склонов плотность почвы выше, чем в нижней.

Таким образом, плотность чернозема обыкновенного мучнисто-карбонатного в

слое 0...20 см находится в пределах оптимального значения для зерновых культур.

Плотность почвы в слое 20...30 см на всех точках определения существенно превышает оптимум, что указывает на необходимость мер, направленных на рыхление «плужной подошвы», которая обычно возникает в результате обработки.

Список литературы

1. Алтаева О.А. Влияние склоновых агроландшафтов на урожайность яровой пшеницы на каштановых почвах в условиях сухостепной зоны Бурятии: автореф. дис. ... канд. с.-х. наук. Улан-Удэ, 2009. 18 с.
2. Витер А.Ф., Турусов В.И., Гармашов В.М. [и др.]. Обработка почвы как фактор регулирования почвенного плодородия: монография. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2014. 173 с.
3. Ганжара Н.Ф., Борисов Б.А., Байбеков Р.Ф. Ландшафтоведение. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2013. 240 с.
4. Иванов А.Л., Лебедева И.И., Гребенников А.М. Факторы и условия антропогенной трансформации черноземов, методология изучения эволюции почвообразования // Бюллетень Почвенного института им. В.В. Докучаева. 2013. Вып. 72. Режим доступа: <http://eng.esoil.ru/images/stories/bulletin/72/> (дата обращения 24.12.2015).
5. Куваева О.М. Влияние почвозащитных технологий обработки почвы и средств химизации на агрофитоценоз, биологические показатели плодородия почвы и урожайность полевых культур на склоновых землях Нечерноземной зоны: автореф. дис. ... канд. с.-х. наук. М., 2005.
6. Кузнецова И.В., Азовцева Н.А., Бондарев А.Г. Нормативы изменения физических свойств почв степной, сухостепной, полупустынной зон европейской территории России // Бюллетень Почвенного института им. В.В. Докучаева. 2011. Вып. 67. Режим доступа: <http://eng.esoil.ru/images/stories/bulletin/67/> (дата обращения 24.12.2015).
7. Кузнецова Т.В. Влияние частей склона на плодородие выщелоченного чернозема, урожайность и качество зерна яровой пшеницы в лесостепи Приангарья: автореф. дис. ... канд. с.-х. наук. Улан-Удэ, 2010. 20 с.
8. Ревут И.Б. Физика почв. Л.: Колос, 1972. 314 с.
9. Солодун В.И. Разнокачественность почв по плодородию и продуктивности в юго-восточном агроландшафтном районе Иркутской области // Вестник ИрГСХА. 2014. № 61. С. 18–24.
10. Турьянский А.В., Котлярова Е.Г., Лицуков С.Д. Оптимизация агроландшафтов Белгородской области – путь к биологизации земледелия // Достижения науки и техники АПК. 2012. № 9. С. 48–50.

List of literature

1. Altaeva O.A. The impact on agricultural landscapes sloping yield of spring wheat in the brown soil in a dry steppe zone of Buryatiya [Vliyanie sklonovykh agrolandshaftov na urozhaynost yarovoy pshenitsy na kashtanovykh pochvah v usloviyakh suhostepnoy zony Buryatii]: Abstract. diss. ... candidate of agricultural sciences. Ulan-Ude, 2009. 18 p.
2. Viter A.F., Turusov V.I., Garmashov V.M. [et al.]. *Obrabotka pochvy kak faktor regulirovaniya pochvennogo plodorodiya* [Tillage as a factor of regulating soil fertility]: monograph. Moscow: SIC INFRA-M, 2014. 173 p.
3. Ganzhara N.F., Borisov B.A., Baibekov R.F. *Landshaftovedenie* [Landscape study]. Moscow: SIC INFRA-M, 2013. 240 p.
4. Ivanov A.L., Lebedeva I.I., Grebennikov A.M. *Byulleten Pochvennogo instituta im. V.V. Dokuchaeva* (Bulletin of Soil Science Institute named after V.V. Dokuchaev), 2013, vol. 72 Available at: <http://eng.esoil.ru/images/stories/bulletin/72/> (accessed 24.12.2016).
5. Kuvaeva O.M. *Impact of soil conservation tillage and of chemicals on agrophytocenosis, biological indicators of soil fertility and productivity of field crops on sloping lands Nonchernozem zone* [Vliyanie pochvozashhitnykh tehnologiy obrabotki pochvy i sredstv himizatsii na agrofitotsenoz, biologicheskie pokazateli plodorodiya pochvy i urozhaynost polevykh kultur na sklonovykh zemlyakh Nечernozemnoy zony]: Abstract diss. candidate of agricultural sciences. Moscow, 2005.
6. Kuznetsova I.V., Azovtseva N.A., Bondarev A.G. *Byulleten Pochvennogo instituta im. V.V. Dokuchaeva* (Bulletin of Soil Science Institute named after V.V. Dokuchaev), 2011, vol. 67 Available at: <http://eng.esoil.ru/images/stories/bulletin/67/> (accessed 24.12.2016).

7. Kuznetsova T.V. Effect parts of the slope on the leached chernozem fertility, yield and quality of spring wheat grain in forest-steppe of Priangarye [*Vliyanie chastei sklona na plodorodie vyshhelochennogo chernozema, urozhaynost i kachestvo zerna yarovoy pshenitsy v lesostepi Priangariya*]: Abstract diss. candidate of agricultural sciences. Ulan-Ude, 2010. 20 p.

8. Revut I.B. *Fizika pochv* [Physics of soils]. Leningrad: Kolos, 1972. 314 p.

9. Solodun V.I. *Vestnik IrGSHA* (Bulletin of the FSBEI HE Ir. SAU), 2014, no. 61, pp. 18–24.

10. Turyansky A.V., Kotlyarova E.G., Litsukov S.D. *Dostizheniya nauki i tehniki APK* (Scientific and technological agriculture), 2012, no. 9, pp. 48–50.

Коротко об авторах

Куклина Евгения Эрдэмовна, канд. с.-х. наук, зав. кафедрой «Кадастр и право», институт землеустройства, кадастров и мелиорации, Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова, г. Улан-Удэ, Россия. Область научных интересов: агроландшафтная организация территории, использование склоновых агроландшафтов в сельскохозяйственном производстве, мониторинг и оценка плодородия почв склоновых земель
e_gunt@mail.ru

Батудаев Антон Прокопьевич, д-р с.-х. наук, профессор кафедры «Общее земледелие», Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова, г. Улан-Удэ, Россия. Область научных интересов: севообороты, обработка почвы, плодородие почвы, биологизация земледелия, ресурсосберегающие технологии
anton_batudaev@mail.ru

Briefly about the authors

Evgeniya Kuklina, candidate of agricultural sciences, head of Cadastre and Law department, Institute of Land Management, Cadastres and Land Reclamation, Buryat State Academy of Agriculture named after V.R. Filippov, Ulan-Ude, Russia. Sphere of scientific interests: agrilandscape organization of the territory, use of sloping agricultural lands in agricultural production, monitoring and evaluation of soil fertility of sloping land

Anton Batudaev, doctor of agricultural sciences, professor, Buryat State Academy of Agriculture named after V.R. Filippov, Ulan-Ude, Russia. Sphere of scientific interests: crop rotations, tillage, soil fertility, bipolarization farming, resource saving technologies

Образец цитирования

Куклина Е.Э., Батудаев А.П. Плотность почвы в условиях склоновых агроландшафтов в степной зоне Бурятии // Вестн. Заб. гос. ун-та. 2016. Т. 22. № 3. С. 4–9.

УДК 911.7

**ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОМЕЖУТОЧНЫХ ИТОГОВ
МОДЕРНИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ:
ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АСПЕКТ КАЧЕСТВА ПРИЕМА**

**GEOGRAPHICAL ANALYSIS OF INTERMEDIATE RESULTS
OF MODERNIZATION OF VOCATIONAL EDUCATION IN RUSSIA:
SPATIAL ASPECT OF THE QUALITY OF ADMISSION**

*А. А. Томских, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
tomskih_aa@mail.ru*

A. Tomskikh, Transbaikal State University, Chita, Russia

Модель высшего профессионального образования постсоветской России практически находится в стадии окончательной реализации. Она состоит из трёх уровней кластеров – федеральный, федерально-региональный и региональный – с соответствующими целями и задачами. Статья поднимает вопросы пространственного анализа прошедшего периода модернизации высшего профессионального образования России в аспекте изменений качества бюджетного приёма с 2011 по 2015 гг. Анализ проведен на уровне городов-миллионников, субъектов федерации, федеральных округов и групп вузов. Рассматриваются вопросы влияния финансирования программ развития вузов и качества жизни в регионах на средний уровень результатов ЕГЭ принятых студентов. Автором делается вывод о том, что данные мониторинга высших учебных заведений по уровню приёма являются отражением проблем внутрироссийской региональной политики, приведшей к резкой дифференциации качества жизни населения внутри страны, а не только деятельности самого учреждения. С точки зрения поддержки вузов всеми федеральными программами значительный объём ресурсов с 2006 по 2012 гг. был направлен в Центральный, Северо-Западный и Дальневосточный Федеральные округа, как «локомотивы» экономического роста в России. Последнее усиливает внутрироссийскую «утечку умов» с периферии в центр страны. Разница между регионами-«лидерами» и «аутсайдерами» огромна. Ещё два десятка лет назад она рассматривалась как особенность развития стран запада, чаще всего бывших колоний. Отмечено, что без комплексного подхода к развитию слабо освоенных зон Сибири и Дальнего Востока и депрессивных регионов Юга и Кавказа решить проблему невозможно

Ключевые слова: пространственный анализ, модернизация профессионального образования, качество жизни, «утечка мозгов»

The model of higher vocational education of post soviet Russia is practically in the stage of final realization nowadays. It consists of three levels of clusters – federal, federal-regional and regional with their aims and tasks. The article raises the question of the spatial analysis for the past period of modernization of higher education in Russia in the aspect of changes of the budget admission quality received from 2011 to 2015. This analysis was made on the level of cities-millionaires, subjects of the Federation, Federal districts and groups of higher schools. It deals with the questions of the reaction of financing the programs of university development and the quality of life in the regions on the average results of the exams of enrolled students. The author concludes that the data of monitoring higher educational institutions in the terms of admission problems are a reflection of intra-regional policy which have led to a sharp differentiation of the quality of life within the country and not only the activities of the institution itself. From the point of view of supporting higher schools by federal programs, a great volume of resources from 2006 to 2012 were sent to the Central, North-Western and Far-Eastern Federal districts as the «locomotives» of economic growth in Russia. The last strengthens domestic «brain drain» from the periphery to the center of the country. This difference between the regions-«leaders» and «outsiders» is great, twenty years ago it was considered as the peculiarity of the Western countries development, more often of former colonies. Without complex approach to the development of poorly developed zones of Siberia and Far East and the depressive regions of the South and the Caucasus it is impossible to settle this problem

Key words: spatial analysis, modernization of vocational education, quality of life, «brain drain»

Вопросы позиционирования университетов России на международном уровне и внутри страны являются важным фактором дальнейшего развития самих вузов и регионов. Причины выбора будущими студентами учебных заведений изучались рядом отечественных и зарубежных ученых [2; 11; 12]. В основе выбора абитуриентов лежат факторы, определяющие внутреннюю и внешнюю среду учебного заведения. В статье мы рассмотрим некоторые внутрироссийские факторы конкуренции, проявившие себя в последние десятилетия в процессе реформирования профессионального образования. Следует отметить, что существенным фоном конкурентной борьбы между университетами в стране являются демографические ограничения.

Модель высшего профессионального образования постсоветской России находится практически в стадии окончательной реализации. Она состоит из трёх уровней кластеров — федеральный, федерально-региональный и региональный — с соответствующими целями и задачами. Однако формирование межрегиональных и региональных кластеров ещё не закончено. Сегодня идут процессы поэтапного определения так называемых «опорных» региональных вузов и наполнения элементами и задачами университетских кластеров разного уровня.

Финансирование программ развития вузов из федерального бюджета с 2007 по 2014/17 гг. составило 94029,5 млн руб., в т.ч. на сеть федеральных университетов 44894 млн руб. и на сеть национальных исследовательских университетов 49135,5 млн руб. [9]. С точки зрения поддержки вузов всеми федеральными программами значительный объём ресурсов с 2006 по 2012 гг. направлен в ЦФО, СЗФО и ДВФО, как «локомотивы» экономического роста в России. ЦФО (Московский макрорегион) — это центр управления, финансовых потоков и столичных функций, важнейший транспортно-логистический узел. СЗФО (Балтийский и часть Арктического макрорегиона) — это транспортно-логистический узел и зона развития

высокотехнологических производств, зона взаимодействия с высокоразвитыми странами Европы. ДВФО (Дальневосточный макрорегион и часть Арктического макрорегиона) — зоны «новой специализации», зоны взаимодействия с интенсивно развивающимися странами АТР [5].

Основными получателями всех программ стали города: Москва (71 программа), Санкт-Петербург (21), Томск (9), Новосибирск (9), Екатеринбург (7), Владивосток (7), Казань (5), Пермь (5), Ростов (4), Саратов (4), Нижний Новгород (4), Красноярск (4), Якутск (3), Самара (3) (рис. 1). Под них формируются университетские образовательные округа (научно-образовательные кластеры): Центральный, Северо-Западный, Приволжский, Уральский, Сибирский, Южный, Северо-Кавказский и Дальневосточный.

В связи с образованием в 2014 г. Крымского федерального округа появилась необходимость поддержки ещё двух субъектов — Республики Крым и Севастополя, и городов — Симферополя и Севастополя. На базе местных учреждений образован Крымский федеральный университет и государственный университет.

Используя данные мониторинга, подготовленные группой специалистов НИУ Высшей школы экономики и Министерства образования и науки РФ, можно отметить некоторые результаты реализации госпрограмм в их территориальном разрезе [6]. В целом представленные сведения для учреждений ВПО по территории страны согласуются с Генеральной пространственной схемой России, принципом поляризованного (или «сфокусированного») развития, где-то потенциальными проектами реформирования административно-территориального деления России [5]. Всё более верным становится утверждение о концентрации населения России к 2020 г. в двадцати агломерациях, в которых будет проживать до 40 % населения страны [3]. В то же время хорошо видно дальнейшее развитие принципа централизма и столичности в развитии высшей школы России. По всей видимости, большая часть учреждений и программ

высшего профессионального образования будет сосредоточена в них. Причинами этого являются довольно резкая разница в качестве жизни в регионах, сильно дифференцированная поддержка профессиональ-

ного образования в стране, как следствие – поведенческие реакции абитуриентов на пространственное реформирование образования и так называемая внутрироссийская «утечка (миграция) мозгов».

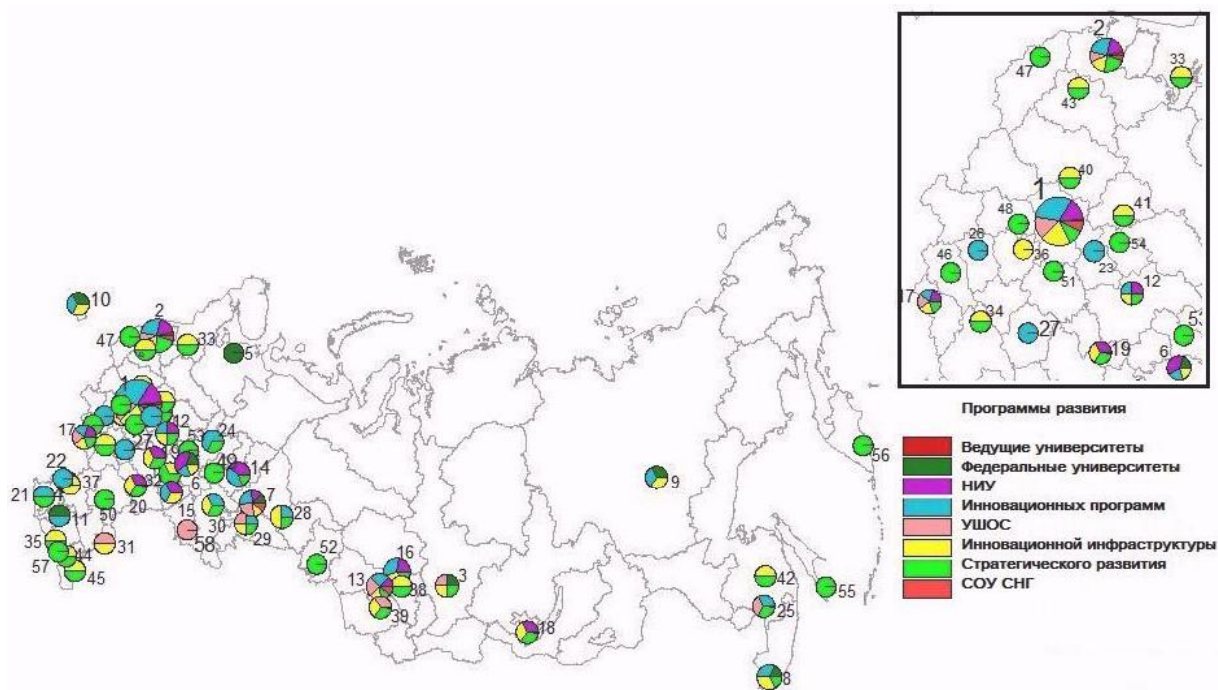

Рис. 1. Участие в государственных программах центров высшего профессионального образования России в 2012 г. (выполнено автором):

Ключевые образовательные центры: 1 – Москва, 2 – Санкт-Петербург, 3 – Красноярск, 4 – Ростов-на-Дону, 5 – Архангельск, 6 – Казань, 7 – Екатеринбург, 8 – Владивосток, 9 – Якутск, 10 – Калининград, 11 – Ставрополь, 12 – Нижний Новгород, 13 – Новосибирск, 14 – Пермь, 15 – Самара, 16 – Томск, 17 – Белгород, 18 – Иркутск, 19 – Саранск, 20 – Саратов, 25 – Хабаровск
 Прочие образовательные центры: 21 – Краснодар, 22 – Таганрог, 23 – Владимир, 24 – Киров, 26 – Орёл, 27 – Тамбов, 28 – Тюмень, 29 – Челябинск, 30 – Уфа, 31 – Астрахань, 32 – Ульяновск, 33 – Петрозаводск, 34 – Воронеж, 35 – Нальчик, 36 – Тула, 37 – Новочеркасск, 38 – Кемерово, 39 – Барнаул, 40 – Тверь, 41 – Ярославль, 42 – Комсомольск-на-Амуре, 43 – Новгород, 44 – Грозный, 45 – Махачкала, 46 – Курск, 47 – Псков, 48 – Калуга, 49 – Ижевск, 50 – Волгоград, 51 – Рязань, 52 – Омск, 53 – Йошкар-Ола, 54 – Иваново, 55 – Южно-Сахалинск, 56 – Петропавловск-Камчатский, 57 – Владикавказ, 58 – Оренбург

На первом этапе интересно проследить это на примере классических университетов в разрезе городов-миллионников (табл. 1). На 2015 г., по данным статистики, в России насчитывалось пятнадцать городов с численностью населения свыше 1 млн человек [10]. Все города-миллионники, без исключения, являются центрами субъектов федерации, семь – центрами округов, в т.ч. один столицей РФ. Эти города имеют, как правило, развитую инфраструктуру высшего образования, включающую весь спектр отраслевых университетов. Однако не во

всех из них в процессе реформ вузы получили какой-либо статус, выделяющий их среди других на общероссийском или мировом уровне. На наш взгляд, это ошибка, так как исторически сложилось, что эти города в России являются «полосами и точками роста». Можно сказать, что статус вуза в регионе – это символичный знак для населения в его поведенческих реакциях при оценке перспектив развития территорий.

Только в начале 2016 г. Министерство образования России определилось с первыми одиннадцатью опорными региональ-

ными университетами. В их числе вузы городов-миллионников Самары, Красноярска, Омска, Уфы, Воронежа и Волгограда. Финансовые ресурсы на развитие они получают значительно меньше федеральных и

национальных исследовательских университетов, что, по нашему мнению, может не позволить осуществить «рывок» на рынке образовательных услуг и в собственном позиционировании.

Таблица 1

Качественные характеристики развития классических университетов в городах-миллионниках России

№ п/п	Города	Статус города	Статус вузов*	Объём финансирования из федерального бюджета 2007/10–2014/17 гг., млн руб.**	Качество бюджетного набора в лучшем вузе, ср. балл ЕГЭ (место в рейтинге)	
					2011 г.	2015 г.
1	Москва	Столица РФ, центр округа	О, Н	24042,0	84,6(1)	87,1(2)
2	Санкт-Петербург	Центр округа	О, Н	4304,6	82,2(2)	88,1(1)
3	Новосибирск	Центр округа	Н	1777,4	78,3(3)	82,0(3)
4	Екатеринбург	Центр округа	Ф	4980,0	66,6(26)	69,3(17)
5	Нижний Новгород	Центр округа	Н	1777,4	69,6(12)	72,1(10)
6	Казань	Центр округа	Ф, Н	8222,4	72,9(7)	76,4(4)
7	Челябинск	Центр субъекта	Н	1777,8	68,3(20)	68,0(20)
8	Омск	Центр субъекта	Ор	200,0	70,1(10)	66,4(32)
9	Самара	Центр субъекта	Н, Ор	1977,4	71,1(9)	72,7(7)
10	Ростов-на-Дону	Центр округа	Ф	5000,0	71,9(8)	70,7(12)
11	Уфа	Центр субъекта	Ор		69,3(14)	65,4(38)
12	Красноярск	Центр субъекта	Ф, Ор	5200,0	65,0(32)	64,4(44)
13	Пермь	Центр субъекта	Н	3550,2	74,3(5)	72,5(8)
14	Воронеж	Центр субъекта	Ор	200,0	73,4(6)	69,3(16)
15	Волгоград	Центр субъекта	Ор	200,0	65,8(27)	67,7(21)

*О – особый, Ф – федеральный университет, Н – национальный исследовательский, Ор – опорный региональный;

** – без строительства кампусов.

Составлено и рассчитано автором по данным [6; 9; 10].

Согласно представленным данным таблицы, все города-миллионники, особенно обладающие уровнем столицы России, центром федерального округа и имеющие на своей территории федеральный или национальный исследовательский университет, увеличили с 2011 по 2015 г. качественную привлекательность для обучающихся (табл. 1). Средний балл бюджетного набора в главных вузах этих городов вырос, место в общем рейтинге улучшилось. Исключением является г. Ростов-на-Дону, где, по всей видимости, высока конкуренция г. Краснодар (агломерация 1,34 млн человек) и его глав-

ного университета. «Размен» между г. Новосибирск (центр округа, национальный исследовательский университет) и г. Красноярск (федеральный университет) пока не привёл к росту значимости Сибирского федерального университета. Его, по нашему мнению, правильнее было бы размещать на территории Новосибирского академгородка, в кластере Новосибирского государственного университета и СО РАН. Эффект от этого был бы значительно весомее не только в российских, но и международных рейтингах.

Какова же географическая картина среди всех центров субъектов федерации?

Из 78 государственных университетов, представленных в выборке мониторинга, мы взяли данные по вузам, расположенным только в региональных столицах (рис. 2). За пять лет из 77 университетов с 55 до 58

улучшили свои показатели по качественному отбору абитуриентов и превысили критериальный балл мониторинга эффективных вузов в части образования – 60,0 (средний балл ЕГЭ вуза для абитуриентов). При этом в 2011 г. выделялось несколько проблемных макрорегионов с невысокими показателями: Сибирь и Дальний Восток, Юг России и Кавказ.

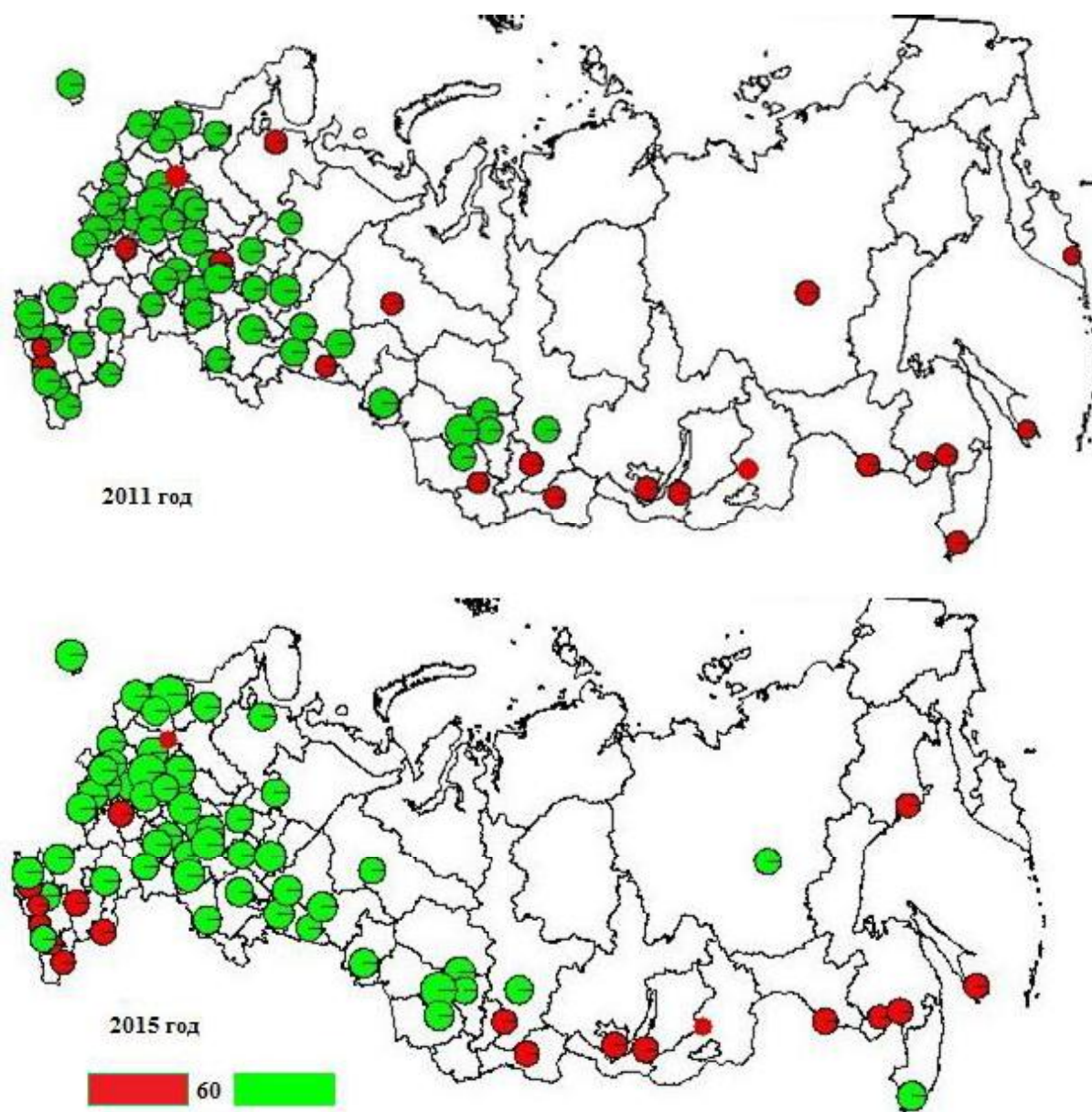

Рис. 2. Пространственный анализ качества бюджетного приёма в классические университеты России в 2011 и 2015 гг. Величина пунсона соответствует среднему баллу ЕГЭ по вузу (выполнено автором)

В 2015 г. ситуация в Сибири и Дальнем Востоке улучшилась за счёт образования мощных точек роста в виде Северо-Восточного федерального университета (Якутск) и Дальневосточного федерального университета (Владивосток). Результат финансовых вложений в развитие этих вузов и, соответственно, городов налицо. Они стали центрами притяжения молодёжи в этих проблемных, с точки зрения отрицательной миграции, территориях. Однако в целом отток сильных абитуриентов из Сибири не прекращается. На Кавказе и Юге России ситуация не улучшилась. Наоборот, фиксируется проблема снижения среднего балла абитуриентов относительно своих же показателей с 2011 по 2015 г.

В целом отмечается большая привлекательность городов с развитой университетской средой, созданной ещё в советский период и получившей финансирование на программы развития в прошлые годы, особенно Москвы, Санкт-Петербурга, Томска, Новосибирска, Екатеринбурга, Владивостока, Казани, Перми, Саратова, Нижнего Новгорода, Красноярска, Якутска, Самары.

Ситуация в классических университетах, как «базовых» учебных заведениях профессионального образования в субъектах федерации, ярко отражает реалии современной России в сфере качества жизни населения. Она резко дифференцирована и ухудшается с запада на восток и юг страны (рис. 3).

Рис. 3. Пространственный анализ качества жизни регионов в 2014 г. и внутренней миграции по Федеральным округам за 2009–2013 гг. (выполнено автором по данным [1; 8])

Подобная картина повторяется при анализе качества бюджетного приёма и в технические вузы (рис. 4). Её рисунок совпадает с современными промышленными центрами России и зависит от благополучия отраслей промышленности. Как видно, большинство регионов Сибири и Дальнего Востока на картосхеме присутствует небольшими локальными знаками (рис. 5).

Иная ситуация складывается в социально-экономических и медицинских

высших учебных заведениях. По данным мониторинга из социально-экономических вузов только два в 2015 г. не вышли за пределы 60-балльной отметки (рис. 6). Спрос на гуманитарные, сервисные и экономические специальности среди абитуриентов на протяжении не только последних пяти лет остаётся высоким. Причиной этого является наличие реальных мест трудоустройства на территориях, которые привязаны в основном к бюджетной и сервисной сферам.

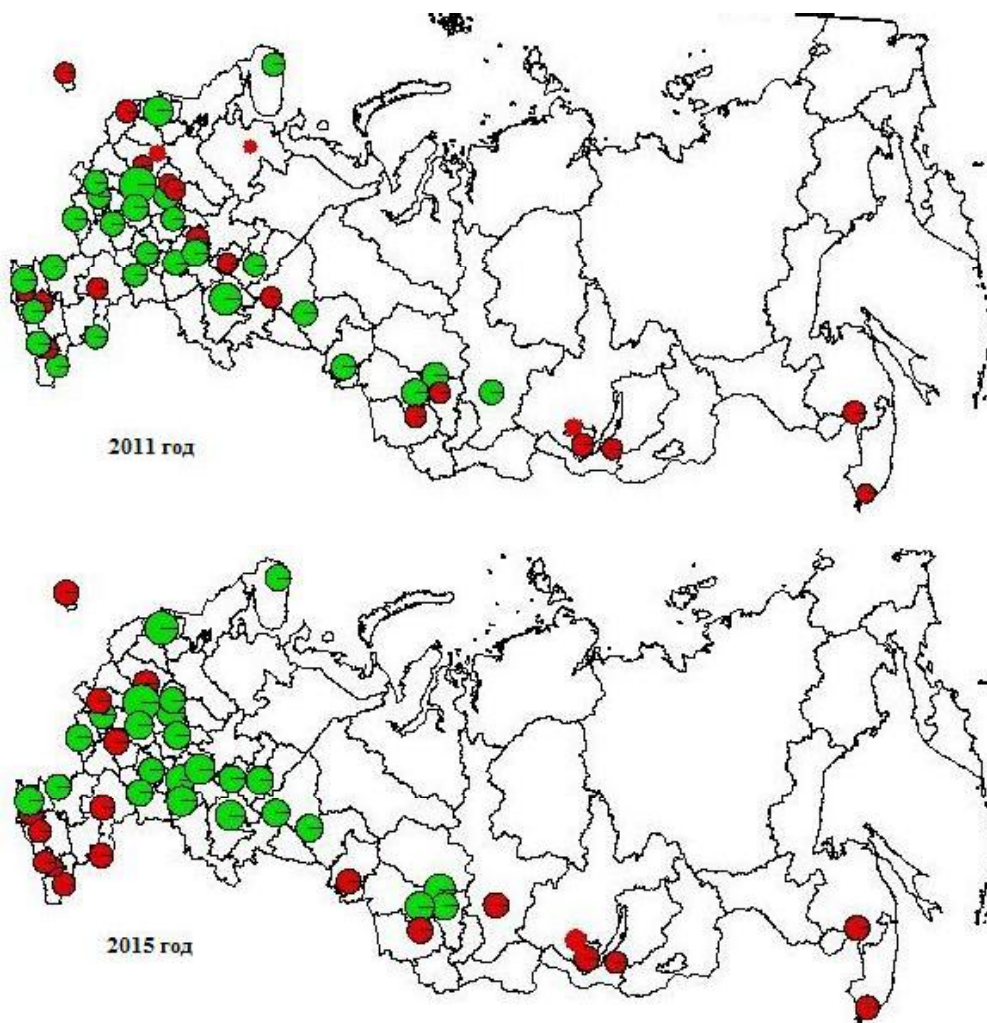

Рис. 4. Пространственный анализ качества бюджетного приёма в технические вузы России в 2011 и 2015 гг.: условные знаки в соответствии с рис. 2 (выполнено автором)

Рис. 5. 250 крупнейших промышленных центров России [TOP-250] (по [7])

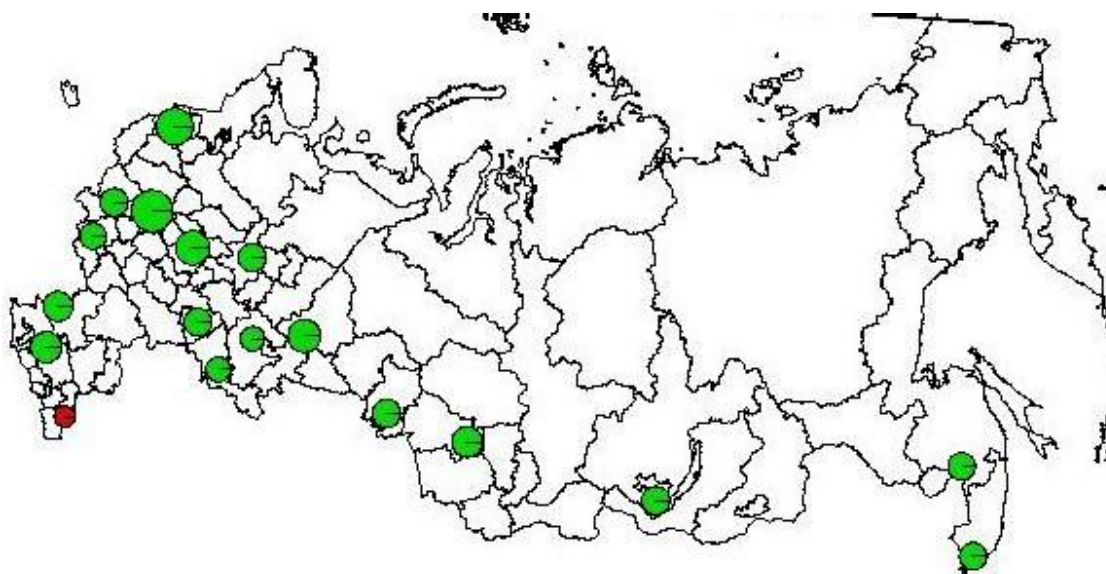

Рис. 6. Пространственный анализ качества бюджетного приёма в социально-экономические вузы России в 2011/2015 гг. (выполнено автором)

У медицинских вузов вообще нет в 2015 г. и не было в 2011 г. учреждений с показателями ниже 60 баллов (рис. 7). Традиционно во всех странах в медицину (и Россия не исключение) всегда идут силь-

ные абитуриенты, и даже на периферии. Однако по картосхеме видно, что общая тенденция на снижение качества абитуриентского состава всё-таки происходит с востока и юга страны к центру.

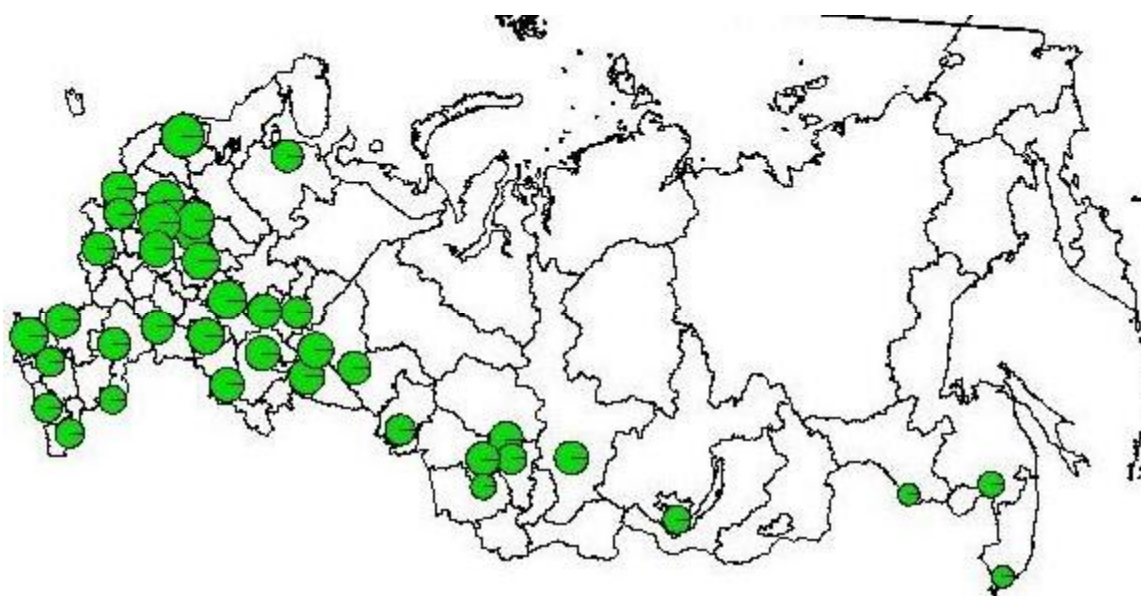

Рис. 7. Пространственный анализ качества бюджетного приёма в медицинские вузы России в 2011/2015 гг.: условные знаки в соответствии с рис. 2 (выполнено автором)

Самая непростая ситуация в педагогических и аграрных учебных заведениях. В педагогических она в целом повторяет общие тенденции классических университетов, но на 10...15 % более низкого уровня в верхних и средних строчках рейтинга (рис. 8). Сравним лучший результат 2015 г. Санкт-Петербургского государственного университета – 88,1 и Московского педагогического государственного университета

– 72,9. По нижним строкам ни классические университеты, ни педагогические ничем не отличаются, уровень относительно невысокий. При этом следует учесть, что в результате реформ существенная часть педагогических вузов за исследуемый период вошла в состав классических университетов, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке. Последствия этого шага можно будет оценить не скоро.

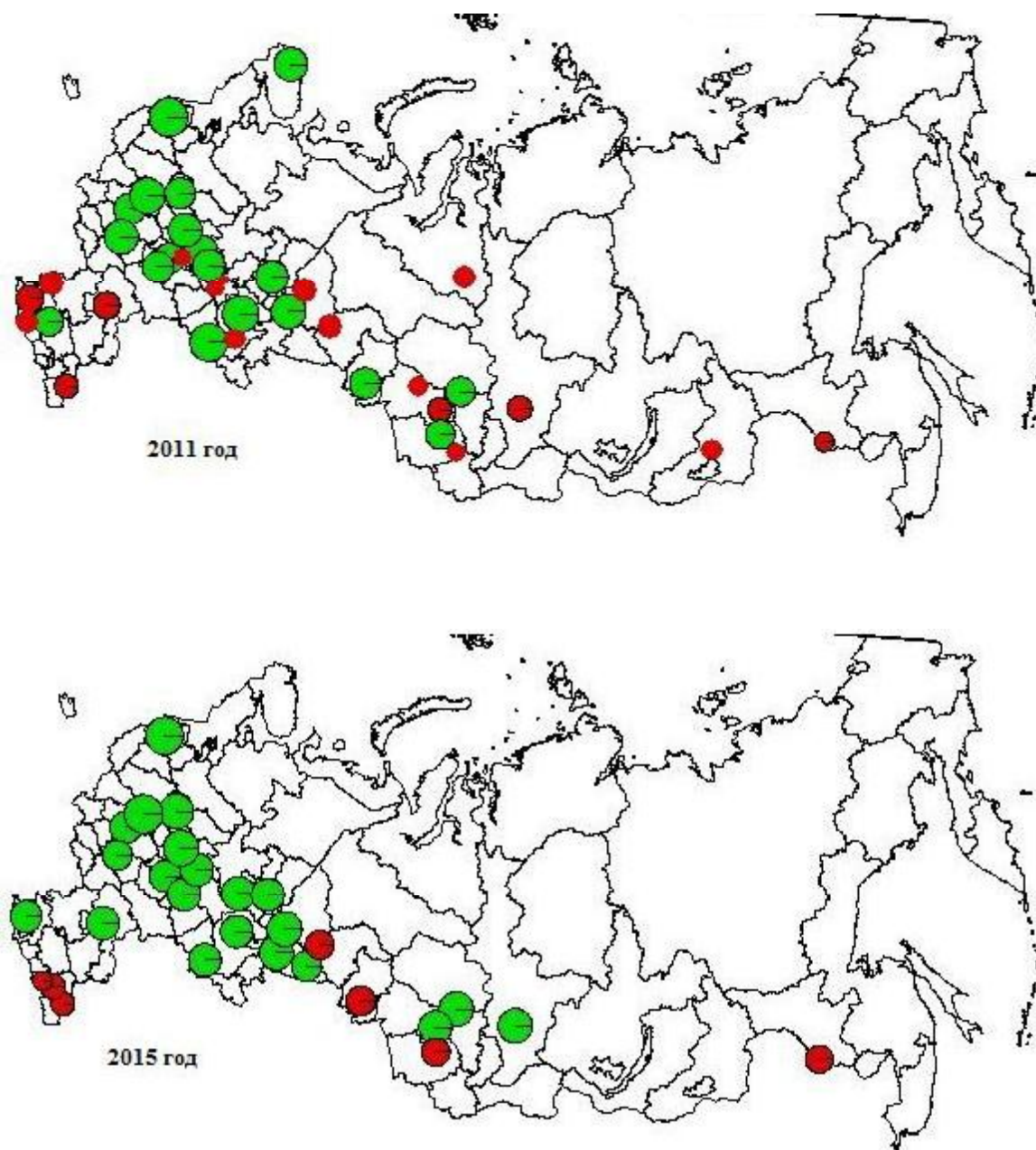

Рис. 8. Пространственный анализ качества бюджетного приёма в педагогические вузы России в 2011 и 2015 гг.: условные знаки в соответствии с рис. 2 (выполнено автором)

Тенденция же в аграрном образовании может считаться критической (рис. 9). Из всех вузов только 4–5 имеют значения, выше или ниже критериального. Последние группы вузов являются «жертвами» недооценки труда педагогов и аграриев в обществе. Если по учительским кадрам, в

связи с Указами Президента РФ 2012 г., ситуация постепенно меняется, то в аграрных пока нет ясных подходов ни на уровне России, ни на уровне регионов, за исключением ряда относительно развитых сельскохозяйственных территорий (Центральная и Южная Россия).

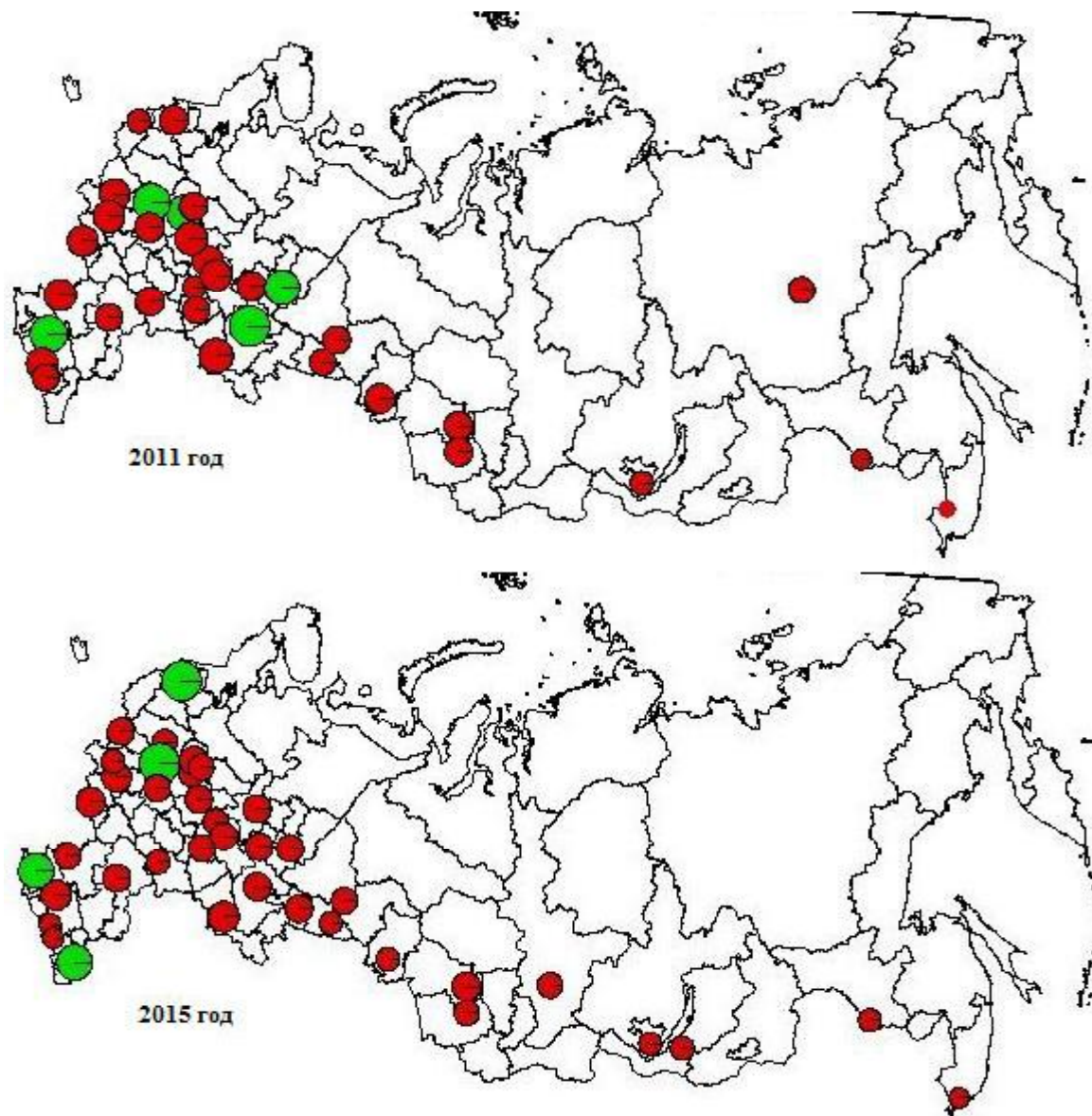

Рис. 9. Пространственный анализ качества бюджетного приёма в аграрные вузы России в 2011 и 2015 гг.: условные знаки в соответствии с рис. 2 (выполнено автором)

В целом тенденции качества бюджетного приёма в вузы, по нашему мнению, не всегда связаны только с непосредственной работой самого учебного заведения, чему посвящены всероссийские мониторинги.

Большинство из них обладает хорошей материально-технической базой и преподавательским составом, позволяющим решать поставленные задачи на региональном уровне. Их результат по качеству приёма

является отражением проблем внутрирос- сийской региональной политики, привед- шей к резкой дифференциации качества жизни населения внутри страны. Разница между регионами-«лидерами» и «аутсайде- рами» огромна. Ещё два десятка лет назад она рассматривалась как особенность раз- вития стран запада, чаще всего бывших колоний. Сегодня же это наше настоящее. Без комплексного подхода к развитию сла- бо освоенных зон Сибири и Дальнего Вос- тока и депрессивных регионов Юга и Кав- каза решить проблему невозможно. Такие программы успешно действуют в соседнем Китае и в некоторых странах Европы. От-

дельные точки роста, представленные и поддерживаемые федеральными и нацио- нальными исследовательскими университе- тами, без дальнейшего создания реальных мест приложения полученных компетенций «новой индустриализации» не остановят внутриросийскую миграцию, в том чис- ле «утечку умов» в западном направлении. Пока попытки государства решить эту за- дачу через частногосударственное партнёр- ство не принесли результатов, финансовых ресурсов выделено недостаточно; можно сказать, что они носят большей частью «де- кларативный» характер.

Список литературы

1. Внутриросийская миграция по территориям прибытия и выбытия («шахматка» по федеральным округам). Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/migr3.xls (дата обраще- ния 20.01.2016).
2. Земцов С.П., Еремкин В.А., Барина В.А. Факторы востребованности ведущих вузов России // Вопросы образования. 2015. № 4. С. 201–233.
3. Иванов В.В. Инновационная парадигма XXI. М.: Наука, 2011. 239 с.
4. Ключевская Н. Создание опорных университетов планируется на базе 11 региональных вузов. Ре- жим доступа: <http://www.garant.ru/news/692019/#ixzz3yLQq41ov> (дата обращения 26.01.2016).
5. Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года // Рас- поряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р. (в ред. распор. Правительства РФ от 08.08.2009 № 1121-р). Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=82134> (дата обращения 12.10.2010).
6. Мониторинг качества приёма в вузы // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Режим доступа: <http://www.hse.ru/ege/rating/2015/64149278/gos/?rlist=0&uplist> (дата обращения 12.11.2015).
7. Промышленный каркас России. 250 крупнейших промышленных центров России // Институт тер- риториального планирования «Урбаника». Режим доступа: <http://urbanica.spb.ru/?p=1321> (дата обраще- ния 12.11.2015).
8. Рейтинг регионов по качеству жизни. М.: Рейтинговое агентство РИА Рейтинг, 2014. С. 24.
9. Создание и развитие сети федеральных и национальных исследовательских университетов (2009–2014) // Министерство образования и науки Российской Федерации. Национальный фонд подготовки кадров. М.: НПФК, 2015. 58 с.
10. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям // Федеральная служба государственной статистики, 2015. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/ (дата обращения 09.07.2011).
11. Cabrera A.F., La Nasa S.M. Understanding the College Choice Process // New Directions for Institu- tional Research, 2000, vol. 107, pp. 5–22.
12. Mangan J., Hughes A., Davies P., Slack K. Fair Access, Achievement and Geography: Explaining the Association between Social Class and Students' Choice of University // Studies in Higher Education, 2010, vol. 35, no. 3, pp. 335–350.

List of literature

1. *Vnutrirossiyskaya migratsiya po territoriyam pribytiya i vybytiya («shahmatka» po federalnym okrugam)* (Migration in the territories of arrival and departure («checkerboard» by federal districts)) Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/migr3.xls (accessed 20.01.2016).
2. Zemtsov S.P., Eremkin V.A., Barinova V.A. *Voprosy obrazovaniya* (Questions of education), 2015, no. 4, pp. 201–233.
3. Ivanov V.V. *Innovatsionnaya paradigma XXI* [An innovative paradigm XXI]. Moscow: Nauka, 2011. 239 p.
4. *Sozdanie opornykh universitetov planiruetsya na baze 11 regionalnykh vuzov* (Kluchevskaya N. Creation of supporting universities is planned on the basis of 11 regional universities) Available at: <http://www.garant.ru/news/692019/#ixzz3yLQq41ov> (accessed 26.01.2016).
5. *Kontsepsiya dolgosrochnogo sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya RF na period do 2020 goda* (The concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period till 2020): Order of the RF Government dated by 17.11.2008 no. 1662-p Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;?base=LAW;n=82134> (accessed 12.10.2010).
6. *Monitoring kachestva priyoma v vuzy* (Monitoring of the quality of admission to higher schools): National Research University «Higher School of Economics» Available at: <http://www.hse.ru/ege/rating/2015/64149278/gos/?rlist=0&uplist> (accessed 11.12.2015).
7. *Promyshlenny karkas Rossii. 250 krupneyshih promyshlennykh tsentrov Rossii* (Industrial frame of Russia. 250 largest industrial centers of Russia): Spatial Planning Institute «Urbanik» Available at: <http://urbanica.spb.ru/?p=1321> (accessed 11.12.2015).
8. *Reyting regionov po kachestvu zhizni* [Rating of regions on the quality of life]. Moscow: The rating agency RIA Rating, 2014. 24 p.
9. *Sozdanie i razvitie seti federalnykh i natsionalnykh issledovatel'skikh universitetov (2009–2014)* (Creation and development of a network of federal and national research universities (2009–2014)): The Ministry of Education and Science of the Russian Federation. National Training Fund. Moscow: NTF, 2015. 58 p.
10. *Chislennost naseleniya Rossiyskoy Federatsii po munitsipalnym obrazovaniyam* (The number of the Russian population by municipalities): Federal Service of State Statistics, 2015 Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/ (accessed 09.07.2011).
11. Cabrera A.F., La Nasa S.M. *New Directions for Institutional Research* (New Directions for Institutional Research), 2000, vol. 107, pp. 5–22.
12. Mangan J., Hughes A., Davies P., Slack K. *Studies in Higher Education* (Studies in Higher Education), 2010, vol. 35, no. 3, pp. 335–350.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Томских Андрей Александрович, д-р геогр. наук, профессор кафедры «География, теория и методика обучения географии», Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: географические науки
tomskih_aa@mail.ru

Andrey Tomskikh, doctor of geographical sciences, professor, Geography department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: geographic sciences

Образец цитирования

Томских А.А. Географический анализ промежуточных итогов модернизации профессионального образования России: пространственный аспект качества приема // *Вестн. Заб. гос. ун-та*. 2016. Т. 22. № 3. С. 10–21.

УДК 622.725:622.345 (083.96)

ВЛИЯНИЕ СОДЕРЖАНИЯ УРАНА НА СОРТИРУЕМОСТЬ РУД РАДИОМЕТРИЧЕСКИМИ МЕТОДАМИ

INFLUENCE OF THE CONTENTS OF URANIUM ON SORTING OF ORES BY RADIOMETRIC METHODS

С.В. Шурьгин,
*Приаргунское производственное
горно-химическое объединение»,
г. Краснокаменск, Россия
ShuriginSV@ppgho.ru*

S. Shurigin,
*Priargunsk Industrial Mining and
Chemical Association,
Krasnokamensk, Russia*

В.А. Овсейчук,
*Забайкальский государственный
университет, г. Чита, Россия
MKS3115637@Yandex.ru*

V. Ovseichuk,
*Transbaikal State University, Chita,
Russia*

Опыт работы ПАО «Приаргунское производственное горно-химическое объединение» (ППГХО) показывает, что при поточной добыче урановых руд большое значение на этапе рудоподготовки (сортировки) имеет усреднение и стабилизация оптимального содержания урана в товарных партиях урановых руд для последующей их рудоподготовки с использованием радиометрических методов сортировки. Исследования показали, что для всех потоков урановых руд существует определенная зависимость технологических показателей переработки урановых руд (выход сорта, степень обогащения и извлечения металла) от среднего содержания урана в товарных потоках урановых руд. Стабилизация оптимального содержания урана в рудном потоке позволяет стабилизировать и оптимальные режимы сортировки урановых руд с использованием радиометрических методов.

Для целей прогноза проведены комплексные геологические и геотехнологические исследования для определения граничных содержаний урана, обеспечивающих высокие технологические показатели при сортировке и переработке урановых руд гидрометаллургическими методами. На основе выполненных исследований установлены следующие эмпирические зависимости эффективности рентгенометрической сепарации от среднего содержания урана в сортируемых товарных рудах: зависимость извлечения урана в концентрат от исходного содержания урана в сортируемой руде; зависимость коэффициента обогащения урана в концентрате от исходного содержания урана в сортируемой руде; зависимость выхода богатой руды от минимального промышленного содержания урана; зависимость выхода урана в богатой руде от минимального промышленного содержания урана.

На основе анализа полученных данных установлено, что извлечение урана в концентрат при их сепарации зависит от его исходного содержания в сортируемой руде, увеличивается при росте содержания в исходной руде от 0,02 до 0,350 % соответственно с 68 до 98 %

Ключевые слова: Стрельцовское рудное поле, урановые руды, граничное содержание урановых руд, рентгенометрическая сепарация урановых руд, выход хвостов сортировки, выход концентрата, прогноз коэффициента обогащения

The experience IJSC «Priargunsk industrial mining and chemical association» (PIMCA) displays that at a line mining of uranium ores the major value at a stage of ore dressing has averaging and stabilization of the optimal contents of uranium ores in commercial batches of uranium ores for their consequent ore preparation with usage of radiometric methods of sorting. The researches have shown, that for all streams of uranium ores there is a definite relation of technological parameters of uranium ores processing ores (output of a sort, degree of dressing and extraction of metal) from the mean uranium contents in commercial batches of uranium ores. The stabilization of the uranium optimal contents in ore stream allows to stabilize optimum regimes of uranium ores sorting with usage of radiometric methods.

For the purposes of the forecast, the complex geologic and geotechnological researches were conducted to define the boundary contents of uranium, ensuring high technological parameters (indexes) at sorting and processing of uranium ores by hydrometallurgical methods. On the basis of performed researches the following em-

irical-formula dependences of X-ray radiometric separation efficiency from the mean contents of uranium in sorted commercial batches of ores are established: relation of uranium extraction in a concentrate from the initial contents of uranium in sorted ore; relation of an enrichment factor of uranium in a concentrate from the initial contents of uranium in sorted ore; relation of an output of rich ore from the minimum industrial contents of uranium; relation of an output (exit) of uranium in rich ore from the minimum industrial contents of uranium.

On the basis of analysis of the received data it is established that the extraction of uranium in a concentrate at their separation depends on his initial contents in sorting ore and is increasing with the growth of the contents in initial (starting) ore from 0,02 up to 0,350 % to 68 up to 98 % accordingly

Key words: *Streltsovsky ore field, uranium ores, boundary contents of uranium ores, X-ray radiometric separation of uranium ores, output of sorted tailings, concentrate yield, forecast of enrichment factor*

Исследования показали [1–5; 8–10], что для всех потоков руды существует некая зависимость выхода сорта и количества урана в нем от среднего содержания урана. Эта зависимость существенна и значима, что требует учета ее при составлении прогноза.

Для целей прогноза необходимо знать функциональную зависимость доли руды и количества металла в сорте от исходного содержания урана в потоке для базовых границ сортировки. Аналитическое выражение, которым аппроксимируется зависимость доли сорта и количества урана в зависимости от среднего содержания урана в потоке, имеет экспоненциальный вид:

$$Y = a_0 \cdot e^{a_1 x}, \quad (1)$$

где a_0 , 1 , $2 \dots$ и $e^{a_1 x}$ – коэффициенты уравнения регрессии для расчета прогнозной доли сорта и количества урана в нем по рудным потокам, полученные в процессе обработки материала покусковой сепарации урановых руд рентгенометрическим методом.

Граничное содержание урана, обеспечивающее технологический оптимум сортировки руды в потоке, находится из анализа аналитического выражения вида

$$E = a_0 \lambda + a_2 \cdot \lambda^2 + a_3 \cdot \lambda^3, \quad (2)$$

где λ – содержание урана в руде, %.

Анализ функции заключается в нахождении ее максимума, которому соответствует технологический оптимум сортировки. Пригодность функции определяется алгебраическими значениями коэффициента a_3 и параметром $\Delta = 3a_3 a_1 - a_2^2$. Если параметр $\Delta < 0$, а коэффициент $a_3 > 0$, функция имеет

один максимум в точке $\lambda_{opt} = -\frac{a_2 + \sqrt{-\Delta}}{3a_3}$, в противном случае необходимо изменить шкалу базовых точек, включаемых в нахождение оптимума.

Проведенные исследования обогатимости руд текущей добычи при покусковой сортировке на РРОФ на предмет выявления зависимости эффективности рентгенометрической сепарации от содержания урана в сортируемых рудах позволили выявить зависимости, которые можно описать эмпирическими формулами [6; 7]:

– зависимость извлечения урана в концентрат от исходного содержания урана в сортируемой руде

$$\varepsilon = 91,36259 + 26,41993 \times \log(\lambda) + 2633459 \times \log(\lambda)^2; \quad (3)$$

– зависимость коэффициента обогащения урана в концентрате от исходного содержания урана в сортируемой руде

$$K_{об} = 1 / (0,17716 + 1,90623 \times \lambda + 2,92782 \times \lambda^2). \quad (4)$$

Коэффициент обогащения урана в концентрате по отношению к исходной руде по мере роста содержания урана в сепарируемой руде от 0,02 до 0,350 % уменьшается соответственно от 4,8 до 2.

Проведены исследования выхода богатой руды и урана в ней при покусковой сортировке в зависимости от минимально промышленного содержания урана в товарной руде по годам, которые описываются эмпирическими выражениями:

– зависимость выхода богатой руды от минимального промышленного содержания урана

$$\varepsilon = 3,53721/\lambda_{\text{мин пр}} + 21,87825 +$$

$$+ 76,53888 \times \lambda_{\text{мин пр}}; \quad (5)$$

– зависимость выхода урана в богатой руде от минимального промышленного содержания урана

$$\varepsilon = 1,25262/\lambda_{\text{мин пр}} + 8140693 +$$

$$+ 141,81298 \times \lambda_{\text{мин пр}}. \quad (6)$$

Выводы. Анализ полученных данных показывает, что извлечение урана в концентрат при их сепарации зависит от его исходного содержания в сортируемой руде, увеличивается при росте содержания в исходной руде от 0,02 до 0,350 % соответственно с 68 до 98 %.

Список литературы

1. Мокроусов В.А., Лилеев В.А. Радиометрическое обогащение нерадиоактивных руд. М.: Недра, 2010. 192 с.
2. Требования к изучению радиометрической обогатимости минерального сырья при разведке месторождений металлических и неметаллических полезных ископаемых. М.: ГКЗ, 2014. 72 с.
3. Чантурия В.А. Основные направления комплексной переработки минерального сырья // Горный журнал. 2014. № 1. С. 50–54.
4. Чантурия В.А. Состояние и перспективы обогащения руд в России // Цветные металлы. 2012. № 2. С. 15–21.
5. Чантурия В.А. Теория и практика использования электрохимических и радиационных воздействий в процессе первичной переработки минерального сырья. М.: МГТУ, 2013. С. 145–152.
6. Овсейчук В.А., Тирский А.В., Подопригора В.Е. Отчет о проведенных исследованиях по программе и методике исследовательских испытаний сортируемости урановых руд месторождений Стрельцовского рудного поля. Чита, 2013. 110 с.
7. Акт опытно-промышленных испытаний технологии рентгено-радиометрической сепарации (PPC) для сортировки урановых руд ОАО ППГХО, 2013. 8 с.
8. Подготовка минерального сырья к обогащению и переработке. М.: Недра, 2010. 242 с.
9. McClelland G.E., Pool D.L., Eisele J.A. Inf. Circ. Bur. Mines US, dep. Inter, 2012, no. 8945, pp. 1–16.
10. Dolezil V., Reznicek J. World Mining, 2013, v. 36, no. 8, pp. 94–96.

List of literature

1. Mokrousov V., Lileev V. Radiometricheskoe obogashhenie neradioaktivnykh rud [Radiometric dressing of «cold» ores]. Moscow: Nedra, 2010. 192 p.
2. Trebovaniya k izucheniyu radiometricheskoy obogatimosti mineralnogo syriya pri razvedke mestorozhdeniy metallicheskih i nemetallicheskih poleznykh iskopaemykh [Requests to analysis of radiometric washability of mineral raw materials at exploration of metal and non-metallic mineral resources deposits]. Moscow: GKZ, 2014.
3. Chantury V.A. Gornyy zhurnal (Mining Journal), 2014, no. 1, pp. 50–54.
4. Chantury V.A. Tsvetnye metally (Non-ferrous metals), 2012, no. 2, pp. 15–21.
5. Chantury V.A. Teoriya i praktika ispolzovaniya elektrohimicheskikh i radiatsionnykh vozdeystviy v protsesse pervichnoy pererabotki mineralnogo syriya [The theory and practice of electrochemical and radiation effects usage during primary processing of mineral raw materials]. Moscow: MGTU, 2013.
6. Ovseichuk V.A., Tirsky A.V., Podoprighora V.E. Otchet o provedennykh issledovaniyakh po programme i metodike issledovatel'skikh ispytaniy sortiruемости uranovykh rud mestorozhdeniy Streltsovskogo rudnogo polya [The report on conducted researches under the program and procedure of exploratory tests of sorted uranium ores of Streltsovsky ore field deposit]. Chita, 2013.
7. Akt opytно-promyshlennykh ispytaniy tehnologii rentgeno-radiometricheskoy separatsii (RRS) dlya sortirovki uranovykh rud ОАО PPGHO (The certificate (act) of Trial tests of X-ray radiometric separation technology for sorting uranium ores for PAO PPGHO), 2013. 8 p.
8. Podgotovka mineralnogo syriya k obogashheniyu i pererabotke [Preparation of mineral raw materials for dressing and processing]. Moscow: Nedra, 2010.
9. McClelland G.E., Pool D.L., Eisele J.A. Inf. Circ. Bur. Mines US (Inf. Circ. Bur. Mines US), dep. Inter, 2012, no. 8945, pp. 1–16.
10. Dolezil V., Reznicek J. World Mining (World Mining), 2013, v. 36, no. 8, pp. 94–96.

Коротко об авторах

Шурыгин Сергей Вячеславович, генеральный директор, ПАО «Приаргунское производственное горно-химическое объединение», Забайкальский край, г. Краснокаменск, Россия. Область научных интересов: геотехнология, горное дело, охрана окружающей среды
ShuriginSV@ppgho.ru

Овсейчук Василий Афанасьевич, д-р техн. наук, профессор, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: геология, геотехнология урановых месторождений, охрана окружающей среды, радиационная безопасность
MKS3115637@Yandex.ru

Briefly about the authors

Sergey Shurigin, general director, Priargunsky Industrial Mining and Chemical Association», Krasnokamensk, Russia. Sphere of scientific interests: geotechnology, mining, environmental protection

Vasily Ovseichuk, doctor of engineering sciences, professor, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: geology, geotechnology of uranium deposits, protection of an environment, radiation safety

Образец цитирования

Шурыгин С.В., Овсейчук В.А. Влияние содержания урана на сортируемость руд радиометрическими методами // Вести. Заб. гос. ун-та. 2016. Т. 22. № 3. С. 22–25.

УДК 504.05: 504.064

СНИЖЕНИЕ ЗАГРЯЗНЕНИЯ АТМОСФЕРНОГО ВОЗДУХА ГОРОДОВ АВТОМОБИЛЬНЫМ ТРАНСПОРТОМ В УСЛОВИЯХ СЛОЖНОГО ЛАНДШАФТА И ДЛИТЕЛЬНОГО ХОЛОДНОГО ПЕРИОДА: АСПЕКТЫ МЕТОДОЛОГИИ

ASPECTS OF METHODOLOGY OF DECREASE IN POLLUTION OF ATMOSPHERIC AIR OF THE CITIES BY THE MOTOR TRANSPORT IN THE CONDITIONS OF DIFFICULT LANDSCAPE AND LONG COLD PERIOD

*А. П. Щербатюк, Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия
andrey.shcherbatyuk.63@ru*

A. Scherbatyuk, Transbaikal State University, Chita, Russia

Отмечено, что загрязнение атмосферного воздуха городов выбросами автомобильного транспорта во многих регионах нашей планеты является важнейшей экологической проблемой. Выявлено, что для Российской Федерации актуальность проблемы увеличивается в связи с наличием регионов со сложным ландшафтом и длительным холодным периодом. Учтено, что для таких регионов типовые решения, приводящие к снижению загрязнения атмосферы, зачастую неприемлемы как по технологическим причинам, так и по экономическим затратам.

Показано, что в России как минимум 14 неблагоприятных регионов, в которых регистрируется превышение предельно допустимых концентраций (ПДК) токсичных веществ и вредных веществ (ТВ и ВВ) в атмосферном воздухе, величина индекса загрязнения атмосферы (ИЗА5) в несколько раз превышает допустимые нормы. Доказано, что одним из значимых источников загрязнения атмосферного воздуха в городах и крупных промышленных центрах является автомобильный транспорт. Значительная доля автомобилей от общего числа находящихся в эксплуатации в качестве энергетических установок использует бензиновые двигатели внутреннего сгорания (ДВС). Выявлено, что в отработавших газах (ОГ) бензиновых ДВС содержатся продукты неполного сгорания топлива, в том числе ТВ и ВВ, что является причиной роста заболеваемости населения городов, составляющей 10...37 % от суммарной заболеваемости.

Представлен Забайкальский край как составная часть Восточно-Сибирского региона, который из-за сложного ландшафта и длительного холодного периода является одним из характерных неблагоприятных территорий Российской Федерации, в которых регулярно регистрируется превышение предельно допустимых концентраций (ПДК) ТВ и ВВ в атмосферном воздухе, величина индекса загрязнения атмосферы (ИЗА5) в несколько раз превышает допустимые нормы. Проанализированы данные ФГУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии Забайкальского края». В результате проведенных исследований отмечается тесная корреляционная зависимость многих заболеваний от содержания в атмосферном воздухе ТВ и ВВ.

Рассматривается проблема загрязнения атмосферного воздуха городов, расположенных в Восточно-Сибирских регионах России, отработавшими газами автомобилей; обосновывается методология снижения их техногенного воздействия на атмосферный воздух в условиях сложного ландшафта и длительного холодного периода

Ключевые слова: регион, сложный ландшафт, холодный период, циркуляция атмосферы, выбросы автотранспорта, методология

The article noted that air pollution emissions of urban road transport in many regions of our planet are a major environmental problem. It was revealed that the Russian Federation is increasing the relevance of the problem due to the presence of the regions with difficult terrain and long cold period. It is considered that for such regions typical decisions that lead to a reduction of air pollution, often unacceptable, both for technological reasons, as well as economic costs.

It is shown that in Russia, there are at least 14 adverse regions which recorded the excess of maximum permissible concentration (MPC) of toxic and hazardous substances (TV and BB) in the atmosphere, the amount of air pollution index (API5) is several times higher than permissible limits. It is proved that one of the major sources of air pollution in cities and industrial centers is road transport. It is revealed that a significant proportion of the total number of vehicles in use, such as power plants, use gasoline internal combustion engines (ICE). It was found in the exhaust gas (exhaust gas) that petrol engines contain products of incomplete combustion, including TV and BB, which is a cause of increased incidence of urban population of 10 ... 37 % of the total incidence.

Transbaikal region is presented as a part of the East-Siberian region due to the difficult terrain and a long cold period. It is one of these specific adverse territories of the Russian Federation, which regularly recorded the excess of maximum permissible concentration (MPC) TV and explosives in the air, the amount of air pollution index (API5) is several times higher than permissible limits. The data of the «Center for Hygiene and Epidemiology of the Transbaikal Territory» were studied. As a result a close correlation of many diseases of the content in the air of TV and explosives is indicated. The problem of urban air pollution, located in the East Siberian regions of Russia, the exhaust gases of cars is studied; the methodology to reduce their anthropogenic impact on the atmosphere in conditions of difficult terrain and a long cold period is proved

Key words: region, complex landscape, cold period, atmospheric circulation, motor vehicle emissions, methodology

В зависимости от ландшафта и климатических условий азиатская часть России, включающая районы Сибири и Дальнего Востока, характеризуется высоким и очень высоким ПЗА. Загрязнение атмосферного воздуха здесь всегда выше, чем на европейской части России. Под влиянием определенных условий рассеивания при одинаковых антропогенных выбросах создается различный уровень загрязнения экосистем и атмосферного воздуха городов. Одними из основных причин являются сложный ландшафт и длительный холодный период. Это

усугубляется тенденцией роста количества автотранспорта, являющегося основной причиной загрязнения экосистем таких городов и заболеваемости населения. Научные исследования, проводимые в данном направлении, и практические решения имеют большое социально-экологическое значение.

На примере Забайкалья и г. Чита, в частности, как модельного региона, при установленной нами зависимости прослеживается ежегодное увеличение уровня загрязнения атмосферного воздуха пятью приоритетными веществами (рис. 1).

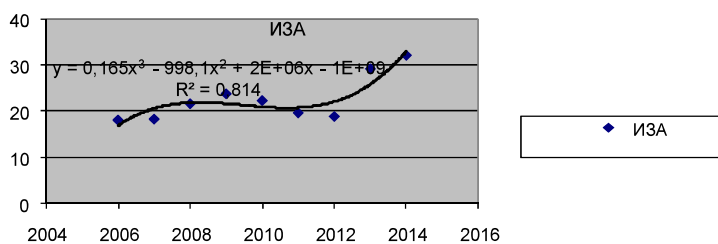

Рис. 1. Комплексный индекс загрязнения атмосферы г. Чита пятью приоритетными веществами за период с 2006 по 2014 гг.

Основным источником загрязнения атмосферного воздуха является автомобильный транспорт, объемы выбросов которого (в сравнении с предприятиями теплоэнергетического комплекса, котельными ЖКХ) ежегодно возрастают. Прогноз выполнен нами до 2025 г. (табл. 1).

Из приведенных данных видна тенденция существенного увеличения выбросов загрязняющих веществ от автотранспорта.

Если в 2005 г. доля загрязняющих веществ, поступающих в атмосферный воздух от автотранспорта, составляла чуть более трети загрязнений от стационарных источников, то в 2008 г. она сравнялась с последними. С 2008 г. доля загрязнения атмосферы города автотранспортом стала преобладающей и далее будет увеличиваться, в 2014 г. она уже более чем в два раза выше выбросов от стационарных источников.

Таблица 1

Прогноз выбросов загрязняющих веществ до 2025 г.

Годы	Выбросы загрязняющих веществ от стационарных источников в Забайкальском крае (без очистки), тыс. т	Выбросы загрязняющих веществ от автотранспорта в Забайкальском крае, тыс. т
2005	134,89	55,4
2006	131,84	70,3
2007	129,11	115,91
2008	139,7	141,05
2009	146,3	171,30
2010	138,2	201,56
2011	143,73	231,81
2012	145,74	262,07
2013	147,76	292,32
2014	149,77	322,58
2015	151,78	352,83
2016	153,80	383,09
2017	155,81	413,34
2018	157,83	443,60
2019	159,84	473,85
2020	161,86	504,11
2021	163,87	534,36
2022	165,89	564,67
2023	167,90	594,87
2024	169,92	625,13
2025	171,93	655,38

Обеспечение экологической безопасности от транспорта в г. Чита рассмотрено на основе модели повышения экологической безопасности воздушной среды участников дорожного движения A_{HRI} , аналогичной представлением М.Р. Якимова (2012) и В.С. Ворожнина (2014), т.е. путем оптимизации функции

$$A_{HRI} = \sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^n \sum_{k=1}^n C_{ijk} \cdot X_{ijk} \cdot t_{ijk} \rightarrow opt, \quad (1)$$

где C_{ijk} – качество среды обитания по i -му воздействию на участников дорожного движения j -й группы, находящихся в k -й транспортной зоне (отличается от значения выброса у ранее упомянутых авторов) доли ПДК;

X_{ijk} – количество участников дорожного движения j -й группы, находящихся в k -й транспортной зоне и подвергающихся i -му воздействию, человек;

t_{ijk} – время передвижения участников дорожного движения j -й группы в k -й транспортной зоне с i -м воздействием, ч.

В отличие от базовой модели М.Р. Якимова (2012), усовершенствованной В.С. Во-

рожниным (2014), в нее введены параметры, характерные для рассматриваемых условий.

Введение корректирующих изменений в действующую модель обусловлено следующими факторами.

1. Базовая модель основана на очищающей работе фотокатализаторов. Как известно, основным источником фотокаталитической реакции являются ультрафиолетовые лучи, т.е. солнце. В условиях рассматриваемых регионов (сложный ландшафт и длительный холодный период) наибольшее количество ТВ и ВВ от ДВС автомобилей в УДС скапливается в котловинах, где расположены города, особенно в зимнее время в связи с инверсией воздушных масс. В результате образуется смог, увеличивающий рассеивание ультрафиолетовых лучей и уменьшающий проницаемость атмосферного воздуха. Вторым фактором является действие фотокатализаторов только в светлое время суток. Третьей составляющей нашего альтернативного выбора является экономическая составляющая. Установка оборудования с фотокатализато-

рами на автомобили и нанесение на поверхности УДС требует значительных затрат. К тому же установленные на автомобиль фотокатализаторы очищают воздух только внутри салона и никак не влияют на выброс автомобилем ТВ и ВВ в атмосферу. В связи с тем, что подобные регионы испытывают двукратную техносферную нагрузку из-за особенностей ландшафта и длительного холодного периода для преодоления перечисленных причин нами предлагается использовать вместо катализаторов перевод автотранспорта на альтернативные виды топлива, в частности газовое. Во-первых, выбросы автомобиля на газовом топливе, в целом, значительно чище, а по некоторым веществам, например бензапирену, в 3...4 раза чем на бензине. Во-вторых, нет зависимости от времени суток и проницаемости атмосферного воздуха. В-третьих, снижение количества и влияние ТВ и ВВ происходит на всех учасниках УДС. И, в-четвертых, часть затрат, особенно по автотранспорту общественного пользования, будет покрыта за счет государственной программы по переводу до 2020 г. на газовое топливо.

2. Вторым предложением по модифицированию модели М.Р. Якимова (2012) – В.С. Ворожнина (2014) для регионов со сложным ландшафтом и длительным холодным периодом является создание системы технологических скверов и парка, расположенных особым образом в городских кварталах по розе ветров и нижних точках котловин, что максимально позволит в этих сложных условиях снизить количество ТВ и ВВ от ДВС автомобилей на УДС в летнее время.

В частности, для рассматриваемых регионов автором предложено введение корректирующего коэффициента для C_{ijk} (качества среды обитания), равного в первом приближении 2, так как по всем показателям наблюдается примерно двукратная нагрузка на экосистемы данных территорий из-за сложного ландшафта и длительного холодного периода.

Для комплексной оценки экологической безопасности участников дорожного

движения в городской среде с особыми условиями (сложным ландшафтом и длительным холодным периодом) предложена методология расчета по скорректированному для этих условий алгоритму (рис. 2).

Корректировка заключалась в изменении следующих параметров:

а) раздел «Поглотители» скорректирован на «Снижение и поглощение», в который добавлен параметр «удельное снижение»;

б) раздел «Текущий поток поглощения» скорректирован на «Текущий поток снижения и поглощения», в котором заменен параметр «фотокатализаторами» на параметр «перевод на газовое топливо»;

в) раздел «Прогноз потока поглощения» скорректирован на «Прогноз потока снижения и поглощения», в который добавлен параметр «динамика режима снижения»;

г) в разделы «Текущие природные характеристики» и «Прогноз климатических характеристик» добавлен параметр «сложный ландшафт».

Такие корректировки обосновываются следующим:

1) для снижения загрязнения атмосферного воздуха автотранспортом инженерным решением проблемы является перевод на альтернативные виды топлива (в нашем случае – газовое) вместо использования фотокатализаторов. Поэтому параметр «поглощение» в данных разделах заменен на «снижение»;

2) в других разделах по этой же причине, где имелось в виду поглощение ТВ и ВВ за счет растительности, добавлен параметр «снижение»;

3) в связи с особыми условиями (сложным ландшафтом и длительным холодным периодом) исследуемых территорий используется термин «сложный ландшафт».

Для оценки ежечасных концентраций загрязняющих веществ в воздушной среде (С) в работе В.С. Ворожнина (2014) использовалось представление, что качество воздушной среды формируется за счет взаимодействия природных и техногенных составляющих природно-технической системы:

$$C = F \left[\left(\sum_{i=1}^n \text{ВП}_i \right); \left(\sum_{j=1}^n \text{ПП}_j \right); \left(\sum_{k=1}^n \text{УС}_k \right) \right], \quad (2)$$

где *ВП* – поток загрязнения в окружающую среду, генерируемый *i*-м видом транспорта (источники *ЗВ*);

ПП – поток удаления транспортного загрязнения окружающей средой в зоне действия *i*-го вида транспорта (стоки *ЗВ*);

УС – условия окружающей среды для *i*-го вида транспорта (внешние условия).

Считая, что данная модель, вероятно, потребует уточнения для регионов со сложным ландшафтом и длительным холодным периодом, подобным г. Чита, автор, проанализировав влияющие факторы, выдвинул гипотезу о необходимости введения k_p – регионального корректирующего коэффициента. При этом для г. Чита k_p в первом приближении можно принять равным 2, так как здесь ИЗА5 > 14 (а по отдельным показателям, например в г. Чита в зимнее время достигает 70), а в городах Западной Сибири ИЗА5 < 14 (например, г. Москва 7...14). Тогда разница минимальных показателей будет равна 2, т.е. внешние условия рассматриваемого региона имеют влияние в первом приближении в два раза большее. Соответственно, необходимы инженерные решения, позволяющие в рассматриваемых условиях снижать это воздействие в два раза сильнее, чем в регионах более мягкого климата и простого ландшафта

$$C = F \left[\left(\sum_{i=1}^n \text{ВП}_i \right); \left(\sum_{j=1}^n \text{ПП}_j \right); \left(2 \sum_{k=1}^n \text{УС}_k \right) \right]. \quad (3)$$

Кроме того, нами предлагается подход активного воздействия на параметры, определяющие снижение и удаление загрязнений. Технологические сооружения (технологические парки и скверы) и городская растительность рассматриваются в качестве инженерных сооружений, обеспечивающих защиту воздушной среды в теплый период. Для этого качество воздушной среды C_i (доли ПДК) на основе (3) представлено в виде совместной работы загрязняющих и снижающих, а также удаляющих устройств в транспортных инженерных сооружениях:

$$C_i = K_p \frac{\omega_i \cdot Q - \lambda_i \cdot N}{D_i \cdot \text{ПДВ}_i}, \quad (4)$$

где ω_i – выброс *i*-го компонента вредного воздействия на единицу территории, г/м² час⁻¹;

Q – количество транспорта, ед.;

K_p – региональный коэффициент равен 2 (ИЗА5 < 14);

λ_i – удаление *i*-го компонента вредного воздействия на единицу площади поглотителя, г/м² час⁻¹;

N – количество объектов, осуществляющих удаление *i*-го компонента вредного воздействия, ед.;

ПДВ_i – предельно допустимая концентрация, г/м³;

D_i – скорость выведения транспортного загрязнения *i*-го компонента (м/с) основана на учете в модели условий, обеспечивающих гео- и биофизические механизмы очищения, а также снижения при использовании технических средств. Параметр $\lambda = \lambda_{ny} + \lambda_n + \lambda_{fin} + \lambda_{f\ out}$ включает в себя поглощение ТВ и ВВ с помощью технологических способов (технологические парки и скверы – летом.) В холодный период года предлагается снижение с помощью технических устройств (перевод на газовое топливо).

В связи с тем, что качество воздушной среды в различных регионах России неодинаково, автором предложена следующая градация k_p – регионального корректирующего коэффициента (табл. 2):

1 – для всех городов, не входящих в список 19 наиболее загрязненных;

1,5 – для городов, входящих в список и имеющих более мягкий климат (Биробиджан, Благовещенск, Южно-Сахалинск);

1,8 – для городов, входящих в список и имеющих большое количество техногенных производств (Красноярск, Новокузнецк, Норильск, Челябинск, Шелехов);

2 – для городов, входящих в список и имеющих резко континентальный климат и сложный ландшафт месторасположения (Братск, Зима, Иркутск, Кызыл, Лесосибирск, Минусинск, Петровск-Забайкальский, Селенгинск, Улан-Удэ, Черногорск, Чита).

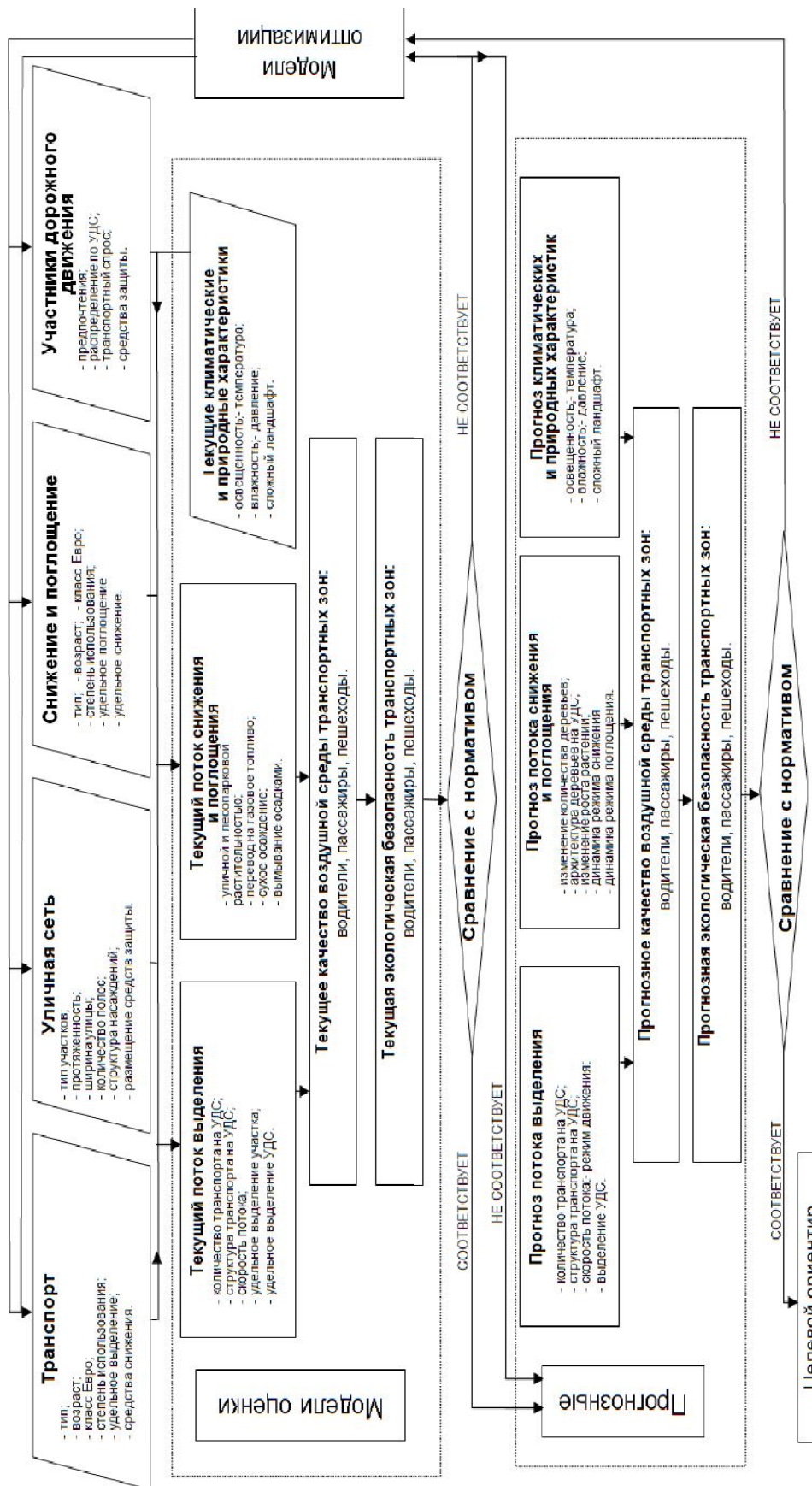

Рис. 2. Схема алгоритма оценки экологической безопасности транспорта

**Корректирующие коэффициенты
для расчета качества воздушной среды в зависимости от ИЗА**

ИЗА5	7...14	14...17	14...23	14...70
Коэффициент	1	1,5	1,8	2

Таким образом, методология комплексного снижения загрязнения атмосферного воздуха, предложенная автором, позволяет в регионах со сложным ландшафтом и длительным холодным периодом за счет научно обоснованных технических и технологических решений существенно улучшить качественные показатели атмосферного воздуха городских территорий в различные периоды года, что отразится на улучшении здоровья населения. Прогнозное снижение заболеваний органов дыхания населения городов, расположенных в таких регионах, может

снизиться на 25...30 %, поэтапная реализация отдельных мероприятий и комплексной программы позволит существенно улучшить показатели атмосферного воздуха и в целом экосистемы города на 20...30 %. Результаты проведенных исследований, запатентованные способы и технические устройства рационально использовать не только в г. Чита и Забайкальском крае, а также при определенных условиях — для снижения техногенной нагрузки городских экосистем и в иных по ландшафту и температурному режиму регионах России и мира.

Список литературы

1. Безуглая Э.Ю., Смирнова И.В. Воздух городов и его изменения. СПб.: Астерион, 2008.
2. Безуглая Э.Ю., Смирнова И.В. Проблема загрязнения воздуха. Крупнейшие города России. Сб. Инженерные системы. № 2. СПб., 2002.
3. Ворожнин В.С. Методика повышения экологической безопасности автотранспорта на улично-дорожной сети крупного города (на примере защиты воздушной среды участников дорожного движения): автореф. дис. ... канд. техн. наук. М., 2014. 20 с.
4. Ворожнин В.С. Изучение автотранспортного воздействия на участников дорожного движения // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13 (39). № 1 (8). С. 1848–1852.
5. Ворожнин В.С., Маркелов Ю.И. Изучение влияния загрязнения воздушной среды крупного города на участников дорожного движения // Эколого-географические проблемы природопользования нефтегазовых регионов — теория, методы, практика: доклады IV Междунар. науч.-практ. конф. Нижневартовск: Нижневарт. гос. гуманит. ун-т, 2010. С. 221–224.
6. Якимов М.Р. Научная методология формирования эффективной транспортной системы крупного города: автореф. дис. ... д-ра техн. наук. М., 2012. С. 9–25.
7. Якимов М.Р. Разработка системы мониторинга выбросов автомобильного транспорта в атмосферу крупных городов: автореф. дис. ... канд. техн. наук. Пермь, 2004. 23 с.
8. Song W.W., Ashmore M.R., Terry A.C. The influence of passenger activities on exposure to particles inside buses // Atmospheric Environment. 2009. Vol. 43. P. 6271–6278.
9. Potoglou D., Kanaroglou P.S. Carbon monoxide emissions from passenger vehicles: predictive mapping with an application to Hamilton, Canada // Transportation Research Part D. 2005. Vol. 10. P. 97–109.
10. Ashmore M.R., Dimitroulopoulou C. Personal exposure of children to air pollution // Atmospheric Environment. 2009. Vol. 43. P. 128–141.

List of literature

1. Bezuglaya E.Yu., Smirnova I.V. *Vozduh gorodov i ego izmeneniya* [The air of cities and its changes]. St.-Petersburg: Asterion, 2008.
2. Bezuglaya E.Yu., Smirnova I.V. *Problema zagryazneniya vozduha. Krupneyshie goroda Rossii* [The problem of air pollution. The largest cities of Russia]: Coll. Engineering systems, no. 2. St.-Petersburg, 2002.
3. Vorozhnin V.S. Technique of vehicles increase on the environmental safety of the road network of a large city (on the example of the protection of ambient air traffic participants) [Metodika povysheniya ekologicheskoy bezopasnosti avtotransporta na ulichno-dorozhnoy seti krupnogo goroda (na primere zashhity vozdushnoy sredy uchastnikov dorozhnogo dvizheniya)]: Abstract. dis. ... cand. tehn. sciences. Moscow, 2014. 20 p.
4. Vorozhnin V.S. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* (Bulletin of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences), 2011, vol. 13 (39), no. 1 (8), pp. 1848–1852.
5. Voronin V.S., Markelov Yu.I. *Ekologo-geograficheskie problemy prirodopolzovaniya neftegazovykh regionov – teoriya, metody, praktika* (Ecological-geographical problems of natural resources of oil and gas regions – theory, methods, practice): report of the IV International. scientific-practical. conf. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State Humanitarian University Press, 2010, pp. 221–224.
6. Yakimov M.R. Scientific methodology of formation of an efficient transport system of a large city [Nauchnaya metodologiya formirovaniya effektivnoy transportnoy sistemy krupnogo goroda]: Abstract. diss. ... dr. tehn. sciences. Moscow, 2012. P. 9–25.
7. Yakimov M.R. The development of road transport emissions monitoring system to the atmosphere of large cities [Razrabotka sistemy monitoringa vybrosov avtomobilnogo transporta v atmosferu krupnykh gorodov]: abstract. dis. cand. tehn. sciences. Perm, 2004. 23 p.
8. Song W.W., Ashmore M.R., Terry A.C. *Atmospheric Environment* (Atmospheric Environment), 2009, vol. 43, pp. 6271–6278.
9. Potoglou D., Kanaroglou P.S. *Transportation Research Part D* (Transportation Research Part D), 2005, vol. 10, pp. 97–109.
10. Ashmore M.R., Dimitroulopoulou C. *Atmospheric Environment* (Atmospheric Environment), 2009, vol. 43, pp. 128–141.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Щербатюк Андрей Петрович, канд. техн. наук, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: охрана окружающей среды, загрязнение атмосферного воздуха
andrey.shcherbatyuk.63@ru

Andrey Scherbatyuk, candidate of technical sciences, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: environmental protection, air pollution

Образец цитирования

Щербатюк А.П. Снижение загрязнения атмосферного воздуха городов автомобильным транспортом в условиях сложного ландшафта и длительного холодного периода: аспекты методологии // *Вестн. Заб. гос. ун-та*. 2016. Т. 22. № 3. С. 26–33.

РОССИЙСКАЯ «МЯГКАЯ СИЛА» И ЕАЭС: В ПОИСКЕ ЦЕННОСТНОГО ИЗМЕРЕНИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

RUSSIAN «SOFT POWER» AND EURASIAN ECONOMIC UNION: IN SEARCH OF VALUE DIMENSION OF EURASIAN INTEGRATION

*В.Д. Агеева, Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия
verageeva@gmail.com*

V. Ageeva, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Анализируются последние тенденции в интеграционных процессах на евразийском пространстве — по экономическим, военным и политическим вопросам. Сквозь призму теории Дж. Ная изучается работа по развитию российской «мягкой силы» на евразийском пространстве: определяются, какие созданы учреждения и организации в сфере образования, науки, культуры, какие разработаны нормативные документы; анализируется, насколько современная внешнеполитическая стратегия в отношении евразийских партнеров и формирующийся идейный нарратив эффективны с точки зрения проецирования российской «мягкой силы» в данном регионе. Указывается на потенциальную конкуренцию нарративов Евразии и «Русского мира» в российской внешней политике. Делается вывод, что эффективной российской стратегией «мягкой силы» может быть только при условии стабильного внутриэкономического развития и реализации привлекательной социальной и политической модели российского государства

Ключевые слова: «мягкая сила», внешняя политика, Евразийский экономический союз, внешняя культурная политика, Евразия, Русский мир

The author analyses recent trends in integration process in Eurasian region: in economic, military and political fields. Through the prism of Joseph Nye's theory, the author studies current work on the development of Russian «soft power» in Eurasian region: what institutions and organizations in the field of education, science and culture are established, what official documents are adopted, how effective are current strategy towards Eurasian partners and emerging narrative for Russian «soft power». The author stresses that narratives of Eurasia and Russian World can be potentially contradictory. Finally the author concludes that only sustainable economic development along with attractive social and political model can enhance Russian «soft power»

Key words: soft power, foreign policy, Eurasian economic union, external cultural policy, Eurasia, Russian World

Глобализация, вступившая в свои права в начале XXI в., кардинально изменила систему международных отношений. Расширился круг участников международного взаимодействия, обновилась повестка дня, появились новые измерения, требующие нетрадиционных внешнеполитических стратегий и подходов. «И хотя силовые ме-

тоды не исчезли из арсенала воздействия, ресурс влияния в мировой политике претерпевает серьезные изменения. В связи с этим, возможности «мягкой силы» вызывают особый интерес» [2. С. 48].

С момента присоединения Крыма к Российской Федерации имидж России значительно ухудшился: она стала восприни-

маться как милитаристская и агрессивная держава. Однако если в российском обществе такой образ в целом продолжает восприниматься положительно, то в долгосрочной перспективе такой имидж в мире способен оказать негативное влияние на социально-экономическое развитие страны, а также на ее роль в международных процессах.

Российское руководство признает необходимость обновления внешнеполитического инструментария. Термин «мягкая сила» уже вошел в политический лексикон на самом высоком официальном уровне: его упоминает в своей программной предвыборной статье «Россия и меняющийся мир» В. Путин (2012) [7], далее он закрепляется в «Концепции внешней политики Российской Федерации» 2013 г. в качестве важного внешнеполитического инструмента. Концепт «мягкой силы» активно разрабатывается в российском научном сообществе. По словам Ф. Лукьянова, «мягкая сила» — одно из наиболее часто упоминаемых в России политологических понятий» [3].

Интересно, что в российской интерпретации термин получает также и негативное измерение. В указанной ранее статье В.В. Путин отмечает противоправные инструменты «мягкой силы», которые используют некоторые международные акторы для достижения своих внешнеполитических целей. В российском политическом дискурсе «мягкая сила» зачастую ассоциируется с технологиями государственных переворотов и цветных революций, организованных внешними силами. Как отмечает П. Паршин, такая негативная коннотация «переводит дискуссию из академической плоскости в публицистическую» [5. С. 20] и не способствует конструктивной работе по формулированию российской концепции «мягкой силы».

Тем не менее, в России на высшем политическом уровне ведется работа по кон-

цептуализации российской модели «мягкой силы», а также предпринимаются практические шаги по выстраиванию системы оказания «мягкого воздействия» на участников международного диалога. В новейшей российской истории сотрудничество и интеграция со странами пост-советского пространства выступали внешнеполитическим приоритетом, закрепленным в Концепциях внешней политики 2008 и 2013 гг. Однако говорить об успехах российской внешней политики по данному направлению пока рано. Как российские, так и зарубежные эксперты сходятся во мнении, что Россия еще не раскрыла свой потенциал «мягкого влияния» на пространстве СНГ. Отмечается, что российское влияние в постсоветских странах неумолимо снижается и причиной являются в том числе и провалы «мягких» подходов во взаимодействии с данными странами.

Прежде чем говорить о потенциале российской «мягкой силы» на Евразийском пространстве, необходимо подчеркнуть высокую конкуренцию, существующую как в экономической и военной, так и в ценностном измерении в названном регионе. Со странами Евразийского пространства активно сотрудничают США, Европейский Союз и Китай. Эти крупные геополитические игроки инвестируют огромные средства в сотрудничество со странами Азии и Восточной Европы и добиваются значительных успехов. Следует отметить, что некоторые центрально-азиатские страны настороженно относятся к политическому влиянию Запада (например, Узбекистан и Киргизия) и продолжают испытывать страх перед «китайской угрозой». Как указывает И.В. Зеленева, руководство этих стран выражает недовольство сложившимися с Китаем отношениями, которые вряд ли можно назвать равноправными — происходит «подстраивание» региональных экономик под нужды Китая [1. С. 37].

Потенциал российской «мягкой силы» на Евразийском пространстве

Чтобы положительные интеграционные тенденции в экономической и военной сферах на евразийском пространстве закрепились и получили развитие, вовлекая в свою орбиту новых важных геополитических партнеров региона, а также чтобы Евразийский союз в дальнейшем оставался стабильным партнерством и был меньше подвержен внешним деструктивным влияниям, России необходимо эффективно реализовывать стратегию своего «мягкого влияния» во взаимодействии со своими евразийскими партнерами.

Согласно автору концепции «мягкой силы», гарвардскому политологу Дж. Наю, влияние актора на международной арене базируется на правильном использовании определенных ресурсов. Американский исследователь выделял три основных ресурса. В статье «Мягкая сила» 1990 г. он обозначал эти ресурсы как «культурную и идеологическую привлекательность, а также правила и институты международных режимов» [12. С. 168]. В одноименной книге он расширил и уточнил понятие «ресурсы мягкой силы»: ««Мягкая сила» страны может происходить из трех источников: ее культуры (в тех аспектах, которые привлекательны для других), ее политических ценностей (при условии, что она их воплощает во внутренней и во внешней политике) и внешней политики (при условии, что другие считают законной и моральной)» [13. С. 11].

Рассмотрим, как Россия использует указанные ресурсы для укрепления своей «мягкой силы» и расширения гуманитарного влияния в мире.

Во внешнекультурном направлении Россия имеет богатый опыт и является наследницей давних традиций, как Российской империи, так и Советского Союза. Традиционно в этом направлении российское внешнеполитическое ведомство реализует проекты в сфере распространения и укрепления позиций русского языка, российского образования и науки, а также собственно культурные проекты.

Российским руководством создан ряд организаций и площадок, которые синергетически должны работать на активизацию «мягкой силы» России. Это, в первую очередь, Федеральное агентство по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), преобразованное из Росзарубежцентра в 2008 г.; фонд «Русский мир», основанный в 2007 г., Фонд развития публичной дипломатии им. А.М. Горчакова, начавший свою работу в 2010 г.; Российский совет по международным делам, ведущий свою историю с 2011 г. Вопросы популяризации русского языка, образования и культуры являются первоочередными задачами Россотрудничества и фонда «Русский мир». Согласно отчетам за 2014 г., сеть Россотрудничества состоит из 68 Российских центров и отделений науки и культуры (РЦНК), расположенных в 80 странах; а фонд «Русский мир» располагает 100 центрами и 139 кабинетами в 45 и в 57 странах мира соответственно.

Силами центрального офиса и зарубежных центров Россотрудничество участвует в реализации федеральной целевой программы «Русский язык 2011–2015», проводит акции, посвященные Дню русского языка, в различных городах мира организует курсы русского языка при РЦНК, командировывает преподавателей русского языка в зарубежные образовательные учреждения, организует олимпиады по русскому языку и тестирование по ЕГЭ, проводит мероприятия, приуроченные к памятным датам российской истории. Работа фонда «Русский мир» в свою очередь сконцентрирована вокруг популяризации русского языка как основного национального достояния России. Фонд ежегодно проводит Ассамблею Русского мира, педагогические форумы, конгрессы преподавателей русского языка, фестивали, посвященные русскому языку и творчеству, историко-культурные форумы, снабжает учебниками по русско-

му языку зарубежные школы (в частности, в 2014 г. комплект учебников направлен в Армению), выпускает компьютерные программы по изучению русского языка и др.

В работе Россотрудничества особое место занимает евразийское направление. Популяризация среди зарубежной общественности идей евразийской интеграции является одной из задач агентства. Для этого ведомство проводит дискуссионные встречи, фестивали и спортивные соревнования. Так, в 2014 г. проведены: Конференция «Общественная дипломатия за евразийскую интеграцию» (Москва); Фестиваль школьного спорта среди государств-участников СНГ (г. Казань); Фестиваль молодежи и студентов стран пояса добрососедства (евразийской молодежи) «Евразия – это мы!» (г. Рязань); Второй Казанский форум «Евразийская интеграция: достижения и проблемы» (г. Казань).

Согласно отчету о деятельности фонда «Русский мир» за 2014 г., тема евразийской интеграции фондом не затрагивалась. Работа организации в основном ориентирована на соотечественников, проживающих в других странах, в том числе в приоритетном порядке на пространстве СНГ, и на зарубежное сообщество, интересующееся русским языком и культурой. Понятия «евразийская интеграция» и «евразийское пространство» вообще не встречаются на страницах отчета фонда.

Однако в сфере распространения русского языка и образования на пространстве Центральной Азии Россия, несмотря на имеющиеся давние традиции, все же уступает в этой области США и Европе. Как отмечает А. Фоминых, российское культурное и образовательное присутствие в странах евразийского пространства в целом уступает американскому [9. С. 78–79].

Каким образом Россия использует инструменты внешней политики, второго ресурса «мягкой силы»? Присоединение Крыма к Российской Федерации в 2014 г. имело положительное влияние на рост популярности президента и внешнеполитической линии правительства среди российского электората. Однако в странах евразийско-

го пространства к этому событию отнеслись настороженно.

Так, Белоруссия продемонстрировала сдержанную реакцию на события крымской весны 2014 г. Более того, признавая де-факто вхождение Крыма в состав России, Белоруссия в то же самое время позиционировала себя в качестве нейтральной площадки, на которой могут сесть за стол переговоров конфликтующие стороны. Киргизские власти назвали итоги референдума в Крыму «объективной реальностью», с которой придется считаться всему мировому сообществу. Однако МИД страны также отметил, что в дальнейшем Россия и Украина должны вести себя более сдержанно и встать на путь мирных переговоров [10]. В свою очередь, МИД Армении заявил о приоритете мирных средств в деле урегулирования украинского кризиса на основе Устава ООН и международного права. Казахстан отреагировал на проведенный референдум в Крыму спустя три дня после его проведения. Несмотря на то, что официально МИД Казахстана заявил, что «с пониманием относится к решению Российской Федерации», вместе с тем, он подчеркнул, что Казахстан выступает «за мирные формы выхода Украины из кризиса и его преодоление путем переговорного процесса под эгидой ООН и других авторитетных международных организаций» [4]. Во время голосования на заседании Генеральной Ассамблеи ООН 27 марта 2014 г. против символической резолюции в поддержку территориальной целостности Украины вместе с Россией из стран постсоветского пространства высказались только Армения и Белоруссия. Остальные оказались в числе воздержавшихся. Вопрос территориальной целостности является болезненным для многих постсоветских государств, в частности Казахстана (его северные территории), Армении (Нагорный Карабах), Молдовы (Приднестровье), Грузии и некоторых других. Это отчасти послужило причиной столь сдержанной реакции на действия России в Крыму в 2014 г. со стороны ее евразийских партнеров. Вместе с тем, очевидно и

отсутствие своевременных дипломатических шагов российского МИДа, которые бы обеспечили более быструю и согласованную реакцию ее стратегических союзников на постсоветском пространстве.

Санкционное противостояние России, с одной стороны, и ЕС и США – с другой, также выявило пределы, которые существуют в евразийских интеграционных процессах. Несмотря на то, что введение санкций и ответные антисанкции напрямую касались финансовой и торговой сфер, в которых страны-участницы ЕАЭС ведут согласованную политику, в Евразийском союзе не выработано единой линии поведения по вопросу экономических мер Европейского союза в отношении страны-члена Союза – России.

В целом, стиль внешнеполитического поведения России в отношении евразийских партнеров остается патерналистским. Несмотря на то, что на официальном уровне декларируется равноправное партнерство, неаккуратные заявления российских политиков нивелируют дипломатические достижения в деле региональной интеграции. Так, в сентябре 2014 г. высказывание В.В. Путина спровоцировало всплеск недоверия к российской внешней политике в казахском обществе. Общаясь с участниками молодежного форума «Селигер», он заявил: «Я уже говорил, что он (Назарбаев) совершил уникальную вещь: создал государство на территории, на которой государства не было никогда». Фраза, несомненно, задела национальное самолюбие казахов: в течение короткого времени в календаре страны появился новый праздник, посвященный 550-летию казахской государственности.

Вместе с тем, у российской внешней политики есть большой потенциал в евразийском направлении. Многие столетия Россия оказывала помощь своим союзникам, как экономическую, так и военную, в периоды, когда им угрожала внешняя опасность или внутренняя дестабилизация. А. Фоминых указывает на то, что в глазах местных сообществ на евразийском пространстве Россия зачастую выступала в качестве центра справедливости, «старшего

брата», к которому можно обратиться в случае необходимости [9. С. 84].

Следует отметить, что в России ведут активную деятельность несколько экспертных площадок, которые, с одной стороны, занимаются аналитической работой в сфере международных отношений и одновременно разработкой эффективных внешнеполитических стратегий для современной России, с другой – защищают российские позиции по актуальным вопросам мировой повестки дня в международном экспертном сообществе. Это, в первую очередь, Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова, который функционирует с 2010 г. На его базе ежегодно проводятся конференции, семинары, круглые столы с участием экспертов из разных стран мира. В научно-образовательных проектах, реализуемых фондом, особое внимание уделяется пространству СНГ: в регулярном режиме проводятся Балтийский диалог (Латвия, Литва и Эстония), Кавказский диалог (Абхазия, Азербайджан, Армения, Грузия, Иран, Словения, Турция и Южная Осетия), Академия ОДКБ, Школа молодых экспертов по Центральной Азии, (Иран, Азербайджан, Туркменистан и Казахстан), Российско-грузинский диалог. В рамках программ академической мобильности фонд поддерживает выезд российских экспертов в зарубежные вузы для чтения лекций и проведения презентаций (Болгария, Киргизия, Грузия, Армения и др.). Российский совет по международным делам, основанный в 2011 г., также вносит значимый вклад в экспертное обеспечение российской внешней политики. К работе совета привлечены видные дипломаты и политики, именитые ученые и исследователи, представители российского бизнеса. Организация проводит круглые столы и конференции с участием зарубежных экспертов, публикует аналитические статьи и доклады, в том числе на английском языке. Несмотря на длительный период существования и активную работу, совет пока не смог зарекомендовать себя в международном научном сообществе: он занимает последнюю строчку (55-е место) в рейтинге

«мозговых центров» региона Центральной и Восточной Европы 2015 г., составленном Пенсильванском университетом [11].

В апреле 2014 г. на свет появилась Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию, в основу которой легли как результаты работы упомянутых экспертных площадок, так и политические установки в сфере международного сотрудничества российского руководства. Однако в итоге документ получился скорее декларативным: он утверждал общими целями мирового сообщества устойчивое социально-экономическое развитие, искоренение бедности, формирование стабильного миропорядка, преодоление последствий стихийных бедствий.

Насколько доступен России ресурс политических ценностей и идеалов, который Дж. Най считает особенно значимым для «мягкой силы» международного актора? Принципиально важным в вопросе политических ценностей, которые декларируются государством в XXI в., является их позитивная привлекательность в глазах мирового сообщества. Только тогда эти ценности будут положительно сказываться на усилении влияния на других акторов и международную повестку дня.

Можно ли сказать, что ценности современной России обладают указанной позитивной привлекательностью? Если судить по сложившейся ко второй декаде XXI в. экономической и социальной системе, выстроенной российским руководством, то говорить о привлекательности пока рано. Общепризнано (в том числе на уровне российских официальных лиц), что экономическая модель, функционирующая в России, является слишком энергозависимой и недиверсифицированной, что ставит под вопрос дальнейшее развитие страны и рост благосостояния ее граждан. Согласно мировым рейтингам, по уровню доходов и стандартов жизни Россия также находится на очень низких позициях. Однако, если в вопросах социально-экономического развития Россия еще во многом отстает от ведущих мировых держав, в сфере цен-

ностных установок она начинает выдвигаться вперед и предпринимает попытки формулирования своего нарратива. В политическом измерении разработана и представлена мировому сообществу концепция «суверенной демократии», автором которой считается В. Сурков. Эта концепция позволила начать дискуссию о национальной модели демократической формы управления страной, которая складывается в России и которая, не позиционируя себя в качестве антагониста, является альтернативой евро-атлантическому варианту демократической системы. Намечилась тенденция формирования нравственного послания миру, которое появилось в результате своеобразного консенсуса между российской властью и обществом. Послание сводится к защите традиционных семейных ценностей от экспансии однополых браков. Так, в послании Федеральному собранию 2014 г., В.В. Путин подчеркивает, что приоритетами для российского общества являются «здоровая семья и...переданные нам предками традиционные ценности» [6]. Но если среди российского электората сформулированные политические ценности (суверенная демократия) и общественные идеалы (традиционная семья) находят поддержку на уровне 80 %, то в международном сообществе они воспринимаются не столь однозначно. Для кого может быть привлекательным такой политический и моральный месседж? Ф. Лукьянов утверждает, что он «может привлечь определенный контингент на свою сторону – но это будет крайне специфический набор от европейских крайне правых до ближневосточных исламистов» [3]. Российское послание несет в себе охранительный пафос и, по сути, выступает в качестве знамени реакционной, а не прогрессистской логики. В среде развитых стран, где доминируют позиции общества постмодерна, такое послание не может быть популярно. Оно может найти сторонников в странах, где доминируют консервативные ценности и этатизм – некоторые страны Азии, Ближнего Востока и Латинской Америки. Таким образом, подобное послание изначально направлено

на региональные элиты и не претендует на универсальность. Будет ли эффективен внешнеполитический нарратив, который отторгается большинством развитых стран и находит поддержку только в определенных регионах? Дж. Най утверждает, что в XXI в. конкурентоспособным будет только такая политика, которая основана на всеобъемлющих и перспективных целях.

Таким образом, конкуренция ценностей и моделей общественного, государственного и социально-экономического развития – один из ключевых трендов начала нового тысячелетия [8]. Успех российских интеграционных проектов на евразийском пространстве будет зависеть не только от эффективной экономической стратегии, но и от наличия общей политической повестки дня и ценностных ориентиров, разделяемых партнерами. В настоящее время концепция Евразии остается идеологически пустой. Российская сторона предлагает содержательное наполнение концепта идеями, которые пользуются поддержкой российского общества и декларируются политиками внутри страны. Это, в первую очередь, идеи этатизма и защиты традиционной семьи от либеральных тенденций,

идущих от западной цивилизации. Однако такой нарратив зиждется на логике «осажденной крепости» и не предполагает позитивной повестки дня, которая бы стимулировала социально-экономическое развитие внутри страны. Кроме того, во внешнеполитической стратегии современной России концепт Евразии входит в некоторое противоречие с идеей Русского мира, которая, продвигая схожий нарратив, апеллирует к Святой Руси и православным традициям.

России необходимо активизировать работу по формированию своей стратегии «мягкой силы»: наполнить ее перспективным нарративом, усовершенствовать механизмы ее реализации, сосредоточиться на целевых аудиториях, которые способны содействовать российским интересам как на региональном, так и на международном уровнях. Влиятельной державой Россия сможет стать только обеспечив стабильное внутриэкономическое развитие и определившись с новой самоидентификацией, которая должна прийти на смену окончательно исчерпанной советской. Ведь способность влиять на других – это производная от наличия привлекательной модели внутри, как экономической, так и политической.

Список литературы

1. Зеленева И.В. Перспективы экономического и политического присутствия России и Китая в Центральной Азии // Управленческое консультирование. 2014. № 9 (69). С. 31–38.
2. Лебедева М.М. «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их действия // Вестник МГИМО-Университета. Режим доступа: <http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/lebedeva.pdf> (дата обращения 29.12.2015).
3. Лукьянов Ф. Парадоксы российский «мягкой силы». Режим доступа: http://obsfr.ru/fileadmin/Projets_obs/RIS_ru_Loukianov.pdf (дата обращения 29.12.2015).
4. Партнеры по СНГ отреагировали на воссоединение Крыма с Россией. Режим доступа: <http://mir24.tv/news/community/10118872> (дата обращения 29.12.2015).
5. Паршин П.Б. Приключения мягкой силы в мире коммуникативных технологий (прекраснодушные заметки) // Soft power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ. Коллективная монография. М.: ФЛИНТА, 2015.
6. Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию 2014 года. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173> (дата обращения 29.12.2015).
7. Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости, 27.02.2012. Режим доступа: <http://www.mn.ru/politics/78738> (дата обращения 29.12.2015).
8. Торкунов А. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1467#top-content (дата обращения 29.12.2015).
9. Фоминых А. Проецирование «мягкой силы»: публичная дипломатия США и России в постсоветской Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2010. № 3.
10. Яловкина А. Кыргызстан поддержал присоединение Крыма к России. Режим доступа: http://www.vb.kg/doc/266240_kyrgyzstan_podderjal_prisoedinenie_kryma_k_rossii.html (дата обращения 29.12.2015).

11. Global Go To Think Tank Index Report James G. McGann University of Pennsylvania. Режим доступа: http://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1008&context=think_tanks (дата обращения 29.12.2015).
12. Joseph S., Nye Jr. *Soft power* // *Foreign Policy*, 1990, no. 80, pp. 153–171.
13. Joseph S., Nye Jr. *Soft Power. The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs, 2004.

List of literature

1. Zeleneva I.V. *Upravlencheskoe konsultirovanie* (Management Consulting), 2014, no. 9 (69), pp. 31–38.
2. Lebedeva M.M. *Vestnik MGIMO-Universiteta* (Bulletin of the MGIMO-University) Available at: <http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/lebedeva.pdf> (accessed 29.12.2015).
3. Lukyanov F. *Paradoxy rossiyskiy «myagkoy sily»* (Paradoxes of the Russian “soft power”) Available at: http://obsfr.ru/fileadmin/Projets_obs/RIS_ru_Loukianov.pdf (accessed 29.12.2015).
4. *Partnery po SNG otreagirovali na vossoedinenie Kryma s Rossiey* (CIS partners responded to the reunification of the Crimea with Russia) Available at: <http://mir24.tv/news/community/10118872> (accessed 29.12.2015).
5. Parshin P.B. *Priklucheniya myagkoy sily v mire kommunikativnykh tehnologiy (prekrasnodushnye zametki)* [Adventures of soft power in the world of communication technologies (starry notes)]: Soft power, soft power, soft power. Interdisciplinary analysis. Collective monograph. Moscow: FLINT, 2015.
6. Putin V.V. *Poslanie Prezidenta Federalnomu Sobraniyu 2014 goda* (Message from the President to the Federal Assembly in 2014) Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173> (accessed 29.12.2015).
7. Putin V.V. *Moskovskie novosti* (Moscow News), 27.02.2012 Available at: <http://www.mn.ru/politics/78738> (accessed 29.12.2015).
8. Torkunov A. *Obrazovanie kak instrument «myagkoy sily» vo vneshney politike Rossii* (Education as an instrument of «soft power» in Russian foreign policy) Available at: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1467#top-content (accessed 29.12.2015).
9. Fominyh A. *Tsentralnaya Aziya i Kavkaz* (Central Asia and Caucasus), 2010, no. 3.
10. Yalovkina A. *Kyrgyzstan podderzhal prisoedinenie Kryma k Rossii* (Kyrgyzstan supported Crimea’s accession to Russia) Available at: http://www.vb.kg/doc/266240_kyrgyzstan_podderjal_prisoedinenie_kryma_k_rossii.html (accessed 29.12.2015).
11. *Global Go To Think Tank Index Report James G. McGann University of Pennsylvania* (Global Go To Think Tank Index Report James G. McGann University of Pennsylvania) Available at: http://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1008&context=think_tanks (accessed 29.12.2015).
12. Joseph S., Nye Jr. *Foreign Policy* (Foreign Policy), 1990, no. 80, pp. 153–171.
13. Joseph S., Nye Jr. *Soft Power. The Means to Success in World Politics* [Soft Power. The Means to Success in World Politics]. New York: Public Affairs, 2004.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Агеева Вера Дмитриевна, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, ведущий специалист по внешним связям, Комитет по физической культуре и спорту Правительства Санкт-Петербурга, г. Санкт-Петербург, Россия. Область научных интересов: инструменты «мягкой силы» во внешней политике, внешнекультурная политика, публичная дипломатия
verageeva@gmail.com

Vera Ageeva, postgraduate, St. Petersburg State University, leading specialist, Committee on Physical Culture and Sports of St. Petersburg Government; St. Petersburg, Russia. Sphere of scientific interests: soft power instruments in foreign policy, external cultural policy, public policy

Образец цитирования

Агеева В.Д. Российская «мягкая сила» и ЕАЭС: в поиске ценностного измерения евразийской интеграции // *Вестн. Заб. гос. ун-та*. Т. 22. № 3. С. 34–41.

УДК 11.15.23

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ КРАЕ: МОНГОЛЬСКИЙ И КИТАЙСКИЙ ФАКТОРЫ

REGIONAL POLICY IN TRANSBAIKAL TERRITORY: MONGOLIAN AND CHINESE FACTORS

*Т.Е. Бейдина,
Забайкальский
государственный
университет,
г. Чита, Россия
beydina@inbox.ru*

*T. Beydina,
Transbaikal State University,
Chita, Russia*

*А.В. Новикова,
Забайкальский
государственный
университет,
г. Чита, Россия
anna_novikova2010@mail.ru*

*A. Novikova,
Transbaikal State University,
Chita, Russia*

Отмечено, что исследование региональной политики как совокупности социальных, экономических и политических методов реализации государственной власти в субъекте Российской Федерации, позволило рассмотреть основные проблемы и перспективы повышения эффективности региональной политики в Забайкальском крае.

Обосновано выгодное приграничное положение Забайкальского края, высокий уровень международных связей и богатый природный потенциал Забайкальского края. Отмечено, что развитие межрегиональных российско-китайских отношений носит проектный характер. С российской стороны – это программа развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2020 г., с китайской – это возрождение Маньчжурии и северо-востока Китая. Выявлено, что при реализации данных программ наблюдается следующая диспропорция: экспорт российских регионов представлен природными ресурсами с низкой степенью переработки, а китайский импорт – продукцией легкой промышленности и сельского хозяйства.

Отмечено, что по размерам лесного фонда Забайкальский край занимает 8 место среди регионов Российской Федерации, являясь богатейшим субъектом по запасам лесных ресурсов. Выявлено, что древесина составляет 90 % в совокупном экспорте Забайкальского края.

В заключение делается вывод, что сотрудничество на региональном уровне между Забайкальским краем и КНР превратилось в контактную зону, где происходит не только развитие торгово-инвестиционных отношений между странами, но и активное взаимодействие культур и туристических отношений. Выявлено, что в основе стратегии взаимодействия северо-восточных провинций Китая с Забайкальским краем и Россией в целом лежит идея взаимодополняемости соседних территорий.

Подчеркнута важность монгольского и китайского фактора для реализации региональной политики в Забайкальском крае

Ключевые слова: региональная политика, региональное сотрудничество, политика взаимодействия, Забайкальский край, Китай, приграничные связи, межрегиональные торгово-экономические отношения, перспективные направления сотрудничества, региональные факторы, внешние санкции, монгольский и китайский факторы

It was noted that the research of the regional policy as a complex of social, economic and political methods of realization state policy in Russia Federation allowed to study the main problems and perspectives of regional policy efficiency raising in Transbaikal Territory.

It was also mentioned about the advantages of near-border location of Transbaikal Territory and a high level of international relations and the rich natural potential of the Transbaikal Territory. It was noted that the development of inter-regional Russian-Chinese relations has a project character. They are the development program of the Far East and Transbaikalie up to 2020 from the Russian side, and the program of revival of Manchuria and north-east China from the Chinese side.

While implementation of all these programs it was found out the following disparity: the export of Russian regions is represented as natural resources with a low degree of processing, and Chinese import is a production of light industry and agriculture.

It was also emphasized that the Transbaikal Region is one of the richest subjects in forest resources and occupies the 8th position among the all regions of the Russian Federation - 90 % of total exports of the Transbaikal Territory is timber. It is concluded that the regional cooperation between China and Transbaikal Territory has become a contact zone where there is not only the development of trade and investment relations, but also an active interaction of cultures and tourist relations. It was noted that the basis of interaction strategy of the northeastern Chinese provinces with the Transbaikal Territory and Russia as a whole is an idea of complementarity between the neighboring territories.

It was emphasized that Mongolian and Chinese factors are important for realization regional policy in Transbaikal Territory

Key words: regional policy, regional cooperation, cooperation policy, Transbaikal Region, China, near-border ties, inter-regional trade and economic relations, promising areas of cooperation, forest reserves, regional factors, external sanctions, Mongolian and Chinese Factors

В условиях модернизации политической системы и формирования в России полноценного социального государства все более пристальное внимание к себе привлекает проблема реализации эффективного государственного управления и региональной политики в субъектах Российской Федерации. При этом необходимо отметить, что данный процесс в регионах протекает неоднозначно. В частности, на пути построения грамотного и эффективного управления в субъектах РФ имеется множество препятствий, главными из которых являются отсутствие достаточной материальной базы для проведения преобразований, несовершенство законодательства в сфере регионального развития, а также неподготовленность региональной политической элиты к проведению реформ.

Следует отметить, что под понятием «региональная политика» обычно понимается государственная региональная политика (деятельность общенациональных властных структур — например, деятельность органов исполнительной власти по реализации государственных полномочий в регионе). При таком подходе региональная политика понимается в узком смысле, а именно — как государственное управление (администрирование). Из зарубежных исследователей проблемами администрирования занимались А. Бенавидис и Дж. Рагги [11]. Основной теоретико-методологический принцип взаимосвязи модернизации

администрирования и политической стабильности заимствован у Д. Колемана [12]. В свою очередь, более широкое понимание региональной политики определяется вектором ее направленности. Вектор региональной политики всегда направлен от центра к регионам, а содержание связано с управлением, осуществляемым по вертикали. Таким образом, в широком понимании региональная политика представляет собой систему управленческих решений любых политических структур общенационального уровня в отношении своих региональных составляющих. Например, развитие региона в целом, формирование его экономической и политической инфраструктуры, налаживание контактов с соседними регионами. При таком подходе государственная региональная политика — это совокупность способов и методов реализации государственной политики в регионе.

Ключевой задачей региональной политики является создание эффективной модели взаимодействия центра с регионами, при которой каждый регион вне зависимости от его отдаленности от центра может рассчитывать на равные возможности для развития. Характеристикой региона является управляемость, и, безусловно, регион как территориальная единица может стать управляемой подсистемой [9]. Особенно важным в данном случае представляется поддержка «проблемных» регионов, находящихся в слож-

ном социальном, экономическом и геополитическом положениях.

На сегодняшний день одним из таких регионов является Забайкальский край. В частности, по результатам 2015 г. уровень жизни населения в Забайкальском крае значительно ниже среднероссийского. Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума составила более 30 %. Значителен и показатель выезжающих из региона (сальдо миграции – 500 человек в месяц, 5...7 тыс / г.). Вместе с тем, Забайкальский край является пограничным регионом, имеет важное геополитическое и экономическое значение. В советские годы в регионе добывались значительные объемы полезных ископаемых, быстрыми темпами развивалось племенное животноводство.

Причины сложившейся ситуации, прежде всего, связаны с неэффективностью региональной политики как непосредственно на местах, так и в рамках государства в целом.

Следовательно, на региональные особенности функционирования «субъекта приграничья» Забайкальского края влияет политика взаимодействия центра с регионами, обусловленная асимметрией федералистских отношений. Специфика процессов на региональном уровне связана с тем, что модель функционирования субъекта РФ дифференцирована как внутренними социально-экономическими процессами, так и внешними модернизационными факторами. Для Забайкальского края одним из таких факторов является монгольский.

Монгольский фактор очень сложный. «Земля синего неба», как называют сами монголы свою страну, занимает выгодную экономическую и геополитическую позицию между Россией и Китаем. Монголия официально провозгласила политику «третьего соседа», под которым они подразумевают США, Японию, Турцию, страны Евросоюза, Индию. Все от Монголии ждут «пять монгольских жемчужин»: угольное месторождение Таван-Толгой, золотомедное Оюу-Толгой, добычу урана в Дорноде, железную дорогу и геополитическую ориентацию Улан-Батора. Также следует обо-

значить позицию Забайкальского края как основной транзитной площадки, готовой стать связующим звеном между Монголией с другими субъектами Российской Федерации. Ожидается, что с возрастанием товарооборота предстоит реконструкция пунктов пропуска, что станет огромным плюсом для Забайкалья, так же как это означает безвизовый режим с Монголией. Для приграничных районов Забайкальского края – Акшинского и Кыринского – именно дешевая монгольская связь служит основой для развития инфраструктуры взаимодействия. Все это является фактором влияния внешней модернизации на «субъекты приграничья» и свидетельствует о существовании связи между уровнем развития приграничных районов с уровнем развития стран-соседей.

В настоящее время доминирует политико-экономическое содержание, связанное с сбалансированностью рынка труда, снижением инфляции и смягчением роста цен на товары и услуги для семей с низким уровнем доходов. Сопутствующее снижение инфляции на потребительском рынке позволит минимизировать влияние кризиса на качество жизни российских семей. Подобное возрастание экономических факторов в субъектах РФ повышает значимость государственного управления в условиях усиления санкций в отношении РФ со стороны США и ряда европейских стран. Не отрицая влияния санкций на экономику санкционируемых стран, следует признать, что политических целей санкционирующим странам удастся достигать довольно редко. Негативные социальные последствия санкций обычно компенсируются тем, что власть использует санкции для идейной и политической консолидации общества. Влияние санкций со временем может ослабевать, так как санкционируемые страны разными способами адаптируются к санкциям. Нередко санкции становятся толчком к серьезной перестройке социально-экономического развития государства и его субъектов.

В условиях санкционной активности запада еще одним направлением сотрудни-

чества является стимулирование сельского хозяйства, что поможет в дальнейшем развивать и увеличивать экспорт: шерсти в КНР и продовольственной пшеницы в Монголию. Данное направление означает возрастание значения китайского фактора.

В 2009 г. проведена XXI встреча между транспортными делегациями Забайкальского края и автономного района Внутренняя Монголия КНР, на которой стороны рассмотрели порядок открытия автомобильных дорог на территории России и Китая для движения автотранспорта сопредельных государств, вопрос повышения качества регулярных международных пассажирских автоперевозок. По итогам встречи подписан протокол. Помимо отношений с автономным районом Внутренней Монголии и провинцией Хэйлунцзян Забайкальский край развивает всестороннее сотрудничество с провинциями Чжэцзян и Цзилинь [1].

В *Забайкальском крае* пассажирские авиаперевозки осуществляются по маршрутам Чита-Маньчжурия и Чита-Хайлар. В 2014 г. данными авиалиниями воспользовалось 9 853 пассажира, что на 16 % меньше, чем в 2013 г. В приграничных регионах осуществляется регулярное автомобильное, авиационное и железнодорожное пассажирское сообщение, в том числе по превращению Транссиба в международный транспортный коридор «Транссиб-TS» (скоростной с транзитным потенциалом международных контейнерных перевозок линии «Европа-Азия») путем его модернизации, реконструкции. Это подготовит Транссиб к соединению с железнодорожными дорогами Корейского полуострова и позволит в дальнейшем обеспечить прохождение части континентального потока без дополнительных перевалок в морских портах. Данный проект существенно ускорит процесс перемещения грузов и обеспечит конкурентоспособность Транссиба на рынке международных перевозок. В Забайкальском крае наибольшая доля грузоперевозок автотранспортом с КНР проходит через пограничный переход «Забайкальск-Маньчжурия». С исторической точки зрения важно отме-

тить, что в марте 1992 г. учреждена Маньчжурская таможня, располагающаяся на пересечении КВЖД и Забайкальской железной дороги. Она создавалась как таможня первого класса «для сборов над поездами и грузами в русско-китайской торговле» [4]. Н.В. Козыкина и Д.В. Романюк отмечают, что «Маньчжурия – город на северо-востоке Китая, в восточной части автономного района Внутренней Монголии городского округа Хулун-Буир. Он находится в 4 км от границы с РФ и в 6 км от Забайкальска; является крупнейшим сухопутным пограничным пунктом на китайско-российской границе и начальным пунктом китайской автомагистрали общенационального значения Годао 301» [8].

В рамках прогнозируемых мероприятий также ожидается окончание реконструкции автомобильной дороги Чита-Забайкальск [3]. Забайкальский край является одним из приграничных регионов в РФ. И одна из важнейших его границ – это граница с Китаем. Таким образом, у данных регионов возникают особые взаимоотношения, которые далеко не всегда можно характеризовать как положительные. Прежде всего, китайский регион оказывает огромное влияние на Забайкалье путём освоения земель региона. Об этом свидетельствует намерение китайской компании «Huac Sinban» арендовать 115 тыс. га земли в Забайкальском крае на 49 лет. Китай планирует инвестировать огромные средства, развивая здесь животноводство и выращивание различных культур. В целом, это не является проблемой для состояния региона, так как Забайкалье может неплохо заработать, учитывая нынешнее тяжелое финансовое положение региона. Край находится в депрессивном состоянии, поэтому понятно, почему он отдает свои земли в пользование. Но во всей этой ситуации есть некоторые проблемные стороны [2].

После того, как тема сдачи земель в аренду стала муссироваться в прессе, губернатор Забайкалья К. Ильковский заявил, что никакое решение совместно с китайскими представителями ещё не принято, а в целом лишь озвучены намерения. В насто-

ящее время просто подыскиваются арендаторы. Проект планируется реализовать путём учреждения российского предприятия с участием инвесторов из КНР. Как заверил чиновник, распределение работников из РФ и Китая будет производиться в пропорции 50/50 [6].

Сложности связаны с тем, что площади пахотных земель в Забайкалье достигают полумиллиона гектаров, однако в последнее время зоны посевных земель сократились на 80 %. Ведущему сотруднику высшей школы экономики Н. Зубаревич представляется целесообразной передача небольших участков Китаю для пробной эксплуатации, однако объёмы до 300 тыс. га — это нереальный проект. По мнению ученого, вероятно, речь идёт о политических решениях или нереализуемых намерениях [6].

Таким образом, китайский фактор играет важную роль в Забайкальском регионе.

Во-первых, администрация Пекина заявила о том, что им недостаточно просто передачи земель. Китай не устраивает существующий пограничный и миграционный режим с Россией. Таким образом, они потребовали изменения порядка перемещения и расселения китайцев на территории России. Как сказал советник Китайского института международных стратегических исследований Ван Хайюнь: «Если юридически не решить вопрос широкомасштабного привлечения китайской рабочей силы, ни о каком долгосрочном сотрудничестве с китайскими сельскохозяйственными предприятиями не может быть и речи». Есть угроза того, что существующий миграционный режим придется отменить [5].

Во-вторых, существует демографическая проблема, которая возникает вследствие существенного различия плотности населения в России и Китае. В приграничных зонах нашей страны, а особенно в Забайкальском крае, происходит постоянный отток населения. Его начинают восполнять «соседи». Численность мигрантов из Китая в Забайкалье только растёт, а если Москва всё-таки будет вынуждена изменить миграционную политику, то это число возрастет до еще более невероятных размеров [2].

И, наконец, отсюда возникает еще одна важная проблема — политическая. Забайкальский край является в этом плане зоной большого риска, потому что прибывшее китайское население очень трудно проходит процесс ассимиляции. Можно даже сказать, что процесс ассимиляции практически не происходит. Китайцы в Забайкалье живут отдельными группами. В регионе существуют жесткие высказывания по поводу китайской экспансии: «так как правительство Китая требует выделения им особой территории, то это равнозначно тому, что и вовсе отдать в состав Китая земли Забайкалья» [5].

Итак, проанализировав влияние Китая на Забайкальский край и выяснив все вытекающие отсюда минусы и плюсы, можно прийти к выводу, что угроза краю всё-таки существует. И пусть в настоящее время она не достигает критической точки, но следует принимать необходимые меры во избежание полного овладения Забайкальским краем. Как отметил эксперт М. Захаров: «Китай — сложный партнер, но партнер. Следует лучше изучать его, готовить специалистов, учить языку и культуре — тогда мы сможем избавиться от различных фобий и при этом не пропустить реальные варианты ущемления российских интересов» [7].

По данным СМИ, в апреле 2015 г. после масштабных пожаров в Хакасии китайские власти предложили населению региона заселить новый город Инкоу в КНР. Взамен Пекин хотел бы арендовать выгоревшую территорию для сельскохозяйственных целей, причём полностью восстановить её. Предполагалось, что аренда будет действительна в течение 25 лет. Кроме того, заселить новый город было предложено и жителям Приморья, пострадавшим от паводка. Жилая недвижимость в Инкоу готова к эксплуатации и пока не заселена [6].

Относительно забайкальского проекта следует сказать, что в соответствии с договорённостями китайцы инвестируют в освоение земель 24 млрд руб. На эти средства планируется наладить выращивание масличных, зерновых, а также кормовых

культур, развивать промышленное скотоводство. Полученную продукцию будут поставлять на российские, китайские рынки, а также в другие страны. Первый этап проекта планируется реализовать в течение 2015–2018 гг. Если пилотный проект будет успешным, то в 2019 г. власти могут выделить Китаю ещё 200 тыс. га земель. Речь пока идёт о выделении 115 тыс. га. Компании «Huae Sinban» предстоит подписать соглашения с владельцами земель, включая муниципалитеты и частных предпринимателей. Кроме того, ожидаются публичные слушания с привлечением экологов, районных администраций и представителей населения, как отметили в администрации края. На публичных обсуждениях настаивает Общероссийский народный фронт. В соответствии с выдвинутыми условиями на работу китайские инвесторы должны пригласить жителей края из расчёта 75 % от количества персонала. Впрочем, китайская сторона придерживается иной точки зрения и настаивает на большем проценте рабочих из КНР.

В целом, можно выделить следующие основные проблемы, препятствующие эффективному политическому и экономическому развитию Забайкальского региона:

1) отсутствие инициативной региональной политической элиты, способной на внедрение модернизационных решений. В частности, существующая региональная политическая элита крайне неохотно берётся за проведение реформ, не осознаёт их значения, боится проявить инициативу. Фактически все значительные преобразования в регионе происходят исключительно по указанию «сверху»;

2) нет достоверной информации о сложившейся в регионе экономической, социальной и политической ситуации, в частности, федеральный центр не осознаёт всей угрозы снижения численности населения в пограничном регионе, не уделяет достаточного внимания данному «субъекту приграничья»;

3) неверная оценка экономических и политических факторов, способствующих развитию региона. Так, при проведении

программ по развитию региона не учтены такие факторы, как его геополитическое положение и специализация, не приняты в расчёт возможные выгоды, которые можно извлечь из геополитического положения региона;

4) слабая ресурсная база региона. Действующее законодательство не наделило достаточными источниками доходов местные бюджеты, в частности, до сих пор большинство налоговых платежей поступает напрямую в федеральный бюджет, тогда как регионы, не имея собственных источников доходов, попадают в зависимость от единовременных государственных отчислений.

Таким образом, перечисленные проблемы свидетельствуют о неэффективности существующей модели взаимодействия федерального центра с регионами, необходимости дальнейшего его совершенствования и развития.

В качестве возможных путей решения выявленных проблем можно предложить следующее:

1) качественно обновить состав региональной политической элиты Забайкальского края. В частности, существующая политическая элита должна соответствовать требованиям времени, быть квалифицированной и способной к реализации модернизационных решений;

2) необходимо предоставить большую самостоятельность регионам в принятии экономических, хозяйственных и управленческих решений (например, предоставление возможности выборности местных властей, в частности, губернатора Забайкальского края);

3) разработка комплексной программы по развитию региона с учетом его геополитического положения и специализации (развитие региона с учетом его геополитических и исторических особенностей, эффективное использование его геополитического расположения – например, создание в Забайкальском крае свободной экономической зоны).

В заключение необходимо отметить, что региональная политика, наряду с эко-

номической, социальной, национальной политикой, является одним из важнейших направлений внутренней политики государства. Действительно, только при условии уверенного развития регионов, укрепления в них принципов эффективного

политического и экономического развития возможно становление полноценного социального государства в стране [10]. В связи с этим, особенно важно выработать эффективную модель взаимодействия центра с регионами.

Список литературы

1. Бянкина А.М. Правовое регулирование приграничного сотрудничества Забайкальского края с регионами Китая. Режим доступа: <https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Fdviu.ranepa.ru%2Fdownload%2Frio%2Fj20114%2F13.doc&name=13.doc&lang=ru&c=56a032ef0fa6> (дата обращения 21.01.2016).
2. Васильева А. Китай осваивает Забайкальские земли. Режим доступа: <http://www.regcomment.ru/> (дата обращения 21.01.2016).
3. Влияние глобализирующегося китайского региона на Забайкальский край: социально-философский аспект. Режим доступа: <http://xpir.fcntp.ru/project/02-740-11-0363> (дата обращения 21.01.2016).
4. ГАЗК, ф. 107 (Фонд Маньчжурской таможни), оп. 1. Дело № 21, л. 17.
5. Еловский Д. Китайская экспансия: опасность или неизбежность? Режим доступа: <http://www.regcomment.ru/> (дата обращения 21.01.2016).
6. Забайкалье в аренду. Китайская сельскохозяйственная экспансия. Режим доступа: <http://pronedra.ru/agriculture/2015/06/23/zabajkaliev-v-arendu/> (дата обращения 21.01.2016).
7. Захаров М. Китай сложный партнер, но партнер. Режим доступа: <http://www.regcomment.ru/> (дата обращения 21.01.2016).
8. Козыкина Н.В., Романюк Д.В. Феномен городов-близнецов в контексте трансграничных миграционных процессов // Сборник докладов науч.-практ. конф. «Международное сотрудничество стран Северо-Восточной Азии: проблемы и перспективы». Чита, 2010. 526 с.
9. Шабров О.Ф. Политическое управление: проблема стабильности и развития. М.: Интеллект, 1997. С. 27.
10. Шутов А.Ю. Региональные элиты в постсоветской России: особенности политического участия // Полис. 2008. № 6. С. 14–19.
11. Abraham D. Benavides, Adira M. Fierro-Villa and Eduardo Cobian Aguayo Public Service and Good Governance vs. Corruption and Self-Promotion: MPA Programs in Mexico // Journal of Public Affairs Education 19 (4), p. 616.
12. Denise Youghblood Coleman. Political Stability // Political Overview, 2013. P. 28.

List of literature

1. Byankina A.M. *Pravovoe regulirovanie prigranichnogo sotrudnichestva Zabajkalskogo kraja s regionami Kitaya* (Legal regulation of cross-border cooperation with the Transbaikal Territory regions of China) Available at: <https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Fdviu.ranepa.ru%2Fdownload%2Frio%2Fj20114%2F13.doc&name=13.doc&lang=ru&c=56a032ef0fa6> (accessed 21.01.2016).
2. Vasilyeva A. *Kitay osvivaet Zabajkalskie zemli* (China develops Transbaikal land) Available at: <http://www.regcomment.ru/> (accessed 21.01.2016).
3. *Vliyanie globaliziruyushhegosya kitayskogo regiona na Zabajkalskiy kray: sotsialno-filosofskiy aspekt* (The effect of globalizing Chinese region in the Chita region: social and philosophical aspect) Available at: <http://xpir.fcntp.ru/project/02-740-11-0363> (accessed 21.01.2016).
4. *GAZK, f. 107 (Fond Manchzhurskoy tamozhni), op. 1. Delo № 21, l. 17* (GASCOM, p. 107 (Foundation Manchurian customs), op. 1. The case no. 21, l. 17).
5. Elovskiy D. *Kitayskaya ekspansiya: opasnost ili neizbezhnost?* (Chinese expansion: danger or inevitability?) Available at: <http://www.regcomment.ru/> (accessed 21.01.2016).
6. *Zabajkalie v arendu. Kitayskaya sel'skohozyaystvennaya ekspansiya* (Transbaikal region in the rent. Chinese agricultural expansion) Available at: <http://pronedra.ru/agriculture/2015/06/23/zabajkaliev-v-arendu/> (accessed 21.01.2016).
7. *Zakharov M. Kitay slozhny partner, no partner* (China is difficult, but a partner) Available at: <http://www.regcomment.ru/> (accessed 21.01.2016).

8. Kozykina N.V., Romaniuk D.V. *Sbornik dokladov nauch.-prakt. konf. «Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo stran Severo-Vostochnoy Azii: problemy i perspektivy»* (Proceedings of the scientific-practical. conf. «International cooperation in Northeast Asia countries: problems and prospects»). Chita, 2010. 526 p.
9. Shabrov O.F. *Politicheskoe upravlenie: problema stabilnosti i razvitiya* [Political control: problem of stability and development]. Moscow: Mind, 1997, p. 27.
10. Shutov A.Yu. *Polis* (Polis), 2008, no. 6, pp. 14–19.
11. Abraham D. Benavides, Adira M. *Journal of Public Affairs Education* (Journal of Public Affairs Education), 19 (4), p. 616.
12. Denise Youghlood Coleman. *Political Overview* (Political Overview), 2013, p. 28.

Коротко об авторах

Бейдина Татьяна Евгеньевна, д-р полит. наук, профессор, зав. кафедрой «Государственное, муниципальное управление и политика», Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: политические науки, концепции национальной и региональной безопасности, погранология, федеральная и региональная политика, региональная политика субъектов Российской Федерации
beydina@inbox.ru

Новикова Анна Владимировна, канд. полит. наук, доцент, кафедра «Государственное, муниципальное управление и политика», Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: политические науки, концепции национальной и региональной безопасности, погранология, федеральная и региональная политика, региональная политика субъектов Российской Федерации
anna_novikova2010@mail.ru

Briefly about the authors

Tatyana Beydina, doctor of political sciences, professor, head of Government Municipal Administration department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: political science, national and regional security concept pogramologiya, federal and regional policy, regional policy of the Russian Federation

Anna Novikova, candidate of political sciences, associate professor, Government Management and Policies department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: political science, national and regional security concept pogramologiya, federal and regional policy, regional policy of the Russian Federation

Образец цитирования

Бейдина Т.Е., Новикова А.В. Региональная политика в Забайкальском крае: монгольский и китайский факторы // Вестн. Заб. гос. ун-та. 2016. Т. 22. № 3. С. 42–49.

УДК 321

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ СУБЪЕКТНОЙ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

SUBJECTS OF THE MODERN STATE ECONOMIC POLICY: APPROACHES TO A CREATE PROBLEM

Е. В. Булах,
Дальневосточный
федеральный университет,
г. Владивосток, Россия
bulakhev@gmail.ru

E. Bulakh,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia

Т. А. Васильева,
Дальневосточный
федеральный университет,
г. Владивосток, Россия
vasileva.ta@dfu.ru

T. Vasilyeva,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia

Е. Е. Нечай,
Дальневосточный
федеральный университет,
г. Владивосток, Россия
nechay.ee@dfu.ru

E. Nechay,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia

Представлен комплексный анализ основных субъектов экономической политики современных государств, выделены направления их взаимодействия и оценена эффективность существующих схем их оптимального функционирования в части влияния на формирование экономического курса государства. Проанализированы основные способы и ключевые направления выстраивания конструктивного диалога между субъектами экономической политики государства, а также формы нейтрализации угроз эффективности осуществления их функций в рамках единой политической системы. Очевидно влияние современных процессов глобализации, которые приводят к формированию новой конфигурации политического и экономического пространства. Выделены новые активные субъекты экономической политики – международные организации. В ином качестве исследован универсальный субъект экономической политики – государство как член глобального международного сообщества. Авторы пришли к выводу о преодолении упрощенного подхода к проблеме формирования субъектной системы государственной экономической политики и расширили схему путем выделения субъектов разного уровня, исходя из различных типологических оснований и современных тенденций

Ключевые слова: государство, экономическая политика государства, субъекты экономической политики, политическая власть, субъекты политики, субъекты международных отношений, согласование интересов субъектов

The article presents a comprehensive analysis of the main subjects of the economic policies of modern states highlighted areas of cooperation and the effectiveness of existing schemes for their optimal functioning, in terms of influence on the formation of economic policy of the state is assessed. The basic methods and key areas of building a constructive dialogue between economic policies have been analyzed and as well as the forms of neutralization of threats implementation of their functions within a single political system. The authors considered modern processes of globalization that lead to creation of a new configuration of political and economic space. The new active economic policy actors – international organizations are identified and analyzed. In new trends universal subject of economic policy – the state as the member of global international community has been investigated. During the research the authors of the article applied a complex approach to create a multi-level subjects' system of modern state economic policy, based on the different grounds of typological and modern trends

Key words: state, economic policy of the state, subjects of economic policy, political power, political subjects, subjects of international relations, coordination of subjects' interests

Для определения закономерностей формирования политических механизмов выработки и реализации экономической политики чрезвычайно важна проблема субъектной системы. Обычно в литературе предлагается упрощенный подход к этой проблеме.

Любая политика, и не только экономическая, представляет собой реализацию целей и задач, установленных в соответствии с конкретными интересами людей. В этом контексте именно интерес становится тем качеством, которое определяет субъектную систему экономической политики. В отношении любого субъекта правомерно возникают вопросы: чьи интересы он выражает и соответствуют ли его программы интересам различных социальных групп. В отношении интересов как основы формирования экономической политики можно выделить следующие типы субъектов:

- носители интересов;
- выразители интересов;
- исполнители (реализаторы) интересов.

Носителями интересов, прежде всего, выступают граждане как частные экономические субъекты. Их интересы образованы в соответствии с их социально-экономическим положением в обществе, а также характером деятельности. Формой коллективного же экономического субъекта выступают организации. Несмотря на то, что организации состоят из людей, появление нового качества структурной организованности формирует сеть иных, особых интересов, не всегда совпадающих с индивидуальными и реализуемых уже в области деперсонифицированных отношений. Государство как политико-территориальная общность людей также выступает носителем экономических интересов особого системного свойства, которые реализуются в сфере как международных отношений, так и в области внутренней экономической политики.

При определенных условиях носители интересов могут выступать их выразителями. Но чтобы такой голос «интересанта» был услышан, необходимо особое качество

этого субъекта — его политический вес. Достигается это, прежде всего, через персональное могущество частного лица, которое подкрепляется политическим или экономическим капиталом, либо через структурное объединение частных носителей интересов в некие группы в соответствии с характером их интереса. В этом случае субъектная система экономической политики может включать официальные организации, неформальные группы специальных интересов, объединения по профессиональному либо «проблемному» принципу, политические партии и общественные движения.

Реализаторы экономических интересов в области экономической политики — это политическая власть, которая ответственна за формирование политики, проведение ее в жизнь. Таким образом, субъектную систему экономической политики всегда дополняют различные ветви государственной власти. Сюда можно отнести парламент как законодательный орган, вырабатывающий предложения по общим приоритетам экономической политики и формирующий общие, рамочные структуры по ее реализации, а также правительство как ветвь исполнительно-распорядительной власти, ответственную за реализацию установленных приоритетов в прикладной политико-экономической деятельности. Носители и выразители интересов могут становиться субъектами-реализаторами экономической политики, когда осуществляется их приход к власти. Например, партия может победить на выборах, и тогда ее экономическая программа станет основой для политико-экономических решений государства на высшем уровне. Таким субъектом может выступать и личность, в том случае, если партия, пришедшая к власти, будет иметь четко выраженный «личностный» характер и т.д.

В зависимости от типа государственного устройства, территориально-пространственной локализации носителей и реализаторов интересов можно выделить три уровня субъективирования экономической политики: федеральный, региональный и местный. Процессы глобализации, несомненно, вносят свои коррективы в террито-

риально-пространственную локализацию носителей, выразителей и реализаторов интересов. Формируются всё новые активные субъекты экономической политики – международные организации. Глобализация придает иное качество и субъекту-государству посредством формирования новых схем пространственной организации интересов и новых механизмов взаимодействия государств как членов глобального международного сообщества [5].

Значимость государства как субъекта экономической политики обусловлена его универсальностью. Государство – это некий универсальный фактор, который дифференцирует людей, но в то же время через государственную структуру интегрирует человечество в глобальную, планетарную общность. Причины существования современного государства обычно связывают с потребностью реализовать с его помощью определенные общественные интересы. При этом государство рассматривается и как иерархически организованная система власти определенных социальных групп, и как более или менее независимая от общества сила с присущими ей собственными законами самодвижения [8]. В этом смысле мы говорим о государстве как о самостоятельном субъекте экономической политики.

Среди западных политологов и экономистов понимание государства как социально-политического субъекта, существующего независимо от живущих в нем граждан и преследующего собственные интересы, не получило широкого признания. В рыночно-ориентированных демократических странах Запада возникло понимание государства как инструмента реализации частных интересов граждан. Принято считать, что у государства нет иных целей, кроме целей индивидуальных граждан или избирателей, поэтому деятельность государства как субъекта экономической политики определяется его нормативной ролью обеспечения роста национального благосостояния. Но при этом включение в систему рассмотрения нормативных функций государства понятий «общественное благо», «общественный сектор» неизбежно пре-

вращает государство в выражение всеобщей воли, возвышающейся над частными интересами и выполняющей общественно значимые функции. Таким образом, попытки рассмотрения деятельности государства с подобных нормативных позиций приводят к представлениям о государстве как властно-организующей силе, воплощенной коллективности, как универсальной совокупности структур и функций.

Поскольку государство – это политическая организация людей, живущих на определенной территории, то политика государства определяется, прежде всего, самосохранительным поведением данной общности, стремлением к обеспечению собственной безопасности. По мнению Е.Н. Ведуты, введение понятия «экономическая безопасность государства» означает «признание примата экономики в обеспечении внутренней и внешней безопасности государства и, следовательно, необходимость самого серьезного внимания к проблеме обоснования и реализации эффективной национальной стратегии развития» [2]. В этом смысле экономическая политика государства тесно связана с задачами практического регулирования производства и распределения благ в обществе и государстве в соответствии с целями внутренней и внешней экономической безопасности. Для этого в программные документы на государственном уровне вносятся меры эффективного использования национальных ресурсов с тем, чтобы получить быстрый рост потребительского продукта в оптимальной структуре, меры поддержания приемлемого неравенства в распределении доходов, а также меры поддержания экономической стабильности.

Переход российского общества к рыночной экономике объяснялся, прежде всего, задачами достижения экономического роста, экономической эффективности, отказа от уравнительной справедливости к справедливому распределению доходов в зависимости от реального трудового вклада. Это ценности, которые разделялись большинством населения, содержание коллективной воли российских граждан. В ре-

альности оказалось, что за годы рыночных преобразований Россия вошла в затяжной экономический кризис. Экономистами выявлено значительное ухудшение позиций по индексам роста ВВП, по паритетам покупательной способности валют и т.д. Рост социальных проблем очевиден (безработица, социальная дифференциация вне зависимости от трудового вклада и т.д.). Проводимая государством в ключевой период социально-экономических реформ экономическая политика демонстрировала определенный отказ от сбалансированного рынка и защиты национальных интересов [11].

С нормативных позиций такая политика государства, далекая от ожиданий максимизации общественного благосостояния, не имеет рациональной интерпретации. Догмат о государстве, как властно-организующей силе воплощенной коллективности, предполагает опору на ряд правил:

- деятельность государства нацелена на общее благо, а корыстное поведение госчиновников в своих интересах жестоко пресекается;

- все решения, нацеленные на общее благо, принимаются на основе рациональности и доступны для общественного контроля;

- инструменты экономической политики находятся под эффективным государственным контролем;

- работа государственных чиновников, реализующих решения в области экономической политики, также эффективна и прозрачна для контролирующих органов и общественных структур;

- государственная политика последовательна и нацелена на достижение эффективности.

И хотя данные правила могут составлять основное содержание представлений граждан о своем государстве, но реальная деятельность государства вряд ли может соответствовать такому «идеальному» образу.

В какой-то степени интерпретационными возможностями обладает разграничение нормативной и позитивной роли государства. Нормативная роль – это то, что государство обязано делать для макси-

мизации общественного благосостояния. То же, что оно реально делает, составляет содержание позитивной роли. В идеале, конечно, эти роли должны совпадать. Причины несовпадения, по мнению В. Танци, разнообразны и определяются следующими факторами:

- 1) различиями между интересами тех, кто управляет, и тех, кем управляют;

- 2) ошибками и заблуждениями со стороны политиков;

- 3) недостаточным владением инструментами экономической политики;

- 4) последствиями прежних решений [10].

Действительно, все эти особенности можно обнаружить в реальной политической жизни. Долгосрочные последствия политико-экономических решений ложатся грузом на плечи государства в виде выплат по внешним долгам, огромных налоговых льгот и субсидий отдельным категориям экономических субъектов и граждан, в виде юридически закрепленных обязательств государства (пенсионное обеспечение) и т.д. Но различия интересов властных и подвластных указывают на глубинное основание невыполнения государством нормативных функций и задач в области экономической политики.

На представителей власти в постоянном режиме оказывают давление различные группы специальных интересов для получения налоговых льгот, субсидий, дотаций и всевозможных иных экономических и социальных благ. В ключевые моменты истории воздействие на правительство групп специальных интересов может не ограничиваться частными выгодами, а воздействовать на выбор политико-экономического курса в целом.

Термин «группа интересов» используется в политической науке для обозначения объединения людей, стремящихся выразить и отстаивать собственные властно значимые интересы в отношениях с государственными органами и другими политическими институтами. Это могут быть объединения предпринимателей, рабочих, фермеров, различные профессиональные и иные организации, отстаивающие свои

интересы и воздействующие на различные звенья государственного аппарата. В отличие от политических партий группы интересов не имеют цели прийти к власти. Их задачи более просты и прагматичны. Они заключаются в следующем:

1) артикулировании группой своих интересов, т.е. преобразовании социальных ожиданий и эмоций, чувств неудовлетворенности или солидарности граждан в определенные политические требования;

2) агрегировании интересов, т.е. их упорядочении, согласовании, иерархизации по приоритетности и выработке общегрупповых целей;

3) трансляции до органов власти и других политических институтов информации о состоянии той проблемы, в решении которой заинтересована группа интересов;

4) в участии в процессе формирования политических элит, властных структур общества [9].

Группы интересов классифицируются по различным основаниям: профессиональным, этническим, социальным, религиозным и т.д. Можно выделить и более широкий континуум групп интересов: группы по обычаю, институциональные группы, группы защиты, группы поддержки [1]. В странах либеральной демократии наиболее распространены группы защиты (профсоюзы или предпринимательские ассоциации, которые отстаивают материальные интересы своих сторонников) и поддержки (антивоенные организации, экологические движения).

Как субъекты экономической политики, группы интересов оказывают воздействие на выбор целей, инструментов, приоритетов политики. Особенно эффективным инструментом влияния заинтересованных групп на государственные структуры считается институт лоббизма.

С точки зрения формирования демократических процедур формирования экономической политики деятельность групп интересов — это попытка диалога с властью, одна из допустимых форм представительства интересов граждан. В этом контексте группы интересов можно рассматри-

вать как фактор социально-политического структурирования общества в России.

И. Семененко представляет классификацию основных категорий групп интересов по методам и приоритетам деятельности, степени самоорганизации:

— политизированные, то есть те, что борются в том числе за прямое влияние на политические процессы;

— экономические, в том числе разного рода хозяйствующие субъекты (корпорации, комплексы);

— социальные, в том числе разного рода добровольческие организации;

— региональные, которые выступают от имени региональных и местных элит или крупных производственных структур в регионах [9].

В зависимости от степени институционализации, правовой открытости деятельности групп интересов, механизмы выработки экономической политики могут эволюционировать в двух направлениях:

1) «схватка бульдогов под ковром» — это олигархическая модель представительства групп интересов, к ней тяготеют все элитные группы;

2) демократическая система представительства и выработки направлений экономической политики.

Проблема заключается в том, что группы интересов экономически «сильных» слоев общества организованы лучше, имеют доступ во власть, обладают высокой степенью влияния и реальными возможностями взаимодействия с властными структурами и на институциональном, и на персональном уровнях.

Более многочисленные, но экономически «слабые» группы обычно не играют реальной роли в принятии политико-экономических решений, поскольку малочисленны.

Решающим фактором эффективности продвижения собственных интересов неэлитными группами может стать организация различных социальных движений, акций гражданского неповиновения и т.д. Власть вынуждена обращать внимание на эти действия, если организаторы — эконо-

мически значимые группы, в отличие от пенсионеров, бюджетников и др.

В отличие от групп специальных интересов политические партии, как субъект экономической политики, стремятся к прямому политическому руководству государством. Их деятельность в плане выбора политического и экономического курса отражает задачи завоевания власти и опирается на широкие общественные массы.

В западных странах, где уже сформировались правила политической игры и развитая экономика, все партии поддерживают выбранную модель общественно-экономического развития. Экономические платформы различных партий дифференцированы лишь в деталях, обсуждаются только конкретные, но не стратегические вопросы социально-экономической политики: структура и характер социальных расходов, особенности налоговой системы, региональные экономические проблемы и т.д. [6].

Страны с переходной экономикой не столь монолитны политически и проходят опыт групповых противостояний, резкой политической борьбы. Потому партии могут отстаивать и принципиально различные курсы экономической политики, отражая интересы самых разных групп социально поляризованного общества.

Выявленные нами субъекты образуют особые типы взаимодействия в процессе выработки экономической политики.

Во-первых, государство может быть полностью независимым от любых групп и частных экономических субъектов в выборе направлений экономической политики. Авторитарные и тоталитарные режимы характеризуются именно такой высокой степенью автономности правительств от иных элементов субъектной системы экономической политики.

Во-вторых, государство, будучи автономным от избирателей, может образовывать коалиции с некоторыми группами специальных интересов. В этом случае политическая или финансовая поддержка правительства будет компенсироваться не только отдельными экономическими

льготами, но и выбором соответствующего направления экономической политики. В этом случае мы говорим о моделях олигархического правления, коррупционном капитализме развивающихся стран и т.д.

В-третьих, государство и правительство могут ориентироваться преимущественно на интересы избирателей как рядовых экономических субъектов, формируя на основе их запросов и нужд экономическую политику. Именно по такому пути моделирования экономической власти следовали страны Центральной Европы, осуществляя реформы 1990-х гг.

Данные модели взаимодействия основных субъектов формирования экономической политики существенно влияют на определение политико-экономического курса и выбор инструментов политико-экономического моделирования в странах с переходным типом экономики и тем самым определяют специфику выбора общей модели развития страны.

Попытку создания типологии моделей экономического развития на основе субъектной системы экономической политики предпринял С. Афонцев [1], который предложил использовать следующий набор критериев:

1) степень участия государства в рыночных преобразованиях, характеризующая через позиции «либерализма» или «активизма» правительства;

2) степень координации взаимодействия субъектов принятия политических решений с экономическими субъектами, выступающими одновременно в роли субъектов политического рынка: группами давления, выражающими интересы деловых кругов, и рядовыми избирателями;

3) степень успешности реализации рыночных преобразований.

Вариант первого типа субъектного взаимодействия, представляющего собой правительство, действующее автономно, в период становления рыночной экономики наблюдался в начале рыночных преобразований в странах Центральной, Восточной Европы и Китае. Китай, сохранив прежнюю политическую систему партийного

руководства, вполне успешно осуществляет рыночные преобразования.

Многообразие вариантов второго типа субъектного взаимодействия представлено различными национальными вариантами симбиоза государства и бизнеса – «приятельский капитализм», «коррупционный капитализм» и т.д. Феномен «азиатского экономического чуда» опирался не на универсальность придуманной западными теоретиками модели, учитывающей традиционные для западной экономической школы рекомендации, а на взаимодействие правительства с группами специальных интересов.

Опыт проведения экономических преобразований в России показал, что в сложившейся ситуации сохранение лидирующих позиций за правительством становится весьма проблематичным. Основным политическим игроком может стать какая-либо социально-экономическая группа.

В странах Центральной и Восточной Европы соответствие модели консенсуса обычно выдерживалось не более одного года. Во второй половине 1990-х гг. в этих странах успехи в рыночных преобразованиях привели к формированию широкой и долгосрочной общественной поддержки реформ.

Как уже отмечалось, пространственная локализация носителей интересов и территориальная конфигурация власти определяют формирование новых уровней субъективирования политико-экономических субъектов. Федерация – это такая система, основными частями которой являются субъекты государства. Субъекты федерации находятся во взаимосвязях между собой и федеральным центром, который олицетворяет систему в целом. Субъект федерации – это относительно автономная подсистема, где в качестве элементов выступают муниципальные образования, находящиеся во взаимосвязях между собой и региональным центром. По этому принципу формируются федеральный, региональный и муниципальные уровни субъективирования.

Выделение регионального и федерального уровней связано с федеративным

устройством государства только частично. В принципе, федеральный уровень соответствует национальному государству, выражению общих интересов населения государства и основан на принципе государственного суверенитета, который представляет неотъемлемое и важнейшее свойство государства, качественную характеристику состояния государственной власти и неделим по своей природе и сущности. Поэтому предполагается, что субъекты федерального уровня реализуют интересы государства как системной целостности. Региональный уровень – это реализация интересов территориальной общности, которая субъектом федерации может и не являться.

Процессы глобализации приводят к формированию новой конфигурации политического и экономического пространства. В современном взаимозависимом мире усиливается влияние принципа ограничения национального суверенитета через нормы международного права, возникают новые надгосударственные образования, такие как Европейский Союз, который сегодня олицетворяет собой межгосударственное объединение с законодательными, исполнительными и судебными наднациональными органами. Кроме того, произошло становление новых субъектов международных отношений, претендующих если не на приоритет, то, по крайней мере, на равенство с традиционными субъектами международных отношений – государствами. Исследователи насчитывают, по меньшей мере, семь новых субъектов, решения и поведение которых влияют на мировые процессы [4].

Это международные организации (Всемирный банк, МВФ, ЮНЕСКО, ВТО и др.), региональные организации (их насчитывается около 60), многонациональные корпорации (около 60 тыс.), институциональные инвесторы (пенсионные и инвестиционные фонды, страховые компании), неправительственные организации (движения «зеленых», «врачей без границ» и т.п.), индивиды (научные работники, университетские профессора, артисты, отдельные личности, например, Дж. Сорос, Б. Гейтс).

Можно привести многочисленные примеры влияния международных субъектов на национальную экономическую политику. Но особо значимую роль как субъекта экономической политики выполняют международные финансовые организации, такие как Международный банк реконструкции и развития (МБРР), Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), Международный валютный фонд (МВФ). МФО выделяют финансовые кредиты для поддержки бюджета, на оздоровление ситуации в денежно-кредитной сфере, в области внешнеэкономического регулирования, на структурную перестройку экономики государства [3].

Давление на позицию национального правительства может осуществляться путем предоставления кредитных ресурсов в виде финансовых займов, средства которых могут расходоваться государством-заемщиком на любые цели. Однако выделение кредитов происходит только после достижения договоренности с правительством и центральным банком страны о выполнении согласованной с финансовой организацией программы мероприятий.

Вообще, данная практика — нормальное явление для любого банка. Для получения солидного кредита всегда требуется его технико-экономическое обоснование. Но в случае суверенного государства речь идет о конкретных проектах в рамках направленной экономической политики. Подготовку конкретных проектов обычно осуществляют иностранные специалисты, которые дают и оценку реализации проекта и намечают пути корректировки отношений. Международные финансовые организации, выступая гарантом внешней платежеспособности,

поддерживают и стабилизируют положение правительства [7].

Сближение России с ведущими международными финансовыми организациями началось в эпоху перестройки. Еще в 1985 г. СССР подписал соглашение с Международным валютным фондом о сотрудничестве, консультационной и технической помощи. Затем в условиях системной трансформации в странах Центральной и Восточной Европы Советский Союз поддержал инициативу и стал одним из учредителей Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР). В 1991 г. Российская Федерация стала членом Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР), в 1992 г. вступила в Международный валютный фонд (МВФ) и присоединилась к группе Всемирного банка — Международному банку реконструкции и развития (МБРР).

Не так давно Россия вступила и в ВТО (Всемирную торговую организацию), основной целью которой является либерализация международной торговли на основе многостороннего механизма регулирования торговых связей. Членство в ВТО потребовало от нашей страны пересмотра ее торговой политики и подчинения надгосударственным руководящим органам — конференции министров, генеральному совету, комитету по урегулированию разногласий, комитету по торговой политике и т.д.

Таким образом, нам удалось преодолеть упрощенный подход к проблеме формирования субъектной системы экономической политики современных государств и расширить схему путем выделения субъектов разного уровня, исходя из различных типологических оснований.

Список литературы

1. Афонцев С. Экономическая политика и модели экономического развития // *Мировая экономика и международные отношения*. 2002. № 4. С. 40–47.
2. Ведута Е.Н. Государственные экономические стратегии. М.: Инновации, 2011. 325 с.
3. Ковалева Т.М. Бюджетная политика и бюджетное планирование в Российской Федерации. М.: КНОРУС, 2012. 128 с.
4. Колобова Г.А. Политико-экономическая стратегия постсоветской России как критерий периодизации трансформационного процесса // *Власть*. 2011. № 7. С. 8–11.

5. Кузнецов В. Что такое глобализация? // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 2. С. 12–21.
6. Лебедева Н.Н. Новая институциональная экономическая теория. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2012. 200 с.
7. Лебединская Е. Повышение эффективности основная задача бюджетной политики // Экономист. 2011. № 2. С. 53–61.
8. Севортян Р. Государство как универсальный феномен и аналитическая конструкция // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 11. С. 59–67.
9. Семенов И. Группы интересов – в процессе институционализации? // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 3. С. 34–37.
10. Танди В. Роль государства в экономике: эволюция концепций // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 10. С. 51–62.
11. Юргенс И.Ю. Экономический кризис в России: экспертный взгляд // Вопросы экономики. 2009. № 4. С. 4–30.

List of literature

1. Afontsev S. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya (World Economy and International Relations), 2002, no. 4, pp. 40–47.
2. Veduta E.H. Gosudarstvennye ekonomicheskie strategii [Government economic strategy]. Moscow: Innovations, 2011. 325 p.
3. Kovaleva T.M. Byudzhethnaya politika i byudzhethnoe planirovanie v Rossiyskoy Federatsii [Fiscal policy and budget planning in the Russian Federation]. Moscow: KNORUS, 2012. 128 p.
4. Kolobova G.A. Vlast (Power), 2011, no. 7, pp. 8–11.
5. Kuznetsov V. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya (World Economy and International Relations), 1998, no. 2, pp. 12–21.
6. Lebedeva N.H. Novaya institutsionalnaya ekonomicheskaya teoriya [New Institutional Economics]. Volgograd: Volgograd Scientific Publishing House, 2012. 200 p.
7. Lebedinskaya E. Ekonomist (Economist), 2011, no. 2, pp. 53–61.
8. Sevortyan R. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya (World Economy and International Relations), 1998, no. 11, pp. 59–67.
9. Semenenko I. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya (World Economy and International Relations), 1998, no. 3, pp. 34–37.
10. Tantsi V. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya (World Economy and International Relations), 1998, no. 10, pp. 51–62.
11. Yurgens I.Yu. Voprosy ekonomiki (Questions of Economy), 2009, no. 4, pp. 4–30.

Коротко об авторах

Булах Евгений Васильевич, канд. полит. наук, доцент кафедры «Политология», Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия. Область научных интересов: политические науки, социология, экономика, государственное и муниципальное управление
bulakhev@gmail.ru

Васильева Татьяна Александровна, канд. полит. наук, доцент кафедры «Политология», Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия. Область научных интересов: политические науки, политические институты и процессы, государственное и муниципальное управление
vasileva.ta@dvmfu.ru

Нечай Екатерина Евгеньевна, канд. полит. наук, доцент кафедры «Политология», Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия. Область научных интересов: политические науки, политические институты и процессы, государственное и муниципальное управление
nechay.ec@dvmfu.ru

Briefly about the authors

Eugeny Bulakh, candidate of political sciences, associate professor, Political Science department, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. Sphere of scientific interests: political sciences, sociology, economics, state and municipal management

Tatyana Vasilyeva, candidate of political sciences, associate professor, Political Science department, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. Sphere of scientific interests: political sciences, political institutions and processes, state and municipal management

Ekaterina Nechay, candidate of political sciences, associate professor, Political Science department, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. Sphere of scientific interests: political sciences, political institutions and processes, state and municipal management

Образец цитирования

Булах Е.В., Васильева Т.А., Нечай Е.Е. К проблеме формирования субъективной системы государственной экономической политики в современных условиях // Вести. Заб. гос. ун-та. 2016. Т. 22. № 3. С. 50–59.

УДК 323

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА КАК ЭЛЕМЕНТА ОТКРЫТОЙ ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ

PERSPECTIVES OF IMPROVEMENT OF THE SYSTEM OF ELECTRONIC GOVERNMENT AS AN ELEMENT OF STANDING OPEN DEMOCRACY IN RUSSIA

*А.А. Ефимов, издательский дом «Логос», Москва, Россия
efimov.andrey.al@gmail.com*

A. Efimov, publisher «Logos», Moscow, Russia

Автор настоящей статьи доказывает, что электронное правительство следует рассматривать как этап к построению электронной демократии в России. В связи с этим построение электронного правительства должно рассматриваться государством и гражданским обществом в контексте процессов демократического реформирования общества и политической модернизации, так как информатизация взаимоотношений государства, граждан и бизнеса, построение электронного правительства с целью установления электронной демократии может и должно рассматриваться и государством в лице как идеологов реформ, так и тех управленческих структур, которые ответственны за тактику их осуществления, и самими гражданами в контексте необходимости продолжения демократического реформирования общества и политической модернизации. Для реализации этого императива необходима не только политическая воля государства в лице его лидеров, но и глубинные изменения в сознании самого российского общества. Другими словами, успешность реализации концепции электронного правительства в России напрямую зависит от того, сможет ли российское общество и государство разомкнуть следующий «порочный круг». С одной стороны, для построения электронной демократии государству необходим достаточный ресурс доверия гражданского общества и поддержка со стороны населения тем технологическим и организационным нововведениям, которые сопровождают реализацию программы. Для этого необходимо не только осуществление программы продвижения, рекламы, даже пропаганды электронного правительства, но и, что более важно и существенно, пробуждение конструктивной гражданской соактивности государственными начинаниям. А изменения на этом уровне национального сознания россиян пока не происходят. С другой стороны, само электронное правительство может и должно стать инструментом поиска такого консенсуса между гражданами и государством, который поможет сложить векторы активности граждан и государства для построения базиса открытого общества взаимного доверия

Ключевые слова: демократия, модернизация, реформы, государство, политическая элита, электронное правительство

The author of this article proves that electronic government shall be considered as a step to form an electronic democracy in Russia. That is why, a formation of electronic democracy shall be considered by the government and civil society within the context of the processes of democratic reformation of the society and political modernization, because informatization of the relations of government, citizens and business, formation of electronic government within the purpose to establish electronic democracy may and have to be considered either as by the government represented by the ideologists of reforms, as that government institutions, that are responsible for the tactic of their realization, and by citizens within the context of the necessity of continuation of democratic reformation of the society and political modernization. In order to realize this imperative not only political wish of the government represented by its leaders is necessary, but also deep changes in the mind of Russian society. In other words, the successfulness of realization of the conception of electronic government in Russia strictly depends on ability of the Russian society and government to split out further «vicious circles». On the one hand, in order to establish electronic democracy the government needs sufficient resource of confidence of civil society and sup-

port from the part of the citizens to the technological and organizational innovations that maintain the realization of the program. To this purpose, it is necessary not only to realize the program of promotion, advertisements, moreover propaganda of electronic government, but also, what is more important and essential, to reawake constructive civil co-activeness of the government beginnings. But still changes at this level of national consciousness of Russian people are not taken place. On the other hand, electronic government itself may and has to become an instrument of searching of such consensus between citizens and government, that will help to combine the activeness of the citizens and government in order to establish a basis of open society of mutual confidence

Key words: democracy, modernization, reform, government, political elite, electronic government

Анализ опыта иностранных государств по построению электронного правительства указывает на наличие в политической практике построения электронного правительства России следующей проблемы. На наш взгляд, ее осмысление и фиксация может и должна быть поставлена во главу угла оптимизации и управленческой, и технологической деятельности органов государственной власти и тех организаций, которые ответственны за реализацию планов правительства России по построению открытого общества. Речь идет не только и не столько о понимании управленческой концепции электронного правительства, сколько о политических ориентирах и видении этой концепции именно в контексте политических стратегий России.

Так, и в континентальной Европе, и в Великобритании в последние двадцать лет – в период, последовавший за распадом биполярной геополитической системы мира, происходил постепенный, но осознанный на уровне политиков и управленцев отказ от приоритетности внешней, так называемой большой политики в пользу малой – внутренней политики, главная задача которой видится европейцам в удержании и укреплении демократических политических режимов за счет обеспечения гражданам тех прав, свобод и, главное, социальных благ, которые заложены в концептуальных основах демократического общества и правового государства, с одной стороны, и востребованы обществом в большей степени, чем государственное геополитическое позиционирование, с другой. Иными словами, европейские демократии в части гражданского общества пришли к пониманию общественного блага как суммы политическо-

го «покоя» и поступательно нарастающего благосостояния каждого гражданина. Это понимание принято государствами и политиками и положено в основу государственных доктрин, стратегий и управленческих действий. С одной – это осознанный политический выбор государств, с другой стороны, этот политический выбор для Европы является единственным адекватным ответом на вызовы открытой демократии и постиндустриального роста благосостояния граждан. Население развитых демократических государств не только привыкло к высокому уровню жизни, но и формулирует требование о его сохранении и приумножении на политическом уровне. Государственные лидеры не могут не оправдать ожиданий гражданского общества, поскольку отказ от популярной стратегии создал бы опасность стабильному функционированию политической системы и трансляции демократии как политического режима [2; 3; 5; 12].

Вместе с тем, бюджетные и иные ресурсы и политические возможности ни одного из государств не могут обеспечить равно эффективность реализации обоих – внутреннего и внешнего – векторов политики. Соответственно, выбор между внешним геополитическим позиционированием и общественным благом в его внутригосударственной интерпретации сделан в пользу второго направления. Именно в него встраиваются и императивы, и приоритеты концепции электронного правительства в Великобритании и других европейских странах. То есть государство на самом высоком политическом уровне осуществляет вложение государственных бюджетных, организационных, технологических ресурсов не

только в оснащение вооруженных сил, но и в обеспечение тесной связи граждан и правительства, причем на благо граждан. Бизнес-направление функционирования электронного правительства также встраивается в контекст внутригосударственного понимания политической и экономической роли бизнеса [3; 5; 12].

Однако такая политическая стратегия не является единственно верной и единственно возможной. Правительство Японии, формулируя задачи и цели концепции электронного правительства, сделало выбор в пользу внешнеполитического приоритета – наращивания геополитической мощи государства. В этом отношении политическая стратегия электронного правительства векторно контрнаправлена по отношению к европейским стратегиям. Вместе с тем, внутренний вектор концепции также политически значим для японцев, выступая, тем не менее, как промежуточный этап и инструмент внешнеполитического позиционирования. Обе позиции соответствуют и развитию политической системы, и особенностям политических режимов и политических культур государств.

Что касается России, с точки зрения автора, политические смыслы, содержательное наполнение концепции электронного правительства остается недоосмысленным на уровне идеологии самой концепции. На наш взгляд, она может и должна быть встроена в идеологию политического транзита, политическую модернизацию России. Действительно, спонтанная скачкообразная демократизация варианта 90-х гг. XX в. привела (и невозможно этого не признавать) к становлению и укреплению институциональных основ демократической политической системы, положенной в основу дальнейшего политического транзита России XIX в. Вместе с тем форсированность демократизации, неготовность политической культуры и политических отношений к воспроизводству демократических режимных элементов как искусственных слепков развитых демократий привела не только к приостановке демократического транзита, но

и к неспособности политической системы своевременно и полноценно отражать внутренние и геополитические вызовы. Переосмысление сложившейся ситуации будет длительным и болезненным. Однако если оценивать политическую ситуацию в целом, Россия, на наш взгляд, переживает не откат, а переоценку значимости и содержательной весомости политической модернизации для страны, государства, политической элиты, населения и каждого гражданина России [4].

Политическая модернизация, по мнению ученых, не может оставаться просто актом политической воли, волонтаристским рывком варианта 90-х гг. XX в. [4; 8; 13]. Ресурс этого рывка колоссален, как уже отмечалось, он привел к качественным изменениям политической системы. Однако следует признать, что к 10-м гг. XXI в. он был уже исчерпан. Модернизации препятствуют две основные причины:

1) отставание политической системы от объективных, неизбежных и интенсивных изменений всех сфер жизнедеятельности общества, в том числе, от изменений в сфере знаний и информации;

2) вторая причина состоит в том, что уровень развития демократического общества, гражданских институтов и отношений не соответствует демократическим изменениям.

Это приводит к необходимости переосмысления ситуации, пересмотра стратегий модернизации для избегания политических кризисов в виде предреволюционных кризисов, хаосов, установления тиранических или охлократических режимов [4; 7]. «Способствуют же успешной модернизации, как резюмирует Н. Баранов, два фактора: внутренняя готовность модернизирующегося общества к глубоким политическим реформам, ограничивающим власть бюрократии и устанавливающим адекватные «правила игры» для основных политических акторов; желание и способность наиболее развитых стран мира оказать этому сообществу эффективную экономическую и политическую помощь, смягчив тяжесть проводимых реформ» [1. С. 95].

Согласно схеме модернизации, предложенной С. Хантингтоном и ставшей результатом его глубокого анализа модернизационных процессов в развивающихся странах Латинской Америки, Азии и Африки, первый этап модернизации является следствием стимулирующего воздействия на политическую систему внутренних и внешних факторов, которые заставляют элиты в выборе между хаосом и революцией или реформами сделать осознанный, но от этого не менее вынужденный выбор – приступить к реформам. Если применять эту методологию, то именно этот этап модернизации прошло российское общество в 90-е гг. XX в. Поскольку этот этап модернизации предполагает сохранение активности традиционных элит и возможность осуществления реформ «сверху», результат реформ во многом зависит от готовности политических элит при осуществлении реформ отказаться от значительной части привилегий и реформировать самые основы политической системы. Кроме того, важно соблюсти баланс между различными сферами жизнедеятельности системы. Так, политические реформы в России сопровождались затяжным и глубоким экономическим кризисом, приведшим к кризису социальной сферы – обеднению значительной части населения, безработице, люмпенизации. Вместе с тем, сам по себе экономический кризис не являлся прямым следствием модернизации и не может рассматриваться как ее побочный эффект ни в этой методологии, ни в какой иной, поскольку является следствием кризисных глубинных процессов в плановой экономической системе бывшего СССР [11].

Согласно идеям С. Хантингтона, в осуществлении первого этапа модернизации особую роль играет интеллигенция, выступающая идеологом реформ, и средний класс, прослойкой которого можно рассматривать интеллигенцию [11]. Действительно, не только усваивая, но и верно и глубоко воспринимая самые передовые идеи, концептуальную сущность, философский и политический смысл модернизации, интеллигенция способствует артикуляции этих

идей в форме относительно простой, доступной к восприятию массами идеологии и ее распространению в обществе. Интеллигенция России в 90-е гг. являлась носителем самой активной гражданской позиции, глашатаем передовых политических идей, устойчивых мотиваций к активному политическому участию и поиску путей и механизмов конвенционального и эффективного воздействия на политическую жизнь и политические процессы.

Первый этап модернизации в России осуществлен именно так, как описывал С. Хантингтон. Однако на втором этапе проявилась та специфика модернизации в России, которая отражается в таких эпитетах, как «вторичная», «неорганическая», «экзогенная», «имитационная», «консервативная». Она, в первую очередь, заключается в ориентированности различных элементов политической системы на консервацию и воспроизводство традиционных институтов и отношений. Уже на втором этапе модернизации – в середине 90-х гг. XX в., эта особенность российской модернизации проявила себя: «импортирование западных институтов – представительной демократии, избирательной системы, прав человека, судопроизводства – получили в России преимущественно имитационные формы, что не только кардинально меняло их изначальное содержание, но и уменьшало их устойчивость перед антимодернистскими тенденциями» [1. С. 89].

Соответственно, следствиями российской модернизации стали рост коррупции, слияние собственности и власти, приведшее к формированию олигархии, индивидуализация, приватизация, перевод в частную сферу институциональных отношений, рост интеллектуального насилия, отсутствие политических механизмов поиска консенсуса и компромисса, слабость гражданского общества и партийной системы, элитизация политики и др. Более того, как пишет М.В. Ильин, модернизация в России, продолжаясь вот уже более трехсот лет, тем не менее, не только не заканчивается, но и не имеет осязаемого благого политического или социального эффекта. Российский народ

по-прежнему живет страшной, скудной, убогой, опустошенной жизнью. «Поезжайте на 200 верст от столицы под какую-нибудь Калугу, Тулу. В предбанниках изб земляные полы, в деревнях нет бань, в сених скотина или домашняя птица» [6. С. 28].

Действительно, российская модернизация, осуществляющаяся без соотнесения реального состояния социальной, политической, экономической системы, особенностей политической культуры общества, имела характер форсированных, насильственных изменений, не имевших достаточной поддержки населения. Поскольку настроения и чаяния населения не учитывались, а результатом модернизации для значительной его части являлась утрата социальных позиций, одним из последствий модернизации стала архаизация и частичная деградация общества. «Реформаторы «первой волны» не смогли создать прочную социальную опору реформ, наладить контакт с обществом. Была переоценена и действительность самих реформ, их способность изменить жизнь к лучшему. В результате дискредитированы само понятие реформы и тех ценностей, на которых ее пытались основывать» [1. С. 90].

В.А. Ачкасов предложил использовать эпитет «имитационная» для характеристики российской модернизации. При всей жесткости термина следует согласиться с тем, что социум до конца не поддерживал политические и экономические реформы, не был полностью в них вовлечен в качестве активного субъекта. Реформы проводились «сверху» при игнорировании чаяний и настроений основной части населения и при отсутствии опоры на экспертную оценку готовности общества к навязываемым изменениям в обычном укладе экономической, социальной и политической жизни.

Таким образом, в результате модернизаций традиционное общество в России все же разрушается, однако у граждан нет уверенности в том, что транслируемые политической элитой нормы и ценности действительно являются соответствующими их запросам к будущему и их представлением об общественном благе. Политические

институты в России существуют, вместе с тем, осуществляемая в государстве и государством власть не столько институционализирована, сколько персонализирована. Российская политическая система почти отождествляется с политическими лидерами, поэтому «складывающаяся в России институциональная система не гарантирует создание стабильно действующих демократических политических институтов, так как без массовой поддержки они не только не демократичны, но и не жизнеспособны» [1. С. 104].

На определенный период времени (конец 90-х – начало 2000 гг.) государство ограничило свое вмешательство в экономику, социальную сферу и частную жизнь граждан, вместе с тем, не произошло и ожидаемого роста конвенциональной гражданской активности населения. Склонность людей к патерналистской выжидательной пассивности, усталость от реформ и их отрицательных последствий, отсутствие закреплённой мотивации к социальной и экономической инициативе привели к тому, что граждане не проявили готовности переложить на свои плечи более или менее значительную часть забот по обустройству российского общества и разделить с государством ответственность за содержание, тактику и последствия третьего этапа модернизации. В результате граждане продолжают обвинять государство и органы власти в том, что их жизненный уровень в 2000 гг. не достиг обещанных в 90-е гг. стандартов. Вместе с тем аргументация аналитиков, состоящая в том, что «экономическая и политическая активность людей оказалась недостаточной для приведения российской жизни в соответствие с европейскими стандартами», остается не услышанной.

В начале 2000 гг. экономическая ситуация в стране стала более благоприятной для продолжения экономических и политических реформ: политические кризисы (например, контртеррористическая операция в Чечне) не вызывали социальной стагнации, поскольку происходили на фоне устойчивого экономического роста и показателей уровня жизни, которые растут

менее устойчиво, но все же поступательно. Вместе с тем отсутствие на уровне государства и гражданского общества понимания, осознания и концептуального плана дальнейшего продолжения реформ препятствует дальнейшему продвижению вперед по пути демократического транзита. На наш взгляд, информатизация взаимоотношений государства, граждан и бизнеса, построение электронного правительства с целью установления электронной демократии может и должно рассматриваться и государством в лице как идеологов реформ, так и тех управленческих структур, которые ответственны за тактику их осуществления, и самими гражданами в контексте необходимости продолжения демократического реформирования общества и политической модернизации.

Вместе с тем для этого необходима не только политическая воля государства в лице его лидеров, но и глубинные изменения в сознании самого российского общества. Другими словами, на наш взгляд, успешность реализации концепции электронного правительства в России напрямую зависит от того, сможет ли российское общество и государство разомкнуть следующий «порочный круг». С одной стороны, для построения электронной демократии государству необходим достаточный ресурс доверия гражданского общества и поддержка со стороны населения тем технологическим и организационным нововведениям, которые сопровождают реализацию программы. Для этого необходимы не только осуществление программы продвижения, рекламы, даже пропаганды электронного правительства, но и, что более важно и существенно, пробуждение конструктивной гражданской соактивности государственным начинаниям. А изменения на этом уровне национального сознания россиян пока не происходят. С другой стороны, само электронное правительство может и должно стать инструментом поиска такого консенсуса между гражданами и государством, который поможет сложить векторы активности граждан и государства для построения базиса открытого общества взаимного доверия.

Разрешение этого противоречия является основным императивом [словарь иностранных слов предлагает следующие значения термина «императив» (от лат. Imperatives — «повелительный»): 1) грамматическое повелительное наклонение глагола; 2) повеление, настоятельное требование, долженствование; 3) философский и категорический императив Канта — безусловное нравственное веление, якобы изначально присущее разуму, вечное и неизменное. (Краткий словарь иностранных слов. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1952. С. 144). Ядром семантики понятия «императив» является требование к кому-либо, чему-либо, обусловленное или безусловное] реализации концепции электронного правительства в России (императив — это явление, фактор, процесс, выступающий требованием безусловного и условного характера по отношению к деятельности субъектов реализации концепции электронного правительства). К числу иных — частных императивов построения открытого информационного общества, автор считает необходимым отнести следующие:

- формирование на уровне политической элиты и гражданского общества представления о стратегических целях и задачах средне- и долгосрочного политического и экономического развития общества;
- пересмотр на уровне политической элиты и гражданского общества ценностного отношения к социально-политическому реформированию и политической модернизации и демократизации;
- отказ политической элиты от военно-форсированной стратегии мобилизационной модернизации;
- установление обоюдодоприемлемого для населения и элиты равновесия между принципами гражданской инициативы и государственного этатизма как на уровне политики, так и на уровне экономики и управления;
- изменение интеллектуальных и мотивационных позиций политических и управленческих элит в направлении понимания политической необходимости по-

строения открытого общества и усиления институциональных, организационных и социокультурных основ демократии;

– пересмотр функциональных и содержательных основ функционирования политических институтов;

– пересмотр принципов и норм государственного управления.

Все эти обстоятельства, факторы и явления выступают гранями главного императива эффективности деятельности органов государственной власти и гражданского общества по созданию и внедрению концепции электронного правительства в России и постепенного перехода к цифровой демократии.

Список литературы

1. Баранов Н.А. Политические отношения и политический процесс в современной России. СПб.: Изд-во БГТУ. 2011. 394 с.
2. Быховский С. В. Страны Центральной и Восточной Европы в преддверии вступления в ЕС // Европейский союз на пороге XXI века / под ред. Ю.А. Борко и О.В. Буториной. М.: УРСС, 2011. 948 с.
3. Введение в право Европейского Союза. М.: Эксмо, 2015. 368 с.
4. Гавров С.Н. Модернизация во имя империи: Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М.: Едиториал УРСС, 2014. 352 с.
5. Европа. Вчера, сегодня, завтра. М.: Экономика, 2012. 822 с.
6. Ильин В.М. Новый миллениум для России: путь в будущее. М.: Изд-во МГУ, 2011. 224 с.
7. Лапкин В.В., Пантин В.И. Ритмы международного развития как фактор политической модернизации России // Полис. 2015. № 3. С. 58–62.
8. Матюхин А.В. Пути и теории политической модернизации в России: сравнительный анализ консервативных и анархистских подходов. М.: УРАО, 2015. 204 с.
9. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. 576 с.
10. Паршев А.П. Почему Россия не Америка? М.: Крымский мост-9Д: Форум, 2011. 410 с.
11. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2014. 480 с.
12. Энтин Л.М. Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека. М.: Норма, 2011. 960 с.
13. Яшкова Т.А. Воздействие глобальных трансформационных вызовов на процесс политической модернизации России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2011. 52 с.

List of literature

1. Baranov N.A. *Politicheskie otnosheniya i politicheskiy protsess v sovremennoy Rossii* [Political relations and political process in modern Russia]. St. Petersburg: Publishing House of the Belarusian State Technological University. 2011. 394 p.
2. Bykhovsky S.V. *Strany Tsentralnoy i Vostochnoy Evropy v preddverii vstupleniya v ES* [Countries of Central and Eastern Europe on the eve of joining the EU]: European Union is on the threshold of XXI century. Moscow: URSS, 2011. 948 p.
3. *Vvedenie v pravo Evropeyskogo Soyuz*a [Introduction to the law of the European Union]. Moscow: Publishing house Eksmo, 2015. 368 p.
4. Gavrov S.N. *Modernizatsiya vo imya imperii: Sotsiokulturnye aspekty modernizatsionnykh protsessov v Rossii* [Modernization in the name of Empire: Social and cultural aspects of modernization processes in Russia]. Moscow: Editorial URSS, 2014. 352 p.
5. *Evropa. Vchera, segodnya, zavtra* [Europe. Yesterday. Today. Tomorrow]. Moscow: Economics, 2012. 822 p.
6. Ilyin V.M. *Novy millenium dlya Rossii: put v budushee* [The new millennium to Russia: a path to the future]. Moscow: MGU, 2011. 224 p.
7. Lapkin V.V., Pantin V.I. *Polis* (Polis), 2015, no. 3, pp. 58–62.
8. Matyukhin A.V. *Puti i teorii politicheskoy modernizatsii v Rossii: sravnitelny analiz konservativnykh i anarhistikh podhodov* [Ways and theory of political modernization in Russia: Comparative analysis of conservative and anarchist approaches]. Moscow: URAO, 2015. 204 p.

9. Milov L.V. *Velikorusskiy pahar i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa* [The Great plowman and peculiarities of the Russian historical process]. Moscow: Publishing House «Russian Political Encyclopedia», 2011. 576 p.

10. Parshev A.P. *Pochemu Rossiya ne Amerika?* [Why Russia is not America?] Moscow: Crimean bridge-9D: Forum, 2011. 410 p.

11. Huntington S. *Politicheskiy porjadok v menyayushhihsya obshhestvah* [Political order in changing societies]. Moscow: Progress-Tradition, 2014. 480 p.

12. Entin L.M. *Evropeyskoe pravo. Pravo Evropeyskogo Soyuzha i pravovoe obespechenie zashhity prav cheloveka* [European Law. European Union law and the legal protection of human rights]. Moscow: Norma, 2011. 960 p.

13. Yashkova T.A. *The impact of global transformation calls to the process of Russia's political modernization* [Vozdeystvie globalnykh transformacionnykh vyzovov na protsess politicheskoy modernizatsii Rossii]: Abstract. diss. ... dr. polit. sciences. Moscow, 2011. 52 p.

Коротко об авторе _____ **Briefly about the author**

Ефимов Андрей Александрович, аспирант, директор по распространению, издательский дом «Логос» (ООО «ИДЛ»), Москва, Россия. Область научных интересов: политико-территориальная организация общества, геополитика, национальные интересы, государственная политика и управление
efimov.andrey.al@gmail.com

Andrey Efimov, postgraduate, sales director, publisher «Logos», Moscow, Russia. Sphere of scientific interests: political and territorial organization of the society, geopolitics, national interests, government policy and administration

Образец цитирования _____

Ефимов А.А. Перспективы совершенствования системы электронного правительства как элемента открытой демократии в России // *Вестн. Заб. гос. ун-та*. 2016. Т. 22. № 3. С. 60–67.

УДК 327

«КАВКАЗСКАЯ» ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ ГРУЗИЯ

«CAUCASIAN» POLICY OF THE REPUBLIC OF GEORGIA

*В.И. Мгалоблишвили, Пятигорский государственный лингвистический университет, г. Пятигорск, Россия
vita-888@mail.ru*

V. Mgaloblishvili, Pyatigorsk State Linguistic University, Pyatigorsk, Russia

Рассматривается внешняя политика Республики Грузия в регионе «Большого Кавказа», который традиционно являлся узловым пунктом пересечения интересов и противоречий различных сил, военно-политических силовых центров и сверхдержав. В сложившихся в мире к началу XXI в. условиях глобализации, нарастающего геополитического противоборства за передел сфер влияния, за контроль над мировыми ресурсами, стратегически важными территориями, а также усиливающейся турбулентности на Ближнем Востоке – значимость Южного Кавказа вновь возрастает. Центральным звеном геополитической, энергетической и транспортно-логистической цепи в регионе Южного Кавказа выступает Республика Грузия.

Дан анализ существующих моделей развития региональной интеграции на Кавказе, а также приведена своя субглобальная модель «6+3+2», которая, по мнению автора, должна стать основой для взаимодействия по формированию механизмов межгосударственного сотрудничества в регионе при участии 11 государств. Кроме того, отдельно рассмотрены отношения Грузии с тремя ключевыми государствами Южного Кавказа (Азербайджаном, Арменией и Турцией) в сфере транспортировки нефти, военно-политических и торгово-экономических отношений. Дан прогноз развития ситуации в зоне «Большого Кавказа» в целом. Особое внимание автор уделяет вопросу внешней политики Грузии в отношении российского «Северного Кавказа». Отмечено, что эта политика носит крайне деструктивный характер и реализуется с подачи Запада, что, безусловно, усложняет процесс нормализации отношений Грузии и России и дестабилизирует ситуацию на субрегиональном и региональном уровнях

Ключевые слова: внешняя политика, международные отношения, «Большой Кавказ», Северный Кавказ, региональная интеграция, субглобальная модель

The article deals with the foreign policy of the Republic of Georgia in the region of «Big Caucasus». «Big Caucasus» has traditionally been the main point of intersection of interests and conflicts of various forces, military and political power centers and superpowers. In the current world the beginning of the XXI century under the conditions of globalization, the growing geopolitical confrontation for the redistribution of spheres of influence, for control of the world's resources, strategically important territories, as well as increasing turbulence in the Middle East – the importance of the South Caucasus is again steadily increasing. Central element of geopolitical, energy and transport and logistics chain in the South Caucasus is the Republic of Georgia. The author analyzes the existing models of regional integration in the Caucasus, and gives her own sub-global model of the «6 + 3 + 2», which, according to the author, should be the basis for cooperation in the formation of mechanisms of international cooperation in the region with the participation of 11 countries. The article also concerns Georgia's relations with the three key states of the South Caucasus (Azerbaijan, Armenia and Turkey) in the field of oil transportation, military, political and economic and trade relations, and also the author gives the forecast about future development of the situation in the region of «Big Caucasus». The author of the article has paid special attention to the issue of Georgia's foreign policy concerning Russia's «Northern Caucasus». According to the author, this policy is very destructive and is implemented with the supply of the West, which certainly complicates the process of normalization of relations between Georgia and Russia and destabilizes the situation in the sub-regional and regional levels

Key words: foreign policy, international relations, «Big Caucasus», North Caucasus, regional integration, subglobal model

В настоящее время практически ни одно государство в мире не может позволить себе проведение однонаправленного внешнеполитического курса. Сложившаяся система международных отношений характеризуется своим комплексным характером и появлением на политической карте мира новых центров принятия решений. Можно говорить о том, что доминирование США и, в целом, Запада на международной арене уже не является столь неоспоримым. Поэтому для всех государств, включая Грузию, необходимо быть более гибкими при осуществлении своей внешней политики.

Таким образом, несмотря на то, что западный вектор во внешней политике Грузии является приоритетным, очевидно, что для Грузии, являющейся государством Кавказа, необходимо проводить эффективный внешнеполитический курс в этом регионе [4. С. 336]. Исследуя кавказскую политику Грузии, необходимо рассматривать ее отношения непосредственно с сопредельными государствами Южного Кавказа (Армения, Азербайджан, Южная Осетия и Абхазия), Россией в контексте политики Грузии на Кавказе в целом, Турцией и Ираном, которые на протяжении долгого времени стремятся к усилению своих позиций в этом регионе [3. С. 253].

Вначале необходимо выявить императивы грузинской внешней политики на Кавказе, которые традиционно имеют как субъективные, так и объективные характеристики. Субъективный характер политики Грузии на Кавказе в значительной степени определяется влиянием на нее США. Субъективный характер такой политики не отвечает, на наш взгляд, национальным интересам Грузии в регионе. В этом контексте, например, следует упомянуть о знаковом для этой территории проекте «Большого Кавказа», суть которого заключается в полном вытеснении России с Кавказа, не только с Южного, но и с Северного. Очевидно, что американские идеологи проекта осознают невозможность его полной реализации, вместе с тем, будут продолжать продвигать его с помощью своих союзников в регионе (в первую очередь, Грузии) для поддержа-

ния необходимого уровня нестабильности на южном направлении стратегических интересов России.

Возвращаясь непосредственно к проекту «Большого Кавказа», подчеркнем, что задача по вытеснению России из этого региона объясняется стремлением создать территориальное федеративное образование, подконтрольное Вашингтону, в состав которого должны войти Азербайджан, Грузия, Армения и российские республики Северного Кавказа. Предполагалось, что у проекта появится внутрорегиональный управляющий. В качестве такового изначально планировалась Турция, однако из-за некоторых разногласий с США, в частности относительно курдской проблемы в Ираке, Вашингтон переориентировался на Грузию, которая должна стать ключевым элементом на пути создания основ для размещения военного контингента США (НАТО) в зоне «Большого Кавказа» и строительства соответствующей инфраструктуры. Таким образом, Вашингтон пытается инициировать интеграционные процессы в Кавказском регионе, отвечающие их стратегическим интересам.

По нашему мнению, проект «Большого Кавказа» изначально являлся несостоятельным в силу своей отдаленности от политических, культурных, этноконфессиональных и прочих реалий региона. Все более очевидным становятся преимущества региональной интеграции, которая позволяет создать соответствующие условия для экономического и политического развития, а также способствовать укреплению собственной безопасности.

Следует отметить, что существует множество мнений и подходов к вопросу развития интеграционных процессов на Кавказе. Так, многими экспертами предлагаются следующие варианты будущего Кавказа:

– модель «Кавказского Общего Дома» («КОД»), согласно которой предполагается объединение независимых государств Южного Кавказа и российских республик Северного Кавказа, которые также должны в перспективе выступать как независимые государства. Данная модель имеет как сто-

ронников, так и противников, но, очевидно, что она несостоятельна, как и проект «Большого Кавказа», поскольку не соответствует интересам России, которая ни при каких условиях не пойдет на отделение входящих в ее состав субъектов [12];

– модель, объединяющая три независимых государства Южного Кавказа (Азербайджан, Армению и Грузию) [13. С. 331];

– модель «3+1», объединяющая независимые республики Кавказа и Россию [7. С. 7–26];

– субглобальная модель «3+3+2», которая подразумевает участие в интеграции трех независимых государств Южного Кавказа, три сопредельных государства (Россию, Турцию и Иран), а также привлечение к этим процессам других мировых держав или объединений (например, США и ЕС) [6].

Предложенные модели предлагаются без учета региональных реалий и поэтому являются устаревшими: они не учитывают территориально-политические изменения в регионе, а именно: признание Россией независимости Южной Осетии и Абхазии, а также существование фактически независимого от Азербайджана Нагорного Карабаха. Следовательно, в контексте современной динамики геополитических процессов на Южном Кавказе следует говорить не о трех независимых государствах, а о шести, что является данностью. Также невозможно возвращение ряда этих территорий в состав Грузии, которая, в свою очередь, по этой причине не будет кооперировать с Южной Осетией и Абхазией. Реальная же региональная интеграция без привлечения всех стран Южного Кавказа невозможна.

Если говорить о модели, которая является наиболее дееспособной и отвечающей реальным национальным интересам Грузии, с учетом сложившейся политической ситуации, то, на наш взгляд, она должна иметь следующий вид – «6+3+2». Эта субглобальная модель должна стать основой для взаимодействия по формированию механизмов межгосударственного сотрудничества в регионе при участии шести признанных (Азербайджан, Армения, Грузия), полупризнанных (Южная Осетия и Абхазия) и непризнанных (Нагорный Карабах) государств Южного Кавказа, трех сопредельных государств (Россия, Турция и Иран) и других мировых держав или объединений (США и ЕС). Именно эта модель представляет собой определенный компромисс и баланс для внешнеполитических устремлений Грузии, поскольку комбинирует прозападный настрой грузинского руководства, объективную вовлеченность в региональные процессы на Южном Кавказе трех сопредельных государств, а также появление ряда новых независимых де-факто государств на политической карте этой территории.

Безусловно, вопрос формирования модели межгосударственного взаимодействия на Южном Кавказе и формирования полноценных наднациональных структур с учетом существующих проблем остается в проектной плоскости. Тем не менее, контуры возможного механизма сотрудничества четко обозначают основные приоритеты внешней политики Грузии в этом регионе.

Поэтому, рассматривая современную кавказскую политику Грузии, на наш взгляд, необходимо подвергнуть анализу ее взаимодействие с Арменией и Азербайджаном в рамках непосредственно Южного Кавказа, а также Турцией и Ираном как двумя государствами, претендующими на повышение своей роли в этом регионе. Особого внимания с практической и научной точки зрения заслуживает внешняя политика Грузии относительно России.

Анализируя отношения с Арменией, отметим, что после распада СССР бывшие советские республики начали активную межгосударственную деятельность, в том числе между собой. Так, уже в 1993 г. между Грузией и Арменией подписан пакет из 20 документов по взаимодействию в различных сферах [21]. Базовым соглашением между двумя странами стал «Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности между Арменией и Грузией», который подразумевал взаимное уважение государственного суверенитета и заложил основные принципы двустороннего сотруд-

ничества [10]. Большое значение Грузии для Армении также объясняется экономическими и транспортными факторами. Через территорию грузинского государства проходят транспортные и энергетические коридоры в Армению из России. Помимо этого, практически 80 % товаров, импортируемых в Армению, перевозятся через территорию Грузии. По данным Грузинского статистического агентства (Грузстат), Армения занимает шестое место по товарообороту, который составляет порядка 300 млн долл. [20].

Вместе с тем, главное значение для сдержанной динамики грузино-армянских отношений представляют тесные связи Тбилиси с Азербайджаном и Турцией, проводящих экономическую блокаду Армении, в обход которой строятся крупные проекты по транспортировке энергоресурсов (нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан, газопровод Баку-Тбилиси-Эрзерум и т.д.) [15. С. 481]. Подобная ситуация крайне беспокоит официальный Ереван и не способствует активному развитию отношений между двумя государствами.

Помимо этого, грузино-армянские отношения достаточно активно развиваются в сфере энергетики. Обусловлено это тем, что Грузия стремится к снижению своей энергетической зависимости от Азербайджана с помощью Армении, которая единственная из всех стран Южного Кавказа обладает излишками электроэнергии [2].

Так, в отличие от Армении, отношения с Азербайджаном, согласно принятой в 2011 г. Концепции национальной безопасности Грузии, характеризуются как «стратегическое партнерство», которое сохраняется и развивается, несмотря на разнонаправленность политических систем и внешнеполитических приоритетов. На наш взгляд, эти отношения носят прагматичный характер и строятся на реальной взаимовыгодной основе. Так, согласно данным Грузстата, Азербайджан занимает второе место по товарообороту среди всех государств и достигает примерно 1 млрд долл. [20]. Кроме того, Азербайджан является самым крупным экспортным рынком для Грузии

и занимает 20,5 % всего экспорта Грузии [11]. Среди других важных экономических показателей выделим прямые инвестиции в грузинскую экономику со стороны Азербайджана. На 2014 г. эти инвестиции составили около 300 млн долл. Это примерно 25 % от общего объема иностранных инвестиций в Грузию [19].

Таким образом, можно утверждать, что взаимодействие двух стран осуществляется в основном в экономической сфере. При этом главное сотрудничество касается энергетики. Грузинская сторона пытается с максимальной эффективностью использовать свой транзитный потенциал для продвижения различных транспортных и инфраструктурных объектов.

Следующим государством, с которым официальный Тбилиси последовательно выстраивает свои отношения в контексте своей кавказской политики, является Турция, с момента распада СССР выступающая за повышение своей вовлеченности в различные процессы на Южном Кавказе. Тбилиси в своих отношениях с Анкарой руководствуется в первую очередь прагматичными соображениями. Отметим, что они находятся на стабильно высоком уровне и имеют значительный потенциал для расширения. Главными приоритетами для сторон является сотрудничество в энергетике, кооперации в сферах безопасности и образования. Также между Грузией и Турцией действует ряд соглашений в сфере бизнеса, основным из которых является договор о зоне свободной торговли. В связи с этим, Турция занимает первое место по товарообороту, который превысил отметку в миллиард долларов [20].

Наибольшая активность в грузино-турецких отношениях проявляется в проектах по транспортировке нефти и газа через территорию Грузии в Турцию. Значительный потенциал для развития диалога между государствами также представляет строительство железной дороги по маршруту Баку-Тбилиси-Карс, которая должна связать две южнокавказские республики и Турцию, что позволит перевозить товары в Европу и Азию в обход России и Армении [14. С. 348].

Мы полагаем, что данная транспортная артерия будет иметь большое значение с военно-политической точки зрения, поскольку увеличит возможности НАТО по транспортировке воинских контингентов и усилению своего присутствия в регионе [1]. Следует отметить, что отношения Грузии и Турции находятся на высоком уровне и в военной сфере. Анкара наряду с США обучает грузинских военных и участвует в учениях на территории этого кавказского государства [18. С. 198].

Таким образом, современный этап развития грузино-турецких отношений находится на стабильно высоком уровне, что объясняется стремлением Тбилиси к максимально эффективной реализации своего транзитного потенциала и укреплению позиций как возможного члена Североатлантического альянса.

Важным вектором кавказской политики Грузии является иранское направление. Товарооборот между двумя государствами составляет чуть более 100 млн долл. [5]. При этом, существует основа для увеличения этого показателя. Так, весной 2013 г. Иран и Грузия подписали соглашение о двустороннем сотрудничестве в сфере свободных экономических зон [17]. Помимо этого, в декабре 2013 г. объявлено о планах создания грузино-иранской торгово-промышленной палаты, официально открывшейся в январе 2014 г. [16]. Все это свидетельствует о значительном потенциале для развития сотрудничества двух государств.

Таким образом, Грузию и Иран можно отнести к естественным экономическим партнёрам, которые располагают необходимыми возможностями установить равный политический диалог. Это способствовало бы укреплению взаимодействия двух государств в различных сферах и областях, в первую очередь, в торгово-экономической.

Наконец, особого внимания заслуживает внешняя политика Грузии в отношении российского Северного Кавказа, поскольку после распада СССР Тбилиси последовательно оказывал воздействие на различные процессы в этом регионе.

После смены власти в Грузии и ухода М. Саакашвили риторика нового грузинского руководства в отношении Северного Кавказа несколько смягчилась. Тем не менее, деструктивная деятельность Тбилиси в этом субрегионе продолжается до сих пор с некоторым смещением акцентов. Так, например, работа некогда главного проводника интересов Грузии на этом направлении «Фонда Кавказа» свернута, а новые программы до сих пор не начали работать.

По мнению члена грузинской НПО «Свободный Кавказ» С. Лебанидзе, Грузия «сможет сыграть роль трибуны, озвучивая существующие проблемы народов Северного Кавказа» [8]. Более того, С. Лебанидзе четко определил пять направлений, которые будут ведущими во внешней политике Грузии в этом регионе. Среди них он выделил «ингушко-осетинский конфликт; чечено-ингушские приграничные противоречия; проблемы с исламским вооруженным подпольем; коррупцию во всех органах власти северокавказских республик и непопулярность властей и государственных институтов на Северном Кавказе» [9]. Подобные действия Тбилиси не способствуют укреплению мира и безопасности на Кавказе, а также усугубляют разрыв с Россией, что идет в разрез с грузинскими национальными интересами. Поэтому руководству Грузии необходимо пересмотреть свои приоритеты на этом направлении.

Подводя итог, следует отметить, что императивы грузинской внешней политики на Кавказе традиционно имеют как субъективные, так и объективные характеристики. Субъективные факторы кавказской политики Грузии обусловлены, главным образом, влиянием на них США, которые на протяжении долгого времени, с момента распада СССР, предпринимали попытки по реформатированию геополитической карты региона. Данные устремления нашли выражение в попытках реализации политико-географического проекта «Большого Кавказа», суть которого заключается в полном вытеснении России с Кавказа, при этом не только с Южного, но и с Северного. В контексте этого плана одна из клю-

чевых ролей должна отводиться Грузии, власти которой имеют ярко выраженную прозападную направленность. Однако изначальная несостоятельность этого проекта в силу просчета современной региональной специфики создает условия для следования объективным императивам реализации внешней политики в регионе.

Для обеспечения безопасности и поступательного развития Грузия должна определиться с той моделью регионального развития, которая будет максимально отвечать ее национальным интересам. В качестве таковой нами предложена субглобальная модель интеграции «3+3+2», подразумевающая участие в интеграции трех независимых государств Южного Кавказа, трех сопредельных государств (Россия, Турция и Иран), а также привлечение к этим процессам других мировых держав или объединений (США и ЕС). Данная модель видится наиболее перспективной с точки зрения ее реализации. Из этой модели выпадают Нагорный Карабах, Южная Осетия и Абхазия, поскольку объективно признание их независимости со стороны Грузии пока невозможно. При этом, вопрос создания интеграционного объединения на Южном Кавказе и формирования полноценных наднациональных структур с учетом существующих проблем остается в проектной плоскости. Тем не менее, контуры возможной интеграции четко обозначили основные

приоритеты внешней политики Грузии в этом регионе.

Рассматривая современную кавказскую политику Грузии, акцент сделан на анализе ее взаимодействия с Арменией и Азербайджаном в рамках непосредственно Южного Кавказа, а также Турцией и Ираном как двумя государствами, претендующими на повышение своей роли в этом регионе. Особого внимания с практической и научной точки зрения заслуживает внешняя политика Грузии относительно российского Северного Кавказа. В результате анализа установлено, что в целом кавказская политика Грузии является прагматичной и направленной на развитие торгово-экономических связей со всеми странами региона. При этом главным преимуществом, которым пользуется Грузия, является ее выгодное географическое положение, что способствует привлечению капитала региональных государств, заинтересованных в использовании транзитного потенциала этой территории.

Исключением из общего прагматичного контекста внешней политики Грузии в регионе Кавказа являются действия Тбилиси на российском Северном Кавказе. Они носят крайне деструктивный характер и реализуются с подачи Запада, что усложняет процесс нормализации отношений Грузии и России и дестабилизирует ситуацию на субрегиональном и региональном уровнях.

Список литературы

1. Аватков В.А. Турция — новый покровитель Грузии? Режим доступа: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document241733.shtml> (дата обращения 03.02.2016).
2. Армен Мовсисян: Энергосистема Армении самая состоявшаяся среди стран СНГ. Режим доступа: <http://www.raparmenian.net/rus/news/47488/> (дата обращения 03.02.2016)
3. Багиров Э.М. Приоритеты внешней политики Ирана и проблемы региональной безопасности на Южном Кавказе на рубеже XX—XXI вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.
4. Гусейнов Г.Ч. Большой Кавказ двадцать лет спустя: ресурсы и стратегии политики и идентичности: сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 336 с.
5. Иран расширяет сотрудничество с государствами Кавказа и Центральной Азии. Режим доступа: <http://www.raparmenian.net/m/rus/details/176447> (дата обращения 03.02.2016).
6. Исмаилов Э.Б. Кавказ в глобализирующемся мире: новая модель интеграции. Режим доступа: <http://viperson.ru/articles/klyuchevye-ponyatiya-dlya-yuzhnogo-kavkaza> (дата обращения 03.02.2016).
7. Исмаилов Э.Б. Новый регионализм на Кавказе: концептуальный подход // Кавказ и глобализация. 2006. № 1. С. 7—26.
8. Лебанидзе С. Контурсы северокавказской политики. Режим доступа: <http://www.apsny.ge/articles/1352589077.php> (дата обращения 03.02.2016).

9. Политика Грузии на Кавказе на примере Ингушетии. Режим доступа: <http://voprosik.net/politika-gruzii-na-kavkaze-na-primere-ingushetii/> (дата обращения 03.02.2016).
10. Соглашения между правительствами государств – участников СНГ. Режим доступа: <http://www.e-cis.info/page.php?id=22672> (дата обращения 03.02.2016).
11. Товарооборот Грузии с Азербайджаном. Режим доступа: <http://nregion.com/news.php?i=50563#.VUt0xo7tlBc> (дата обращения 03.02.2016).
12. Цыганок А.Д. Закавказье в международных отношениях: исторический аспект. Режим доступа: <http://viperson.ru/articles/klyuchevye-ponyatiya-dlya-yuzhnogo-kavkaza> (дата обращения 03.02.2016).
13. Чернявский С.И. Формирование внешнеполитической стратегии Азербайджана: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004.
14. Ваку-Tbilisi-Kars Railway. Режим доступа: http://www.railway.ge/?web=0&action=page&p_id=289&lang=geo (дата обращения 03.02.2016).
15. Savendish M. World and Its Peoples. Marshall Cavendish, 2006, p. 768.
16. Georgian-Iran Common Chamber of Commerce and Industry. Режим доступа: <http://gicci.org/ka/> (дата обращения 03.02.2016).
17. Iran and Georgia have signed a bilateral cooperation agreement. Режим доступа: <http://www.georgiatimes.info/en/news/89593.html> (дата обращения 03.02.2016).
18. Jafarova E. Conflict Resolution in South Caucasus: Challenges to International Efforts. Lanham: Lexington Books, 2014. 198 p.
19. National Statistics Office of Georgia – Foreign Direct Investments. Режим доступа: http://www.geostat.ge/index.php?action=page&p_id=139&lang=geo (дата обращения 03.02.2016).
20. National Statistics Office of Georgia – Key Indicators. Режим доступа: http://www.geostat.ge/index.php?action=page&p_id=137&lang=eng# (дата обращения 03.02.2016).
21. The Treaty of Friendship between the Armenian SSR, Azerbaijan SSR and the Ukrainian SSR, on the one hand, and Turkey – on another hand, with the participation of the RSFSR in Kars. Режим доступа: <http://www.amsi.ge/istoria/sab/yarsi.html> (дата обращения 03.02.2016).

List of literature

1. Avatkov V.A. *Turtsiya – novy pokrovitel Gruzii?* (Turkey – a new patron of Georgia?) Available at: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document241733.phtml> (accessed 03.02.2016).
2. *Armen Movsisyan: Energosistema Armenii samaya sostoyavshayasya sredi stran SNG* (Armen Movsisyan: Armenian energy system is the most established among the CIS countries) Available at: <http://www.panarmenian.net/rus/news/47488/> (accessed 03.02.2016).
3. Bagirov E.M. *The priorities of Iran's foreign policy and regional security in the South Caucasus at the turn of XX–XXI centuries* [Prioritety vneshney politiki Irana i problemy regionalnoy bezopasnosti na Yuzhnom Kavkaze na rubezhe XX–XXI vv.]: Abstract diss. ... cand. historical sciences. Moscow, 2006.
4. Khuseynov G.Ch. *Bolshoy Kavkaz dvadtsat let spustya: resursy i strategii politiki i identichnosti* (Great Caucasus twenty years later: resources and strategies for policy and identity): Sat. Art. Moscow: New Literary Review, 2014. 336 p.
5. *Iran rasshiryaet sotrudnichestvo s gosudarstvami Kavkaza i Tsentralnoy Azii* (Iran is expanding its cooperation with the countries of the Caucasus and Central Asia) Available at: <http://www.panarmenian.net/m/rus/details/176447> (accessed 03.02.2016).
6. Ismailov E.B. *Kavkaz v globaliziruyushhemsya mire: novaya model integratsii* (Caucasus in the globalized world: a new model of integration) Available at: <http://viperson.ru/articles/klyuchevye-ponyatiya-dlya-yuzhnogo-kavkaza> (accessed 03.02.2016).
7. Ismailov E.B. *Kavkaz i globalizatsiya* (The Caucasus and globalization), 2006, no. 1, pp. 7–26.
8. Lebanidze S. *Kontury severokavkazskoy politiki* (The contours of the North Caucasian policy) Available at: <http://www.apsny.ge/articles/1352589077.php> (accessed 03.02.2016).
9. *Politika Gruzii na Kavkaze na primere Ingushetii* (Policy of Georgia in the Caucasus, on the example of Ingushetia) Available at: <http://voprosik.net/politika-gruzii-na-kavkaze-na-primere-ingushetii/> (accessed 03.02.2016).
10. *Soglasheniya mezhdru pravitelstvami gosudarstv – uchastnikov SNG* (Agreement between the Governments of the States – participants of the CIS) Available at: <http://www.e-cis.info/page.php?id=22672> (accessed 03.02.2016).
11. *Tovarooborot Gruzii s Azerbaydzhanom* (The trade turnover of Georgia with Azerbaijan) Available at: <http://nregion.com/news.php?i=50563#.VUt0xo7tlBc> (accessed 03.02.2016).
12. Tsyganok A.D. *Zakavkazie v mezhdunarodnyh otnosheniyah: istoricheskiy aspekt* (South Caucasus in international relations: historical aspects) Available at: <http://viperson.ru/articles/klyuchevye-ponyatiya-dlya-yuzhnogo-kavkaza> (accessed 03.02.2016).

13. Cherniavsky S.I. *Formation of the foreign policy strategy of Azerbaijan* [Formirovanie vneshnepoliticheskoy strategii Azerbajdzhana]: Abstract diss. ... dr. historical sciences. Moscow, 2004.
14. *Baku-Tbilisi-Kars Railway* (Baku-Tbilisi-Kars Railway) Available at: http://www.railway.ge/?web=0&action=page&p_id=289&lang=geo (accessed 03.02.2016).
15. Cavendish M. *World and Its Peoples* [World and Its Peoples]. Marshall Cavendish, 2006, p. 768.
16. *Georgian-Iran Common Chamber of Commerce and Industry* (Georgian-Iran Common Chamber of Commerce and Industry) Available at: <http://gicci.org/ka/> (accessed 03.02.2016).
17. *Iran and Georgia have signed a bilateral cooperation agreement* (Iran and Georgia have signed a bilateral cooperation agreement) Available at: <http://www.georgiatimes.info/en/news/89593.html> (accessed 03.02.2016).
18. Jafarova E. *Conflict Resolution in South Caucasus: Challenges to International Efforts* [Conflict Resolution in South Caucasus: Challenges to International Efforts]. Lanham: Lexington Books, 2014. 198 p.
19. *National Statistics Office of Georgia – Foreign Direct Investments* (National Statistics Office of Georgia – Foreign Direct Investments) Available at: http://www.geostat.ge/index.php?action=page&p_id=139&lang=geo (accessed 03.02.2016).
20. *National Statistics Office of Georgia – Key Indicators* (National Statistics Office of Georgia – Key Indicators) Available at: http://www.geostat.ge/index.php?action=page&p_id=137&lang=eng# (accessed 03.02.2016).
21. *The Treaty of Friendship between the Armenian SSR, Azerbaijan SSR and the Ukrainian SSR, on the one hand, and Turkey – on another hand, with the participation of the RSFSR in Kars* (The Treaty of Friendship between the Armenian SSR, Azerbaijan SSR and the Ukrainian SSR, on the one hand, and Turkey – on another hand, with the participation of the RSFSR in Kars) Available at: <http://www.amsi.ge/istoria/sab/yarsi.html> (accessed 03.02.2016).

Коротко об авторе**Briefly about the author**

Мгалоблишвили Виолетта Ивановна, аспирант, Пятигорский государственный лингвистический университет, г. Пятигорск, Россия. Область научных интересов: международные отношения, внешняя политика Республики Грузия vita-888@mail.ru

Violetta Mgaloblishvili, postgraduate, Pyatigorsk State Linguistic University, Pyatigorsk, Russia. Sphere of scientific interests: international relations, foreign policy of the Republic of Georgia

Образец цитирования

Мгалоблишвили В.И. «Кавказская» политика Республики Грузия // Вестн. Заб. гос. ун-та. 2016. Т. 22. № 3. С. 68–75.

УДК 316.4

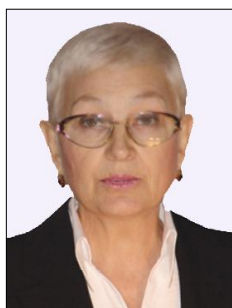
КАТЕГОРИЯ «ОБРАЗ ЖИЗНИ»: ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА

CATEGORY «LIFESTYLE»: CONCEPT, CONTENT AND STRUCTURE

И.В. Романова,
*Забайкальский
государственный
университет, г. Чита
il.romanova2010@yandex.ru*

I. Romanova,
*Transbaikal State University,
Chita*

Н.П. Романова,
*Забайкальский
государственный
университет, г. Чита
rik-romanova-chita@mail.ru*

N. Romanova,
*Transbaikal State University,
Chita*

И.Р. Казарян,
*Забайкальский
государственный
университет, г. Чита,
ikazaryan@yandex.ru*

I. Kazaryan,
*Transbaikal State University,
Chita*

Раскрыто понятие «образ жизни», отражающее повседневную жизнь людей и служащее для выявления соотношения установившихся, типичных и изменчивых, индивидуальных характеристик жизнедеятельности различных людей в определенных областях культуры. Рассмотрены объективные (естественные, социальные, культурные) и субъективные (восприятие и оценка представителями различных социальных групп условий своего существования, потребности, запросы, побуждения, мотивы, интересы, ценностные ориентации, цели и т.п.) факторы, влияющие на образ жизни. Акцентировано внимание на структурно-объединяющем характере категории «образ жизни» по отношению к таким понятиям, как «качество жизни», выполняющее посредством различных показателей социально-оценочную функцию по отношению к категории «образ жизни»; «уровень жизни», определяемый, с одной стороны, степенью развития самих потребностей людей, а с другой – количеством и качеством жизненных благ и услуг, используемых для их удовлетворения; «стиль жизни», понимаемый как определенный тип, стандарт, характерную манеру поведения людей; «уклад жизни», характеризующий конкретные исторические социально-экономические и политические аспекты культуры, в рамках которой разворачивается образ жизни ее носителей; «стандарт жизни», представляющее собой теоретическое понятие, образованное, чтобы обеспечить точку отсчета при сравнении уклада, уровня и качества жизни представителей различных социокультурных групп. Выделены различные подходы к анализу качества жизни: философский, экономический, медицинский, экологический, психологический

Ключевые слова: категория «образ жизни», социо-культурная группа, качество жизни, уровень жизни, стиль жизни, уклад жизни, стандарт жизни

The term «lifestyle» that reflects everyday life of people and serves to detect the ratio of steady, typical and changeable, individual characteristics of vital activity of different people in certain areas of culture is revealed. The objective (natural, social, cultural) and subjective (perception and evaluation by the representatives of different social groups of the conditions of their existence, needs, demands, incentives, motives, interests, values, goals, etc.) factors affecting the way of life are observed. The attention is focused on the structural and unifying character of the category «lifestyle» in relation to such concepts as «quality of life», performing a socio-evaluation function by means of different indicators in respect to the category «lifestyle»; «standard of living», defined on the one hand, by the degree of people's needs development, and on the other – by the quantity and quality of vital goods and services used to meet them; «lifestyle», is understood as a certain type, standard, characteristic manner of human

behavior; «way of life» that characterizes specific historical socio-economic and political aspects of culture in which the mode of life of its carriers is exposed; «standard of living», which is a theoretical concept, formed to provide a reference point when comparing the structure, level and quality of life of representatives of various socio-cultural groups. Different approaches to the analysis of quality of life: philosophical, economic, health, environmental, psychological are highlighted

Key words: category «lifestyle», socio-cultural group, quality of life, level of life, lifestyle, way of life, standard of living

В процессе существования каждого общества происходит становление, а затем и развитие специфичных для него форм экономической, политической, культурной жизни людей, что влечет за собой изменение условий жизнедеятельности членов общества, способов ее организации, т.е. тех факторов, которые применительно к членам общества описываются понятием «образ жизни».

Исследование образа жизни представителей различных социокультурных групп, их проблемных жизненных ситуаций позволяет перейти от анализа непосредственных действий людей, направленных на решение проблем, к обобщению способов их организации в рамках различных уровней и областей культуры, к выявлению социально типичных подходов к социально значимым проблемам.

Определение категории «образ жизни» подразумевает выявление личностной специфики жизненного пути людей в дифференцированной социокультурной реальности.

Категория «образ жизни» обозначает организованную совокупность процессов и явлений жизнедеятельности людей в обществе. Способы организации этих процессов и явлений определяются естественно-географическими, социальными и культурными условиями их реализации, с одной стороны, и личностными характеристиками представителей различных социокультурных групп – с другой. Понятие отражает повседневную жизнь людей и служит для выявления соотношения установившихся, типичных и изменчивых, индивидуальных характеристик жизнедеятельности различных людей в определенных областях культуры.

Содержание образа жизни определяется тем, как живут люди, чем заняты, какие

виды деятельности и взаимодействия друг с другом заполняют их жизнь. Форма образа жизни определяется способом организации людьми содержания своей жизнедеятельности, т.е. организации процессов деятельности, поведения, взаимодействия в различных сферах культуры. Следовательно, образ жизни – это динамический социокультурный «портрет» членов общества, представленный через процессы их жизнедеятельности в определенных условиях, целостность, обладающая культурным смыслом и обусловленная способностью человека к результативной активности.

Категория «образ жизни» подразумевает внимание не только к способам организации людьми своей повседневной жизни. Она связана также и с выявлением социокультурной значимости оценок представителями различных социокультурных групп своего собственного образа жизни, образа жизни других людей, а также текущего состояния общественной и культурной жизни вообще [1].

Образ жизни охватывает все существенные сферы жизнедеятельности людей: труд, формы его социальной организации, быт, формы использования людьми своего свободного времени, их участие в политической и общественной жизни, формы удовлетворения их материальных и духовных потребностей, вошедшие в повседневную практику нормы и правила поведения [2]. Поэтому на образе жизни сказываются не только экономические отношения, но и общественно-политический строй, культура и мировоззрение людей. В свою очередь образ жизни людей оказывает решающее влияние на их образ мыслей.

Образ жизни людей описывает структуру мышления и поведения, т.е. ценности, верования и правила поведения, формы

экономической деятельности, условия труда и быта, состояние религиозной и культурной жизни, образование, экологию и многое другое. Образ жизни — это общая формула каждодневного бытия личности, типичные, часто практикуемые нормы поведения людей, способ их деятельности в труде и быту, в производстве и потреблении как материальных, так и духовных ценностей.

Сопоставительный аспект категории «образ жизни» позволяет сравнивать различные способы организации людьми процессов своей жизнедеятельности в рамках не только одной и той же, но и различных культур. Сравнение уже идентифицированных по образу жизни носителей культуры может проводиться по ряду параметров. Во-первых, по параметру объективных социально-экономических и культурных условий, в которых реализуется образ жизни. Так, сравнивая современные городские и сельские условия, можно отметить, что первые обеспечивают для человека большее разнообразие возможностей выбора среди видов деятельности, форм взаимодействия и общения, стилей поведения, чем вторые. Во-вторых, по параметру структурных характеристик организации людьми процессов своей социокультурной жизнедеятельности. Например, можно сравнивать соотношение труда и досуга в образе жизни рабочего и учителя, место и формы освоения искусства в образе жизни школьника и студента и т.п. При изучении динамических аспектов культуры основой для сравнения могут стать такие параметры, как сложность и динамизм образа жизни представителей различных социальных групп.

С позиции оценочного аспекта понятие «образ жизни» можно использовать с целью социально значимой оценки членов общества. Оценке могут подвергаться изменения в образе жизни человека, происходящие во времени. В этом смысле следует понимать высказывания о том, что образ жизни определенного человека стал более организованным, более упорядоченным или же менее стандартным и т.п. Представители различных социальных групп (включая общество

в целом) могут оцениваться с точки зрения того, насколько в терминах оценивающего образ жизни одних «лучше», чем других. Как правило, в основе такого оценочного сопоставления лежат конкретно-исторические представления о месте и роли человека в окружающем его мире, о тенденциях развития общественной жизни, о добре и зле. В каждой культуре в системе идеологии существует набор более или менее выраженных нормативных представлений об образе жизни как «лучшем из возможных при данных условиях».

Интегративный (синтезирующий) аспект понятия «образ жизни» определяет это понятие как способ организации людьми своей жизнедеятельности. Оно интегрирует в единую теоретическую систему структурные, содержательные и динамические особенности этих процессов в пределах жизненного цикла индивида. Причем теоретическому синтезу подлежат виды индивидуальных деятельностей, взаимодействия, общения, поведения во всех тех сферах социокультурного бытия, в которых человек принимает участие в ходе своей жизни. Это позволяет дать целостную оценку специфичных или типичных черт повседневной жизни членов определенной социокультурной группы. Так, образ жизни различных социальных групп в обществе интегрирует следующие характеристики с точки зрения условий труда и быта — стандарт уровня жизни для каждой группы, с точки зрения структуры потребления товаров и услуг, а также освоенности культурного окружения — стандарт группового качества жизни. С точки зрения структуры и содержания образа жизни — типичные для группы виды деятельности, поведения и взаимодействия, типичные нормы и ценности, которыми члены группы руководствуются в этих процессах. С точки зрения оценки — соотнесение всех перечисленных параметров с существующими в обществе нормативными критериями.

«Образ жизни» — категория, наблюдаемая в проявляемых признаках. Обо всех составляющих образа жизни людей и о способе их организации можно судить,

наблюдая за процессами деятельности, поведения, взаимодействия, общения или за их результатами. Доступными наблюдению (прямому или косвенному) являются также компоненты объективных условий, определяющие содержание и форму образа жизни людей.

Как отмечалось, образ жизни людей определяется двумя существенными группами факторов и условий: объективными и субъективными. Объективные условия и факторы, дифференцирующие образ жизни людей в конкретный исторический период, характеризующийся определенными политическими и социально-экономическими условиями, подразделяются следующим образом:

- естественные: географические, климатические, экологические, биологические, демографические и т.п.;
- социальные: характер разделения труда и его условия, социальная структура и стратификация (расслоение) общества;
- культурные: объем культурной информации и ее распределение по областям и уровням культуры, структура действующих здесь социокультурных норм и ценностей – экономических, социально-политических, идеологических, познавательных, этических, эстетических и т.п.

Теоретическое пересечение этих групп условий и факторов, детерминирующих социокультурную жизнь людей, определяет конкретно-исторические сферы реализации их образа жизни в соответствии с фундаментальным разделением видов деятельности на специализированные (профессиональные) и неспециализированные (обыденные).

К субъективным факторам и условиям, влияющим на образ жизни людей, относятся, с одной стороны, восприятие и оценка представителями различных социальных групп объективных условий своего существования, а с другой – их потребности, запросы, побуждения, мотивы, интересы, ценностные ориентации, цели и т.п. Специфика взаимодействия субъективных и объективных факторов определяет различия в содержании, структуре и форме обра-

за жизни людей в одном и том же обществе. Поэтому важно более детально остановиться на рассмотрении факторов и механизмов, обуславливающих эту специфику.

При определении категории «образ жизни» важно подчеркнуть ее структурно-объединяющий характер по отношению к таким понятиям, как «качество жизни», «уровень жизни», «стиль жизни», «уклад жизни», «стандарт жизни». Они раскрывают и конкретизируют структуру категории «образ жизни» при различных уровнях анализа социокультурной динамики [3; 4].

Понятие «качество жизни» подразумевает степень удовлетворения потребностей и запросов более сложного характера, не поддающихся прямому количественному измерению, и выполняет социально-оценочную функцию по отношению к категории «образ жизни». К показателям качества жизни относятся характер и содержание труда и досуга, удовлетворенность ими, степень комфорта в труде и быту (включая качество жилых, производственных помещений и окружающей предметной среды); степень удовлетворенности личности знаниями, общественная активность и саморазвитие, степень реализации существующих в обществе моральных и нравственных ценностей.

Сюда же можно отнести также показатели средней продолжительности жизни, заболеваемости, естественного прироста населения, его демографической и социальной структуры [5].

Выделяют различные подходы к анализу качества жизни [6; 7]: философский, экономический, медицинский, экологический, психологический.

Качество жизни отражает определенность, целостность социальных отношений, человеческой деятельности и условий жизни.

Следует различать качество жизни общества и качество жизни отдельного человека. В первом случае это совокупность условий, предпосылок, созданных обществом для своего дальнейшего развития и обеспечивающих жизнедеятельность людей. К ним можно отнести исторические, геогра-

фические, экономические, социальные, демографические.

Качество жизни личности – отношение людей к этим условиям, использование их для удовлетворения своих потребностей. В данном аспекте качество жизни выступает как социальная реальность, существующая в конкретно-историческом времени в социальном пространстве. Отношение людей к экономическому, социально-политическому, экологическому уровням развития общества отражается в степени удовлетворенности (неудовлетворенности) их своей жизнью, т.е. качеством жизни.

Общество создает одинаковые для всех людей условия, использование которых зависит от самой личности, ее творческого потенциала, активности в улучшении своих условий жизни. Однако люди в силу как объективных, так и субъективных факторов по-разному используют эти возможности. К числу субъективных факторов можно отнести психологические качества личности, уровень образования, интеллектуальный уровень, здоровье и т.д. К объективным – уровень жизни, социальный статус, экологическую обстановку, социальное окружение и т.д.

Таким образом, качество жизни социального субъекта – это уровень реализации потребностей, степень комфортности природной и социальной среды.

Категория «уровень жизни населения» является одной из важнейших социально-экономических категорий и используется в научной литературе, в правовых и нормативно-хозяйственных документах. Уровень жизни определяется, с одной стороны, степенью развития самих потребностей людей, а с другой стороны, – количеством и качеством жизненных благ и услуг, используемых для их удовлетворения.

Уровень жизни прямо связан с воспроизводством главной производительной силы общества – рабочей силы трудящихся. Он отчетливо отражает социальные различия отдельных групп населения. При количественном определении жизненного уровня обычно используют совокупность абсолютных и относительных показателей, которые

характеризуют обеспеченность населения материальными и духовными благами и, соответственно, степень удовлетворения потребностей людей в этих благах.

В связи с многочисленностью личных потребностей уровень жизни не может быть выражен каким-то одним показателем. Для этого необходима система показателей, которая всесторонне отражала бы уровень жизни населения. Среди них выделяют:

- 1) реальные доходы на душу населения;
- 2) общий объем потребления материальных благ и услуг;
- 3) уровень потребления продовольственных и непродовольственных товаров;
- 4) обеспеченность жильем и коммунальными услугами;
- 5) уровень здравоохранения, просвещения, культурного и бытового обслуживания;
- 6) уровень социального обеспечения;
- 7) соотношение рабочего и свободного времени, условия отдыха;
- 8) условия труда, обеспеченность работой, уровень безработицы.

Выделяется четыре градации уровня жизни населения [8]:

- 1) достаток (пользование благами, обеспечивающими всестороннее развитие человека);
- 2) нормальный уровень (рациональное потребление по научно обоснованным нормам, обеспечивающее человеку восстановление его физических и интеллектуальных сил);
- 3) бедность (потребление благ на уровне сохранения работоспособности как нижней границы воспроизводства рабочей силы);
- 4) нищета (минимально допустимый по биологическим критериям набор благ и услуг, потребление которых лишь позволяет поддержать жизнеспособность человека).

Важнейшими составляющими уровня жизни выступают доходы населения и его социальное обеспечение, потребление им материальных благ и услуг, условия жизни, свободное время. Условия жизни можно укрупненно разделить на условия труда, быта и досуга.

Возможны три аспекта изучения уровня жизни: применительно ко всему населению; к его социальным группам; к домохозяйствам с различной величиной дохода.

Важную роль в изучении уровня жизни населения играют социальные нормативы как научно обоснованные ориентиры направленности социальных процессов в обществе. Различают следующие социальные нормативы: развития материальной базы социальной сферы, доходов и расходов населения, социального обеспечения и обслуживания, потребления населением материальных благ и платных услуг, условий жизни, состояния и охраны окружающей среды, потребительского бюджета и др.

Непосредственное отношение к уровню жизни имеет потребительский бюджет, суммирующий нормативы потребления населением материальных благ и услуг. К основным социальным нормативам относятся минимальная заработная плата и пособие по временной нетрудоспособности, пособие по безработице для трудоспособных лиц, минимальные трудовые и социальные пенсии для пожилых и нетрудоспособных граждан, инвалидов, минимальные стипендии учащимся, регулярные или разовые целевые пособия наиболее уязвимым в материальном отношении группам населения (многодетным и малообеспеченным семьям, матерям-одиночкам, престарелым и др.).

Существующие нормативы отражают современные научные представления о потребностях людей в благах и услугах — личных потребностях. Однако последние не следует абсолютизировать, так как они всегда изменчивы, что затрудняет их количественную оценку.

Внешней формой проявления личных потребностей выступает потребительский спрос населения, хотя и количественно, и качественно он отличается от действительной потребности. Различают общий потребительский спрос, объем и структура которого соответствуют объему потребления населением материальных благ и услуг, и платежеспособный спрос на них, отражающий платежеспособные возможности населения.

Рассматривая следующую составляющую интегральной категории «образ жизни» — стиль жизни, следует отметить, что она не нова для социологии. Эта категория разрабатывалась еще социологами классического периода развития социальной мысли, в частности, М. Вебером [9], представлявшим стиль жизни как критерий социальной дифференциации, фактор, интегрирующий данную социальную группу и одновременно выступающий барьером, препятствующим переходу из одной группы в другую.

В современных словарях под стилем жизни понимают определенный тип, стандарт, отличительную черту, характерную манеру поведения людей, субъективную сторону человеческой деятельности, выражающуюся в мотивах, формах и ориентациях решений, поступков, повседневном поведении индивида, его семьи, социальной группы или слоя. «Жизненный стиль» (или «стиль жизни») — исторически изменчивая и исторически обусловленная категория, прошедшая путь трансформации от единого стиля жизни архаических обществ, к множеству стилей современного общества.

Многомерность понятия «стиль жизни» и широкий диапазон феноменов, составляющих его, породили множество классификаций жизненных стилей на основе самых разнообразных критериев, но все они соотносимы с личностными характеристиками (конформность, индивидуализм, агрессивность, альтруизм и т.д.), что указывает на специфику категории «стиль жизни» по отношению к стилю деятельности.

Понятие «стиль жизни» позволяет значительно углубить понятие «образ жизни», детально рассмотреть влияние внутренних психологических факторов на развитие способа жизни личности и зафиксировать многогранность повседневного поведения людей в рамках единого для них образа жизни [10].

Понятие «стиль жизни» применяется для обозначения характерных специфических способов самовыражения представителей различных социокультурных групп, проявляющихся в их повседневной жизни.

ни: в деятельности, поведении, отношениях. Показателями стиля жизни являются особенности индивидуальной организации приемов и навыков трудовой деятельности, выбор круга и форм общения, характерные способы самовыражения (включая демонстративные черты поведения), специфика структуры и содержания потребления товаров и услуг, а также организация непосредственной социокультурной среды и свободного времени.

Стиль жизни – не составная часть образа жизни, а воплощение последнего на уровне личности, – это одна из конкретных его форм, посредством которой образ жизни доводится до реального воплощения в действительность через индивидуальность личности. Отличие образа от стиля жизни и заключается в удельном весе индивидуального в них. Поскольку само существование стиля жизни основано, прежде всего, на индивидуальности, данное явление имеет право на изучение только в том случае, когда обеспечиваются реальные условия для осуществления индивидуальности в процессах жизни, когда можно говорить о сформированности высшего уровня индивидуальности – внутреннего мира личности, мира ее потребностей, ценностных ориентаций, представлений о людях и самой себе, когда уровень субъектности позволяет сделать выбор из альтернативных путей жизни собственного.

Нами разделяется подход Е.Г. Пчелинцевой к определению данной категории, согласно которому «стиль жизни семьи» – компонент образа ее жизни, характеризующий поведенческие особенности повседневной жизнедеятельности людей и их семей (в частности, ритм, интенсивность, темп жизни), а также социально-психологические черты быта и взаимодействия между людьми, которые нередко выражают национально-этнические и социально-профессиональные черты социальной общности, группы [11].

Категория «стиль жизни семьи» выполняет не только функцию дифференцирующую, выделяя, во-первых, вариантное в образе жизни, но одновременно обобща-

ющую, в частности, обобщение касается группы, определенного множества людей, одинаково ведущих себя, использующих общие, единые способы жизнедеятельности; во-вторых, стиль жизни семьи отражает не один из видов ее деятельности, а особенности ее образа жизни в целом; в-третьих, стиль жизни является научной категорией, которая фиксирует не единичное, случайное, а отражает устойчивое, повторяющееся в способе жизнедеятельности семьи на протяжении длительного отрезка времени.

Понятие «уклад жизни» характеризует конкретные исторические социально-экономические и политические аспекты культуры, в рамках которой разворачивается образ жизни ее носителей. В качестве показателей уклада жизни выступают характер собственности на средства производства, характер экономики, социальных отношений, ведущих идеологий, политической системы и т.п. Важнейшее значение имеет здесь также показатель урбанизации.

«Стандарт жизни» – это теоретическое аналитическое понятие, сконструированное для того, чтобы обеспечить точку отсчета при сравнении уклада, уровня и качества жизни представителей различных социокультурных групп. Оно строится как статистическая «мода» этих параметров образа жизни, в этом смысле можно говорить о стандартах уклада, уровня, качества жизни, характерных для общества в целом или отдельных социальных групп в рассматриваемый период времени.

Говоря о структуре и составляющих элементах образа жизни людей, следует помнить, что они не остаются неизменными во времени, их изменения на протяжении жизни человека также происходят под влиянием объективных и субъективных факторов. Объективными факторами являются некоторые обязательные или же доступные для всех членов общества виды деятельности, в которых они принимают участие и которые на определенный период жизненного цикла являются устойчивыми компонентами их образа жизни (например, обучение в средней школе, трудовая деятельность и т.п.).

Субъективные факторы связаны с изменением значимости для индивида того или иного вида деятельности (например, по мере включения в работу человек начинает испытывать больший интерес к своей профессии, чем во время обучения) или, наоборот, с отказом принимать участие в каком-либо из доступных ему видов деятельности (например, после нескольких лет обучения в высшем учебном заведении человек решает оставить его и пойти работать), а также со сменой предпочтений в предметном мире.

Таким образом, обобщающую категорию «образ жизни» можно определить как систему наиболее существенных, типичных характеристик способа жизнедеятельности, активности людей в единстве их количественных и качественных сторон, являющихся отражением уровня развития общества.

Практическое исследование образа жизни целесообразно реализовывать с позиции нормативно-сравнительного подхода. При этом проблема оценки многообраз-

ных репрезентированных моделей образа жизни, их типологизации и соотнесения между собой предполагает наличие эталона, нормативной модели, по отношению к которой производится сравнение.

Влияние внешних условий и личностных состояний людей на способы организации ими своего образа жизни меняются во времени, они различаются не только по социокультурным группам, но и по стадиям индивидуального жизненного цикла. Изучение смены субъективных состояний и структур активности людей в подвижном социокультурном контексте придает анализу образа жизни динамический характер.

При определении категории «образ жизни» важно подчеркнуть ее интегративный характер по отношению к таким понятиям, как «уклад жизни», «уровень жизни», «качество жизни», «стиль жизни». Эти понятия раскрывают и конкретизируют содержание категории «образ жизни» при различных уровнях анализа социокультурной динамики.

Список литературы

1. Толстых В.И. Образ жизни: Понятие, реальность, проблемы. М.: Политиздат, 1975. 184 с.
2. Бестужев-Лада И.В. Содержание и структура категории образ жизни. Теоретические и методологические проблемы исследования образа жизни. М., 1979. С. 15.
3. Основы изучения человеческого развития. М.: Права человека, 1988.
4. Белов Е.М. Некоторые вопросы категории «образ жизни» («уровень жизни», «качество жизни») по материалам зарубежной социологической литературы // Тезисы докладов на конф. «Современные проблемы прикладной социологии и социальной психологии в трудовых коллективах». Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. С. 47–49.
5. Социальная статистика. М.: Финансы и статистика, 2002. 480 с.
6. Лига М.Б. Качество жизни как основа социальной безопасности: монография. М.: Гардарики, 2006. 223 с.
7. Лига М.Б., Щеткина И.А. Качество жизни: организационно-управленческий аспект. Новосибирск: Наука, 2011. 227 с.
8. Социальная статистика. М.: Финансы и статистика, 2002. 480 с.
9. Вебер М. Хозяйство и общество // Избранные произведения. М., 1990. С. 575.
10. Ануфриева Р.М., Головаха Н.И., Донченко Е.А. Стиль жизни личности. Теоретические и методологические проблемы. Киев: Наукова думка, 1982. С. 45.
11. Пчелинцева Е.Г. Динамика стиля жизни семьи в период трансформации российского общества: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2005. 22 с.

List of literature

1. Tolstykh V.I. Obraz zhizni: Ponyatie, realnost, problemy [Lifestyle: concept, reality, problems]. Moscow: Politizdat, 1975. 184 p.
2. Bestuzhev-Lada I.V. Soderzhanie i struktura kategorii obraz zhizni. Teoreticheskie i metodologicheskie problemy issledovaniya obraza zhizni [The content and structure of the category «lifestyle». Theoretical and methodological problems of lifestyle research]. Moscow, 1979, p. 15.

3. *Osnovy izucheniya chelovecheskogo razvitiya* [Learning the basics of human development]. Moscow: Human Rights, 1988.

4. Belov E.M. *Tezisy докладov na konf. «Sovremennye problemy prikladnoy sotsiologii i sotsialnoy psikhologii v trudovykh kolektivakh»* (Sociological abstracts of the conf. «Recent developments in applied sociology and social psychology in the workforce»). Leningrad: Publishing House of Leningrad. University Press, 1984, pp. 47–49.

5. *Sotsialnaya statistika* [Social statistics]. Moscow: Finance and Statistics, 2002. 480 p.

6. Liga M.B. *Kachestvo zhizni kak osnova sotsialnoy bezopasnosti* [Quality of life as the basis of social security]: monograph. Moscow: Gardariki, 2006. 223 p.

7. Liga M.B., Shehetkina I.A. *Kachestvo zhizni: organizatsionno-upravlencheskiy aspekt* [Quality of life: organizational and administrative aspect]. Novosibirsk: Nauka, 2011. 227 p.

8. *Sotsialnaya statistika* [Social statistics]. Moscow: Finance and Statistics, 2002. 480 p.

9. Weber M. *Hozyaystvo i obshchestvo* [Economy and society]: Selected works. Moscow, 1990, p. 575.

10. Anufrieva P.M., Golovakha N.I., Donchenko E.A. *Stilzhizni lichnosti. Teoreticheskie i metodologicheskie problemy* [Person lifestyle. Theoretical and methodological problems]. Kiev: Naukova Dumka, 1982. 45 p.

11. Pchelintseva E.G. The dynamics of family life style in transformation of the Russian society [Dinamika stilya zhizni semii v period transformatsii rossiyskogo obshchestva]: Abstract diss. ... cand. sociolog. sciences. Saratov, 2005. 22 p.

Коротко об авторах

Романова Илона Валерьевна, д-р социол. наук, профессор кафедры «Социально-правовые дисциплины», Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: гендерная социология, философия одиночества, деловые коммуникации
il.romanova2010@yandex.ru

Романова Нелли Петровна, д-р социол. наук, профессор, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: гендерная социология, философия одиночества, деловые коммуникации
rik-romanova-chita@mail.ru

Казарян Ирина Рафаэлевна, канд. политг. наук, зав. кафедрой «Управление персоналом», Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: управление персоналом, конфликтология
ikazaryan@yandex.ru

Briefly about the authors

Iona Romanova, doctor of sociological sciences, professor, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: gender sociology, philosophy of singleness, business communication

Nelli Romanova, doctor of sociological sciences, professor, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: gender sociology, philosophy of solitude, business communications

Irina Kazaryan, candidate of political sciences, head of Human Resource Management department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: human resource management, conflict

Образец цитирования

Романова И.В., Романова Н.П., Казарян И.Р. Категория «образ жизни»: понятие, содержание и структура // Вести. Заб. гос. ун-та. 2016. Т. 22. № 3. С. 76–84.

УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНОМ НА ОСНОВЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ

MANAGEMENT OF THE REGION BASED ON THE SPATIAL DISTRIBUTION OF LABOR RESOURCES

В.Г. Былков,
Байкальский государственный
университет экономики и
управления, г. Иркутск,
Россия
pers@isea.ru

V. Bychkov,
Baikal State University
of Economics and Management,
Irkutsk, Russia

А.М. Балханов,
Бурятский государственный
университет,
г. Улан-Удэ, Россия
balhanov2007@mail.ru

A. Balkhanov,
Buryat State University,
Ulan-Ude, Russia

Рассмотрены вопросы управления регионом. В настоящее время в управлении регионом стал преобладать рыночный подход, основанный на использовании конкурентных преимуществ. Представлены три подхода к конкурентоспособности региона – положительный, отрицательный, нейтральный. В рассматриваемых подходах к конкурентоспособности региона одним из конкурентных преимуществ является количество и качество трудовых ресурсов. Конкурентные преимущества трудовых ресурсов региона определяются со стороны спроса на труд, со стороны предложения труда и за условия труда и оплаты труда. Авторы обосновывают позицию необходимости повышения конкурентоспособности региона посредством спроса на труд. Положительная динамика снижения уровня безработицы, увеличение занятости населения в республике Бурятия, которая отмечена с 2000 по 2014 гг., ограничена в своем развитии, поскольку увеличившийся спрос на трудовые ресурсы не обеспечивается предложением. Обосновывается, что для повышения конкурентоспособности региона необходимо взаимодействие между гражданским обществом, государством и бизнесом. Хотя данное взаимодействие существует, но оно не решает существующие проблемы обеспечения количества и повышения качества трудовых ресурсов. В связи с этим предлагается комплексный подход удовлетворения спроса на трудовые ресурсы, учитывающие текущую и перспективную потребность. Авторы в текущем и перспективном спросе на труд выделяют индивидуальный, микроуровень и макроуровень. Указанные уровни отличаются принципами, методами и используемыми технологиями. В настоящее время при оценке конкурентоспособности региона с позиций пространственного распределения трудовых ресурсов преимущественно преобладает ориентация на индивидуальный уровень. Спрос на труд на микроуровне выявляется на текущем периоде. На макроуровне (на уровне региона) присутствует перспективный спрос на труд лишь частично

Ключевые слова: регион, региональная конкуренция, экономические ресурсы, трудовые ресурсы, управление регионом, рынок труда, пространственное распределение

The problems of regional management are observed in the article. At present the management of the region has acquired a market approach based on the use of competitive advantages. In the article 3 approaches to competitiveness of the region – positive, negative, neutral are considered. In the considered approaches to competitiveness of the region one of competitive advantages is the quantity and quality of manpower. Competitive advantages of manpower of the region are defined by the demand for work, offer of work and working conditions and compensations. The authors prove a position of need of competitiveness increase of the region, by means of demand for work. Positive dynamics of decrease in unemployment rate, increase in employment of the population in the Republic of Buryatia, which is noted from 2000 to 2014, is limited in the development as the increased demand for manpower isn't provided with the offer. It is proved that increase of competitiveness of the region requires in-

interaction between civil society, state and business. Though this interaction exists, but it doesn't solve the existing problems of ensuring quantity and improvement of quality of manpower. In this regard the integrated approach of satisfaction of demand for the manpower, considering the current and perspective requirement, is offered. The authors, in the current and perspective demand for work, allocate individual microlevel and macrolevel. These levels differ to the principles, methods and the used technologies. At present while assessing the competitiveness of the region from positions of spatial distribution of manpower, there exists an orientation to individual level mainly. The demand for work at the microlevel comes to light on the current period. At the macrolevel (at the level of the region) there is a perspective demand for work, only partially.

Key words: region, regional competition, economic resources, workforce, management of region, labor market, spatial distribution

Иntenсивные процессы глобализации и регионализации, поиск идентичности различных национальных культур, развитие и приоритет общественных отношений над личными способствуют усугублению проблем эффективного управления регионами, которые остаются приоритетными на всех уровнях – на национальном, региональном, местном.

Происходящие процессы обуславливают изменения в системе управления государством, регионами и муниципальными образованиями. Существенно изменяются приоритеты в распределении полномочий между уровнями власти, появляются реальные проблемы в формировании бюджетов всех уровней, обостряются социально-демографические проблемы и т.д.

Подготовка и формирование трудовых ресурсов региона и муниципальных образований происходит исключительно на сугубо личных интересах граждан, зачастую не учитывается приоритетное развитие муниципальных образований, регионов, экономического пространства. Существующая система распределения выпускников вузов после окончания учебных заведений требует усовершенствования. Кроме того, к управлению конкурентоспособностью регионом необходимо подходить стратегически, на основе определения перспективной потребности в количественном и качественном составе трудовых ресурсов. Поэтому требуется взаимодействие всех уровней власти, бизнеса и гражданского общества. При формировании, распределении и использовании трудовых ресурсов необходимо учитывать все фазы воспроиз-

водственного процесса (дотрудового, трудового, послетрудового) и уровни управления (индивидуального, микроуровня, макроуровня).

Рыночные отношения изменили подходы к управлению регионами. В основе управления регионами стал преобладать рыночный подход, основанный на развитии конкуренции. С развитием конкуренции изменились подходы к формированию, использованию трудовых ресурсов и их развитию.

Именно с этих позиций рассмотрим подходы к управлению регионом с учетом пространственного распределения трудовых ресурсов.

Следует различать понятие «конкурентные преимущества» и «сравнительные преимущества». Категория «конкурентные преимущества» и его использование пришло на смену традиционному, еще рикардинскому понятию «сравнительные преимущества».

Конкурентные преимущества субъекта рыночных отношений через определенное время оборачиваются системным, синергетическим эффектом экономического пространства, на котором осуществляется деятельность экономического субъекта [2. С. 101]. Экономическим пространством может являться национальная экономика страны, региона. Системный эффект конкурентных преимуществ проявляется в качестве управления на корпоративном и макроэкономическом уровнях, этике рыночных отношений, саморегулировании участников рынка, в качестве рабочей силы, что, естественно, влияет на приори-

теты и средства экономической политики. В случае достижения конкурентных преимуществ субъектом рыночных отношений результаты конкурентных преимуществ детерминистки не привязаны к отдельному выделенному пространству (стране, региону, территории местного самоуправления), а стохастически распределяются в пространстве как вероятностная величина.

Исследованию конкурентных отношений на региональном уровне посвящено до-

статочно работ. Можно выделить три подхода на конкурентные отношения между регионами [9]. Первый – имеется конкуренция между регионами (Camagni, 1991; Porter, 1999); второй – конкурентные отношения между регионами отсутствуют, существует конкуренция между странами (Krugman, 1996, 1997; McFetridge, 1995; Yар, 2004), третье направление – нейтральный (см. таблицу).

Основные характеристики трех подходов [9]

Тема	Защитники	Критический	Нейтральный
Определяющие факторы фирм в экономической деятельности	Внешние по отношению к фирме (Porter, 1999; Gertler, 2001)	Внутренняя к фирме (Krugman, 1996)	Внутренняя к фирме (Bristow, 2005)
Определяющие факторы фирм в инновациях (центральные, территориальные конкурентоспособности)	Внешние по отношению к фирме (Capello, 1999)	Внутренняя к фирме (Sternberg, Arndt, 2001)	Внутренняя к фирме (Bristow, 2005)
Территории могут обанкротить	Да (Camagni, 2002)	Нет (Krugman, 1994)	Нет (Bristow, 2005)
Территории конкурируют таким же образом, как фирмы	Да (Van den Berg, Braun, 1999) + нет (Turok, 2004)	Нет (Krugman, 1997)	-
Прямым продолжением конкурентоспособности от фирмы к территориям	Право (Courchene, 1999; Donald, 2001)	Ложный (Lofering, 2001)	Ложный (Jessop, 2008)
«Территориальная конкурентоспособность» – это базовое и размытое понятие	Нет (Chechire, Gordon, 1996; D, Arcy, Keogh, 1999)	Да (Cellini, Soci, 2002)	Да (Fagenberg, 1996)
Территория увеличивает свой рост и производительность	Завершения других (Lever, Turok, 1999)	Его же блага (Krugman, 1997)	Его же блага (Jessop, 2008)
Территориальная конкурентоспособность	Значимо для территориального развития (Reinert, 1995; Storper, 1997)	Бесполезно и бессмысленно (McFetridge, 1995)	Placeless and decontextualised (Bristow, 2010)
Увеличение конкурентоспособности фирм – увеличение уровня жизни	Да (Malecki, 2000; Aiginger, 2006)	Не обязательно (Yар, 2004)	Не обязательно (Lovering, 1999)
Увеличение уровня жизни, роста производительности по сравнению с...	Конкурентами (Begg, 1999)	Внутренней производительностью (Krugman, 1994)	-

Несмотря на разнообразие подходов и мнений к конкурентным отношениям как между регионами, так и внутри регионов, следует отметить, что при развитии конкурентных отношений обращается внимание на экономическое, социальное развитие, территориальную целостность и жизнедеятельность жителей.

Таким образом, при исследовании регионов акцентируется внимание на трудо-

вые ресурсы как экономические ресурсы, участвующего в развитии регионов, и на конкуренцию. Выделяются три подхода в исследовании конкуренции трудовых ресурсов. Первый, конкуренция спроса на труд, конкуренция предложения труда и конкуренция за условия труда и его оплату.

Проведенный анализ показателей с 2000 по 2014 гг. указывает на положительную динамику – увеличение занятого на-

селения в Республике Бурятия, снижение уровня безработицы и т.д., а значит – на увеличение спроса на труд на всем рассматриваемом периоде. Необходимо отметить, что экономическое развитие республики обусловлено ростом за счет экстенсивного использования ресурсов, главным образом трудовых.

Нами проведен анализ эластичности занятости в регионе на основе различных форм собственности хозяйствующих субъектов. Согласно проведенному анализу, средняя эластичность по республике в 2013 г. составила 0,982. Это означает, что изменение количества предприятий, организаций на 1 % приводит к изменению среднегодовой численности занятых в экономике на 0,982 %. По видам экономической деятельности эластичность располагается неравномерно. Здесь можно выделить две группы по эластичности.

По результатам 2013 г. к первой группе, с эластичностью выше среднереспубликанского уровня, относятся следующие виды экономической деятельности: сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство – 1,176; операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг – 1,115; добыча полезных ископаемых – 1,044; финансовая деятельность – 1,029; гостиницы и рестораны – 1,010.

Ко второй группе: обрабатывающее производство – 0,993; здравоохранение и предоставление социальных услуг – 0,991; оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования – 0,983; рыболовство, рыбоводство – 0,980; государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение – 0,970; транспорт и связь – 0,966; производство и распределение электроэнергии, газа и воды – 0,961; строительство – 0,924; образование – 0,921; предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг – 0,898.

Выделение в эластичности занятых по видам экономической деятельности двух групп позволило выделить и две группы ра-

бочих мест. К первой относятся виды деятельности, где создание рабочих мест, хотя и более капиталоемкое, но увеличивается занятость населения. Ко второй – виды деятельности, в которых при увеличении количества предприятий увеличивается занятость на рабочих местах, которые являются менее капиталоемкими.

Согласно В.Г. Былкову, выделяется две группы спроса на труд: спрос потребностей и спрос замещения. К спросу потребностей относятся виды деятельности первой группы, к спросу замещения – виды деятельности второй группы.

Во время проведения круглых столов Гражданского форума одной из важных проблем участники называли затруднения, обусловленные поиском, подбором, подготовкой и дефицитом кадров. С этой проблемой столкнулись все субъекты отношений: работодатели не могут найти подходящих работников, а последние – достойную работу; органы государственного управления не могут повлиять на складывающуюся ситуацию.

В этих условиях необходимо конструктивное взаимодействие всех участников процесса, осуществляющего кадровую политику в регионе, а именно – бизнеса, власти и институтов гражданского общества. Эта система должна учитывать все фазы общественного воспроизводства трудовых ресурсов – дотрудовую, трудовую и послетрудовую; уровни управления трудовыми ресурсами региона – индивидуальный, микроуровень, макроуровень. Данное взаимодействие должно основываться на использовании рыночных механизмов управления и регулирования, на основе конкурентных отношений.

К настоящему времени в стране и в регионе создана система взаимодействия между гражданским обществом, государством и бизнесом. В этой системе участвуют все субъекты общественных отношений – государство, бизнес и общество. Граждане общества участвуют в управлении государством, регионами и муниципальными образованиями посредством работы в Общественной палате и ее региональных

отделениях, Общественных советах при органах исполнительной власти, территориально-общественными самоуправлениями, законодательных (представительных) органах и др. Но эти организации не учитывают прогноз развития, перспективное, стратегическое развитие общества, регионов, местного самоуправления.

Различные объединения работодателей в лице Торгово-промышленной палаты и Союза промышленников и предпринимателей и др., пытаются воздействовать на складывающуюся ситуацию в сфере подготовки кадров, обеспечение кадрами работо-

дателей, но это не способствует изменению ситуации. Учебные заведения ведут подготовку кадров опираясь на образовательные стандарты.

Перечисленные проблемы указывают на необходимость проведения работы по подготовке кадров для экономики республики на основе комплексного подхода, учитывающего интересы всех общественных групп и прогноз изменения спроса на трудовые ресурсы региона. Это способствует экономическому росту, основой которого являются два фактора — труд и капитал (рис. 1).

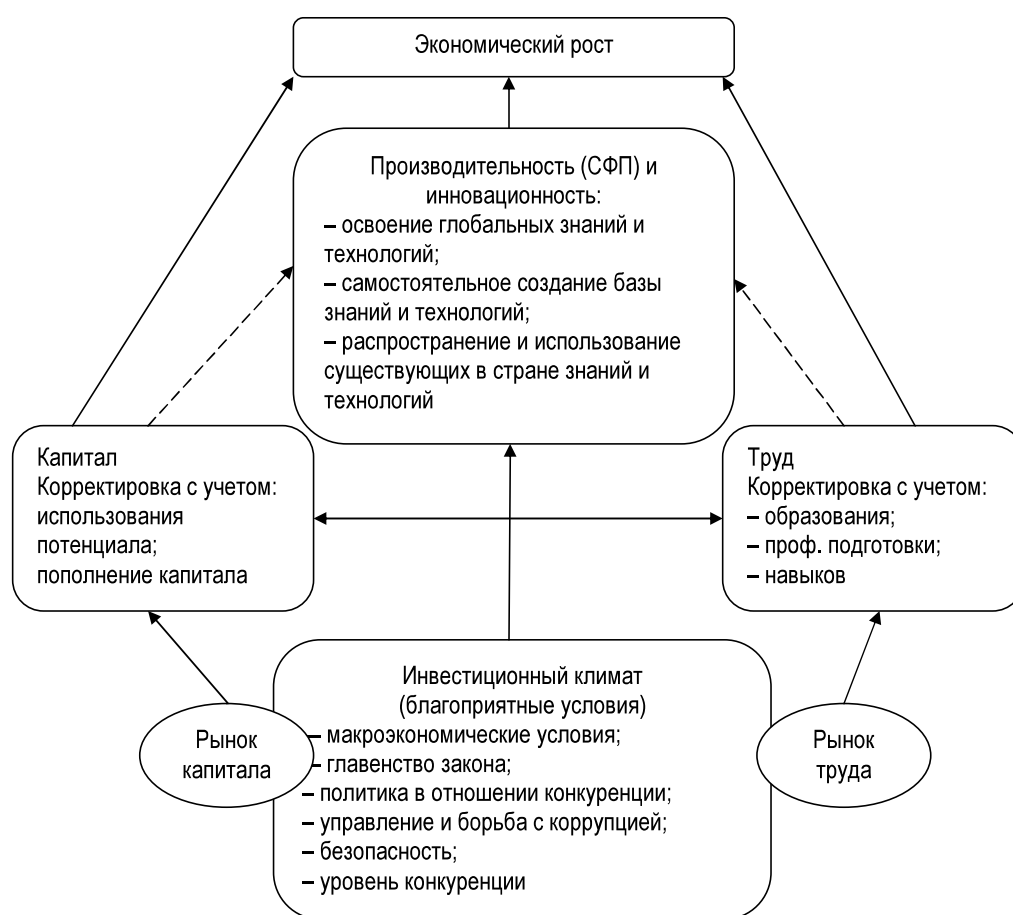

Рис. 1. Концептуальная модель составляющих экономического роста (источник: Развитие навыков для инновационной России. М.: Алекс, 2015. 172 с.)

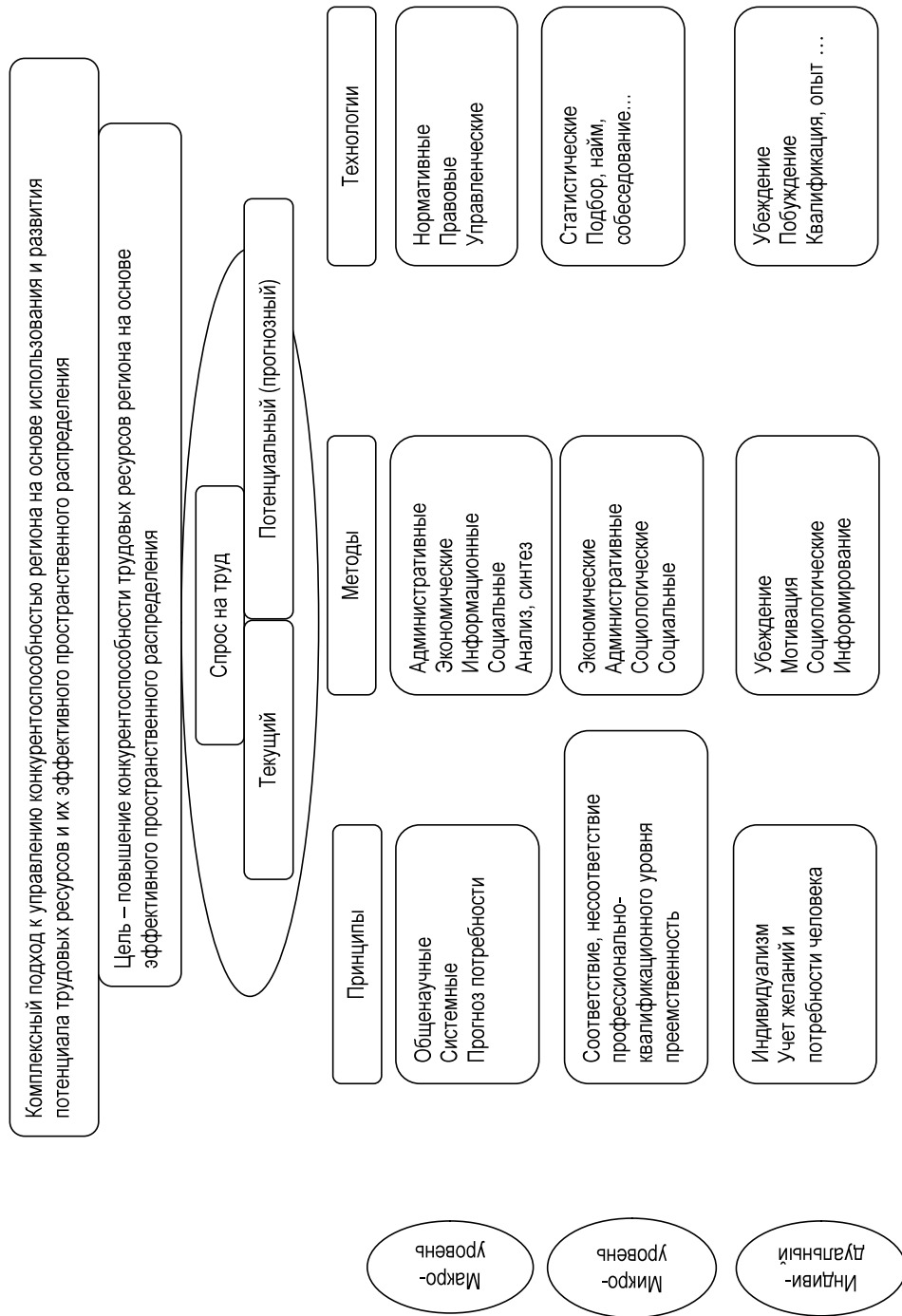

Рис. 2. Модель конкурентоспособности экономического пространства на основе потенциала трудовых ресурсов

Назрела необходимость проводить работу по развитию трудовых ресурсов с использованием рыночного механизма. Среди разнообразия методов государственного регулирования экономических процессов для повышения конкурентоспособности трудовых ресурсов региона можно использовать механизм государственно-частного партнерства. Общественные организации, представляющие различные стороны — объединения работодателей, бизнеса, общественные организации, государственные органы управления, представители учебных заведений участвуют в функционировании региональной системы повышения конкурентоспособности с учетом уровня (индивидуальный, микроуровень, макроуровень) и спроса на труд (рис. 2). Спрос на труд основывается на двух направлениях — текущий и перспективный. Текущая потребность экономики в необходимых трудовых ресурсах обеспечивается работниками, находящимися в трудовой и послетрудовой фазах. Перспективная (прогнозная) потребность обеспечивается эффективным взаимодействием всех субъектов — общественные организации, представители бизнеса и государство.

Принципы, методы и технологии формирования конкурентных преимуществ трудовых ресурсов отличаются в зависимости от уровня. На индивидуальном уровне учитываются индивидуальные потребности и мотивация сотрудников, на микроуровне учитываются профессионально-квалификационные характеристик трудовых

ресурсов. Обращается внимание на технико-трудовые, организационно-трудовые и социально-трудовые характеристики микроуровня. На макроуровне учитываются социально-экономические условия жизнедеятельности человека.

Отличия проявляются не только в принципах реализации, но и применяемых методах и технологиях. На индивидуальном уровне используются методы и технологии, основанные на побуждении, убеждении, информировании, профориентационной работе; на микроуровне — административные, экономические, социологические; на макроуровне — социально-демографические, нормативные, правовые, управленческие.

В процессе исследования определено, что при развитии конкурентных отношений между регионами определяющим фактором являются трудовые ресурсы и их конкурентоспособность. В Республике Бурятия при положительной динамике снижения уровня безработицы и увеличения занятости населения развитие происходит экстенсивным путем. Дальнейшее снижение уровня безработицы и положительная динамика увеличения занятого населения возможны только за счет повышения конкурентоспособности трудовых ресурсов. К повышению конкурентоспособности трудовых ресурсов необходимо подходить с учетом индивидуального, микро- и макроуровней и исходя из удовлетворения текущей и перспективной потребности.

Список литературы

1. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 495 с.
2. Дынкин А.А., Куренков Ю.В., Андо Ю.Л. Конкурентоспособность России в глобальной экономике. М.: Междунар. отношения, 2003. 376 с.
3. Лексин В.Н. Россия до, во время и после глобального кризиса // Российский экономический журнал. 2009. № 7–8. С. 3–34.
4. Леонова Ю. К оценке привлекательности российских регионов для отечественных и зарубежных инвесторов // Российский экономический журнал. 2013. № 2. С. 102–110.
5. Леонтьев В.В. Межотраслевая экономика. М.: Экономика, 1997. 479 с.
6. Лукьянова А.Л. Дифференциация заработных плат в России (1991–2008): факты и объяснения // Журнал новой экономической ассоциации. 2011. № 12. С. 124–148.
7. Маршалова А.С., Новоселов А.С. Конкурентоспособность и стратегия развития муниципальных образований // Регион: экономика и социология. 2010. № 3. С. 219–236.

8. Шорохов В.П., Колькин Д.Н. Оценка конкурентоспособности региона // Проблемы прогнозирования. 2007. № 1. С. 91–101.

9. Kapitsinis N., Metaxas Th., Duguenne M.-N. Territorial units' competitiveness: A self-reliant concept or a derivative concept of firms' competitijon? // Conference Proceedings Challenges of Europe: Growth and Competitiveness – Reversing the Trends, Croatia, Split – Bol, 2011, pp. 401–426.

10. Rodriguez A. Knowledge and Innovaton for Competitiveness in Brazil. Washington, DC: World Bank, 2008.

List of literature

1. Granberg A.G. Osnovy regionalnoy ekonomiki [Basics of the regional economy]. Moscow: HSE, 2004. 495 p.

2. Dynkin A.A., Kurenkov Yu.V., Ando Yu.L. Konkurentosposobnost Rossii v globalnoy ekonomike [Competitiveness of Russia in the global economy]. Moscow: international relationships, 2003. 376 p.

3. Leksin V.N. Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal (Russian Economic Journal), 2009, no. 7–8, pp. 3–34.

4. Leonova Yu. Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal (Russian Economic Journal), 2013, no. 2, pp. 102–110.

5. Leontiev V.V. Mezhotraslevaya ekonomika [Interdisciplinary economy]. Moscow: Economy, 1997. 479 p.

6. Lukyanova A.L. Zhurnal novoy ekonomicheskoy assostiatsii (Journal of the New Economic Association), 2011, no. 12, pp. 124–148.

7. Marshalova A.S., Novoselov A.S. Region: ekonomika i sotsiologiya (Region: Economics and Sociology), 2010, no. 3, pp. 219–236.

8. Shorokhov V.P., Kolkin D.N. Problemy prognozirovaniya (Problems of forecasting), 2007, no. 1, pp. 91–101.

9. Kapitsinis N., Metaxas Th., Duguenne M.-N. Conference Proceedings Challenges of Europe: Growth and Competitiveness – Reversing the Trends (Conference Proceedings Challenges of Europe: Growth and Competitiveness – Reversing the Trends), Croatia, Split – Bol, 2011, pp. 401–426.

10. Rodriguez A. Knowledge and Innovaton for Competitiveness in Brazil [Knowledge and Innovaton for Competitiveness in Brazil]. Washington, DC: World Bank, 2008.

Коротко об авторах

Былков Владимир Георгиевич, д-р экон. наук, профессор, декан факультета «Управление человеческими ресурсами», Байкальский государственный университет экономики и управления, г. Иркутск, Россия. Область научных интересов: региональная экономика, экономика труда, рынок труда, занятость населения
pers@isea.ru

Балханов Александр Матвеевич, канд. экон. наук, доцент, зав. кафедрой «Управление персоналом», Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ, Россия. Область научных интересов: региональная экономика, экономика труда, трудовые ресурсы, рынок труда
balhanov2007@mail.ru

Briefly about the authors

Vladimir Bylkov, doctor of economic sciences, professor, dean of the faculty of Human Resource Management, Baikal State University of Economics and Management, Irkutsk, Russia. Sphere of scientific interests: regional economy, labor economics, labor market, employment

Alexander Balkhanov, candidate of economic sciences, assistant professor, head of Personnel Management department, Buryat State University, Ulan-Ude, Russia. Sphere of scientific interests: regional economics, labor economics, human resources, labor market

Образец цитирования

Былков В.Г., Балханов А.М. Управление регионом на основе пространственного распределения трудовых ресурсов // Вестн. Заб. гос. ун-та. 2016. Т. 22. № 3. С. 85–92.

**ПРИНЦИП «ЗАГРЯЗНИТЕЛЬ ПЛАТИТ» И ЭКОЛОГИЧЕСКИ
НЕРАВНОЦЕННЫЙ ОБМЕН****THE PRINCIPLE OF «POLLUTER PAYS» AND ECOLOGICALLY UNEQUAL
EXCHANGE**

*И. П. Глазырина, Забайкальский государственный университет,
Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН,
г. Чита, Россия
iglazyrina@bk.ru*

*I. Glazyrina, Transbaikal State University, Institute of Natural Resources,
Ecology and Cryology SB RAS, Chita, Russia*

Проведено исследование рисков возникновения ситуации экологически неравноценного обмена для производственных проектов, негативно влияющих на окружающую среду, с помощью авторской модели, адаптированной для целей данной задачи, в том числе для выяснения вопроса о том, какова роль реализации принципа «загрязнитель платит» в России в контексте проблем экологически неравноценного обмена. Рассматривается ситуация, когда загрязняющее вещество накапливается в окружающей среде, т.е. не ассимилируется в течение одного временного интервала. Отдельно изучается случай «долгоживущих загрязнителей», то есть когда «время жизни» загрязняющих веществ намного превышает время человеческой жизни. Проведены модельные расчеты на основе полученных результатов. Показано, что риск экологически неравноценного обмена при существующей в России реализации принципа «загрязнитель платит» (пропорционально объему выбросов) увеличивается с ростом «жизни» загрязняющего вещества и становится неизбежным, если производственный проект имеет значительный временной горизонт, а загрязняющее вещество не ассимилируется в природной среде. Обоснованы оценки уровней платежей в расчёте на единицу загрязняющего вещества. Показано, что существенным фактором для снижения риска экологических конфликтов является локализация экономических выгод проекта. Поэтому необходимо формировать условия и правила, препятствующие «вымыванию» доходов за пределы территорий, где находится производство. Анализ, проведенный с помощью представленной модели, показывает, что в рассматриваемом контексте фактор экспорта продукции за пределы страны не играет существенной роли, ни положительной, ни отрицательной. Принципиально важен только уровень локализации доходов

Ключевые слова: экологически неравноценный обмен, платежи за негативное воздействие

This article presents evaluation of risk of emergence of a situation of ecologically unequal exchange for productive projects that have a negative impact on the environment. The author's model had been adjusted for the purposes of this task, including clarification the question about the role of the implementation of the principle «polluter pays» in Russia in the context of ecologically unequal exchange. This paper considers the situation where the pollutant accumulates in the environment, i.e. not assimilated during one time interval. Separately studied the case, «long-lived pollutants», that is when the «lifetime» of pollutants far exceeds the human lifetime. Model calculations have been carried out on the basis of the obtained results. It is shown that the risk of ecologically unequal exchange in the existing Russian implementation of the «polluter pays» principle (proportional to emissions) increases with the «life» of the contaminant, and becomes inevitable if the production project is a significant time horizon, and the pollutant is not assimilated in a natural environment. It is shown that a significant factor to reduce the risk of environmental conflicts is the local economic benefits of the project. Therefore, it is necessary to elaborate the conditions and rules that prevent «washout» of income outside the territories of the production industry. The analysis conducted with the presented model also shows that, in this context, the factor of export outside the country does not play a significant role, either positive or negative. Essentially important is only the localization level of income

Key words: ecologically unequal exchange, payments for negative impact

Изложенные в статье результаты получены в рамках исследований по проекту РФФИ № 13-06-00034

В секторах, связанных с природопользованием, мы довольно часто наблюдаем проявления экологически неравноценного обмена, когда выгоды достаются одним субъектом природопользования, а последствия негативного воздействия на природные системы – другим. Он выступает в различных формах: между компаниями и местным населением, между различными территориями (например, в случаях загрязнения водных объектов), между субъектами РФ (пополнение бюджетов от использования природных ресурсов нередко происходит не там, где добывают, а там, где зарегистрирована компания), между странами (в случае сырьевой ориентации экспорта) и др.

Проблема экологически неравноценного обмена стала предметом интенсивного внимания и изучения в мировой эколого-экономической литературе в последние десятилетия [13; 15; 19; 22]; подробный обзор представлен в [23]. Этим вопросам посвящен специальный выпуск одного из ведущих международных эколого-экономических журналов – *Ecological Economics*, Vol. 70, № 2, 2010. Наиболее распространенный контекст этих исследований – экологически неравноценный обмен между Севером (развитыми странами) и Югом (остальным миром). Многие исследователи считают, что экономические рычаги регулирования здесь бессильны и ставят вопрос в контексте «экологической справедливости» (*Environmental Justice*), для достижения которой необходимы специальные инструменты управления в рамках ООН, ЕС [17] и др.

Однако в последние годы особое внимание привлекают более локальные проблемы, связанные с потенциальными экологическими конфликтами в регионах, богатых природными ресурсами, связанными с конкретными видами природопользования – вырубкой леса, добычей золота и др., где причиной неравноценного обмена далеко не всегда являются транснациональные корпорации, в качестве субъектов этого обмена выступают местные компании и население, а главной причиной является

несовершенство институтов, регулирующих отношения в сфере природопользования. Такой «переход на локальный уровень» позволяет выявить конкретные причины в каждом типичном случае и разработать более адресные и результативные рекомендации по их преодолению. Работы Нобелевского лауреата Е. Остром [20; 21] показывают, что учет так называемых «contextual factors» является ключевым для успешного решения данных проблем. С началом экономического роста в России в регионах, богатых природными ресурсами, наметились тенденции экологически неравноценного обмена, которые к настоящему времени остаются малоизученными, особенно в регионах Восточной Сибири и Дальнего Востока. Здесь специфическую роль играют и трансграничные отношения с быстрорастущей экономикой КНР, влияние которых недостаточно изучено в контексте эколого-экономического анализа. Предварительный анализ работ в этой области говорит о том, что в этих условиях необходимо ставить задачу совершенствования и развития конкретных институтов, направленных на реализацию экологического предназначения природно-ресурсной ренты (в соответствии с концепцией Е.В. Рюминой [5; 6]).

Ситуации экологически неравноценного обмена в России – весьма распространенное явление, особенно в природно-ресурсных регионах. Чаще всего они возникают вследствие противоречий интересов ресурсных компаний и местного населения. В ряде случаев они проявляются в виде явных экологических конфликтов, иногда эти конфликты не отражаются в акциях и протестах, но после долгой латентной фазы находят свой выход в оттоке населения в более благополучные места. Часто эти скрытые конфликты усугубляются еще и тем, что растущие доходы добывающих компаний не сопровождаются адекватным ростом благосостояния населения природно-ресурсных территорий, особенно на востоке России.

Первыми жертвами «экологической асимметрии» становятся те природные активы, которые не могут быть адекватно

оценены в стоимостной форме: большинство из них относится к категории экосистемных услуг [1; 2; 11; 12; 16], то есть тех природных благ, которые отвечают за выполнение экологических функций природных систем (обеспечение среды обитания, регулирования водного стока, ассимиляцию вредных выбросов, эстетическую ценность ландшафтов и т.п.). От деградации экологических функций страдает, прежде всего, местное население. Владельцы и топ-менеджеры компаний, оказывающих негативное воздействие на природу, которые являются основными бенефициарами загрязняющих производств, обычно не испытывают от этого существенных и ежедневных неудобств. В условиях трансграничных отношений проявляются новые аспекты этой проблемы [3; 4; 7]. Вопрос о механизмах сохранения экосистемных услуг является предметом пристального внимания в зарубежной, а в последнее десятилетие — и в российской эколого-экономической литературе ([1; 8] и др.).

В статье мы попытаемся выяснить, какова роль реализации принципа «загрязнитель платит» в России в контексте проблем экологически неравноценного обмена. Для этого мы используем математическую модель, идея которой восходит к статье [10], и которая уже использовалась в наших работах для изучения генезиса экологических

конфликтов [9; 14]. В этих работах приведено подробное описание модели и доказательства основных теорем, поэтому здесь мы ограничимся краткой постановкой задачи.

Разработка долгосрочных программ, целью которых является обеспечение/ускорение экономического роста, не может не учитывать возрастающего негативного воздействия на природную среду как следствие этого роста. Экологические платежи и налоги призваны играть роль экономических инструментов регулирования этого процесса, снижающих загрязнения и выбросы. Реализацией принципа «загрязнитель платит», закрепленного в российском законодательстве, являются, в частности, платежи за выбросы загрязняющих веществ пропорционально их количеству, и этот аспект учитывается в модели.

Рассмотрим случай, когда загрязняющее вещество накапливается в окружающей среде, т.е. не ассимилируется в течение одного временного интервала. Это означает, что его негативное воздействие на окружающую среду возрастает по мере накопления. Предположим, что процесс производства сопровождается выбросом загрязняющих веществ, и законодательством предусмотрены соответствующие затраты производителя на устранение загрязнения пропорционально объему этих выбросов.

Описание модели

M1 Инвестиции в расширение производства (а также, возможно, в создание и внедрение необходимой для этого (новой) технологии) в момент $t = 0$ уже произведены.

M2 Объём инвестиций равен $f > 0$.

M3 Модернизация/расширение производства позволяет производить товар в количестве q за каждый временной интервал, который продаётся по цене p (в каждый период времени).

M4 Удельная стоимость производства не зависит от времени и равна $c > 0$.

M5 Амортизационные затраты равны нулю.

M6 Временной горизонт принятия решений $n \geq 2$ (временных интервалов).

M7 Ставка дисконтирования равна $r > 0$ (для каждого временного интервала).

M8 На каждую единицу произведенного товара приходится объём $e > 0$ загрязняющего вещества.

M9 За каждую единицу загрязняющего вещества производитель обязан заплатить $g > 0$ в расчёте на единицу загрязняющего вещества или истратить ту же сумму на устранение загрязнений. Величина d не зависит от времени. В эту сумму включаются все прямые и косвенные потери производителя вследствие загрязнения, выраженные в стоимостном виде.

M10 Загрязнения накапливаются в окружающей среде. Негативное воздей-

ствие на качество жизни общества (социальный ущерб) в каждый период времени пропорционален объёму накопленных загрязнений. Социальный ущерб от единицы загрязняющего вещества в стоимостном выражении равен $y > 0$, не зависит от времени и подлежит компенсации со стороны производителя.

М11 Объём накопленных загрязнений в начальный момент времени, т.е. при $t = 0$ предполагается равным нулю.

М12 В каждый временной интервал постоянная доля $\delta \in (0,1)$ накопленного загрязняющего вещества естественным образом ассимилируется в окружающей среде.

Таким образом, природоохранные затраты производителя в расчёте на единицу продукции равны de . Предположим, что они полностью учитываются в процедуре принятия решений. Будем считать, что для прибыли производителя выполнено условие не отрицательности:

$$\pi(n) = \sum_{i=1}^n \frac{q(p-c-ge)}{(1+r)^i} - f > 0. \quad (1)$$

Очевидно, что если $p-c-ge < 0$, то решение об инновационных инвестициях не будет принято, независимо от того n – временного горизонта проекта. Однако, если $p-c-ge > 0$, то прибыль от инвестиций возрастает с увеличением n . Очевидно, что чем длиннее временной горизонт, тем более привлекательны инвестиции [18], несмотря на то, что они приводят к загрязнению окружающей среды.

Следует отметить, что компания получает прибыль, определенную формулой (1) даже тогда, когда загрязняющее вещество накапливается в окружающей среде, но общество не обязывает производителя компенсировать этот «кумулятивный» ущерб, т.е. когда действующее законодательство предусматривает лишь единовременные платежи, независимо от того, как долго присутствуют в среде вредные вещества и наносят ущерб здоровью людей, природным системам и т.п.

Мы предполагаем, что экономическая выгода для общества от деятельности предприятия пропорциональна стоимости всего

произведенного продукта, в которую входит заработная плата работников и прибыль фирмы – пусть v – это коэффициент пропорциональности. Платежи за негативное воздействие на окружающую среду в принципе должны использоваться для их устранения. К настоящему времени в России это не так. После изменений в Бюджетном кодексе в начале «нулевых» годов они утратили это целевое назначение. Тем не менее, в какой-то степени они для природоохранных целей используются по-разному в разных регионах. В нашей модели мы предполагаем, что в результате этого использования социальный ущерб от единицы загрязняющего вещества в стоимостном выражении снижается до уровня $d < y$. Используя аналитический инструмент из работы [14], получаем, что выгоды общества от реализации того же проекта за n временных интервалов, учитывая экологический ущерб, составят

$$B(n) = vqp a(n,r) - dqe \sum_{i=1}^n \frac{1-(1-\delta)^i}{\delta(1+r)^i} - f, \quad (2)$$

$$\text{где } a(n,r) = \sum_{i=1}^n \frac{1}{(1+r)^i}.$$

Предположим, что естественного разрушения загрязняющего вещества в окружающей среде не происходит. Это предположение можно принять и в тех случаях, когда временной горизонт для принятия решений гораздо короче, чем «время жизни» загрязнителя, и/или когда время его распада (разложения) существенно превосходит срок человеческой жизни. В этом случае, повторяя с небольшой модификацией аналитические выкладки работы [14], получаем, что выгоды общества составляют

$$C(n) = vqp \sum_{i=1}^n \frac{1}{(1+r)^i} - dqe \sum_{i=1}^n \frac{t}{(1+r)^i} - f. \quad (3)$$

Используя доказательство теоремы 1 из [9. С. 186–187], получаем:

(А) Функция $B(n)$ возрастает по n , если выполняется одно из следующих условий: (1) $pv\delta \geq de$ или (2) $pv\delta < de$ и

$$n < \frac{\ln(1 - \frac{\delta pv}{de})}{\ln(1 - \delta)} - 1$$

(В) $B(n)$ убывает по n , если $pv\delta < de$ и

$$n > \frac{\ln(1 - \frac{\delta pv}{de})}{\ln(1 - \delta)} - 1$$

(А1) $C(n)$ возрастает по n , если $n < \frac{pv}{de} - 1$

(В1) $C(n)$ убывает по n , если $n > \frac{pv}{de} - 1$.

Таким образом, можно утверждать, что при условиях (В) и (В1) выгоды общества от продолжения работы предприятия начинают снижаться — слишком велик оказывается накопленный ущерб от загрязнений. При этом производителю по-прежнему выгодно продолжать производство. Это означает, что с какого-то момента, при подходящих сочетаниях параметров проекта, может наступить ситуация экологически неравноценного обмена, даже если производитель добросовестно, в соответствии с законодательством, вносит экологические платежи в установленном размере.

Модель позволяет определить условия, при которых этого можно избежать. В случае, когда загрязняющее вещество ассимилируется в окружающей среде с показателем δ , близким к 1, выполнение ограничения $pv\delta \geq de$ можно достичь с помощью увеличения v , то есть повышением «локализации» общественных выгод. Напротив, если значительная доля доходов «вымывается» с территории производства, например при помощи трансфертных цен или оффшорной регистрации производителя, ситуация экологически неравноценного обмена становится более вероятной. Однако условие $pv\delta \geq de$ может быть недостижимо по технологическим причинам. Например, если для производства необходимы поставки из других стран и регионов, стоимостная доля которых в конечном продукте высока. Тогда при времени жизни проекта

$$n > \frac{\ln(1 - \frac{\delta pv}{de})}{\ln(1 - \delta)} - 1$$

ситуация экологически неравноценного обмена наступает неизбежно. Модельные расчеты показывают, что это может наступить довольно быстро. На рис. 1 по вертикали показана точка максимума функции $B(n)$, которая определяет момент наступления ситуации экологически неравноценного обмена в зависимости от $c = p - pv$, то есть от степени «делокализации» экономических выгод общества от загрязняющего производства.

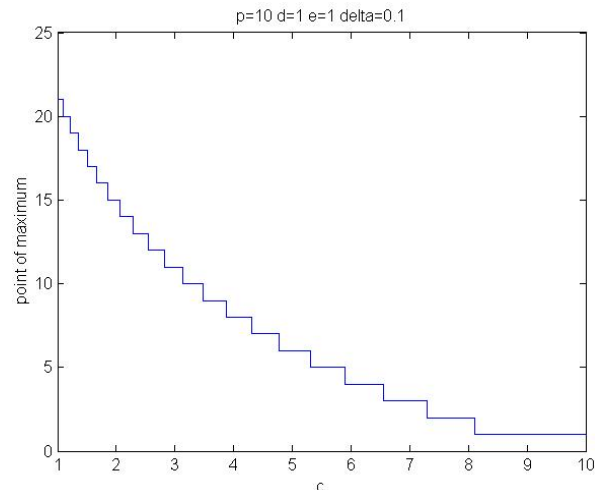

Рис. 1. Динамика момента наступления ситуации экологически неравноценного обмена в зависимости от $c = p - pv$ при фиксированных характеристиках p, d и $\delta = 0,1$

Если же загрязняющее вещество практически не разлагается в окружающей среде ($\delta = 0$), то при продолжении проекта после момента

$$T > \frac{pv}{de} - 1$$

мы опять получаем конфликт интересов производителя и общества в целом. Расчеты показывают очень высокую зависимость времени наступления момента экологически неравноценного обмена от опасности загрязняющего вещества, характеризуемой параметром d . Один из примеров для средней степени «делокализации» ($c = 0,55$) представлен на рис. 2.

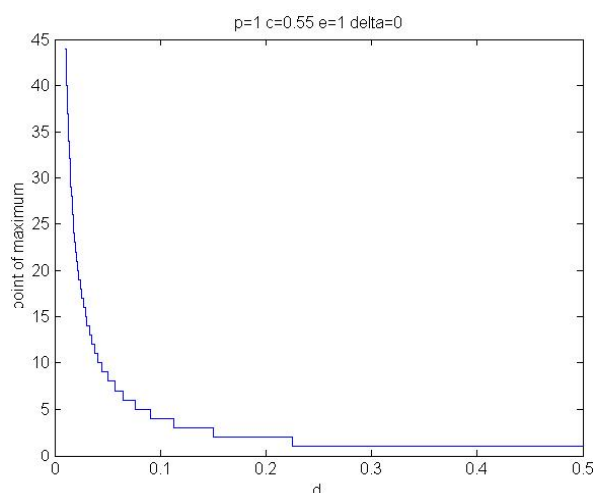

Рис. 2. Динамика момента наступления ситуации экологически неравноценного обмена в зависимости от опасности загрязняющего вещества (d) при фиксированных характеристиках p , c и $\delta=0$

Выводы. Описанная модель дает возможность определить направления действий, позволяющих избежать экологически неравноценного обмена или, по крайней мере, снизить его риски.

1. Риск экологически неравноценного обмена при существующей в России реализации принципа «загрязнитель платит» (пропорционально объему выбросов) увеличивается с ростом «жизни» загрязняющего вещества и становится неизбежным, если производственный проект имеет значительный временной горизонт, а загрязняющее вещество не ассимилируется в природной среде.

2. Уровень платежей $g > 0$ в расчёте на единицу загрязняющего вещества следует устанавливать достаточно высоким, чтобы, используя эти средства, можно было бы достичь такого снижения экологического ущерба $d < y$, при котором выполняется условие $pv\delta \geq de$. Хотя это не всегда возможно, поскольку существует ограничение, определенное формулой (1). Другим важным шагом должно стать максимально возможное использование этих средств по назначению, то есть на устранение негативных экологических последствий. Эти функции в какой-то мере выполняли упраздненные вследствие изменения Бюджетного кодекса региональные экологические фонды. Наши выводы являются еще одним аргументом в пользу их восстановления.

3. Формулы (2) и (3) показывают, что существенным фактором для снижения риска экологических конфликтов является локализация выгод, определяемая параметром v . Поэтому необходимо формировать условия и правила, препятствующие «вымыванию» доходов за пределы территорий, где находится производство.

4. Анализ показывает, что в рассматриваемом контексте фактор экспорта продукции за пределы страны не играет существенной роли, ни положительной, ни отрицательной. Принципиально важен только уровень локализации доходов.

Список литературы

1. Бобылев С.Н., Захаров В.М. Экосистемные услуги и экономика. М.: Типография ЛЕВКО, 2009. 72 с.
2. Глазырина И.П. Природный капитал в экономике переходного периода. М.: РЭФИА, 2001. 204 с.
3. Забелина И.А., Клевакина Е.А. Эколого-экономические аспекты природопользования и проблемы приграничного сотрудничества в регионах Сибири // ЭКО. 2011. № 9. С. 155–166.
4. Корсун О.В., Михеев И.Е. Социально-экономическое значение создания новых особо охраняемых природных территорий в российско-китайском приграничье // Вестник ЗабГУ. 2014. № 12. С. 129–137.
5. Рюмина Е.В. Анализ эколого-экономических взаимодействий. М.: Наука, 2000. 158 с.
6. Рюмина Е.В. Экологическая версия предназначения природной ренты // Экономическая наука современной России. 2001. № 2. С. 11–22.
7. Современные проблемы экологической безопасности трансграничных регионов / под ред. О.В. Корсуна. Новосибирск: Наука, 2013. 319 с.
8. Титова Г.Д. Понятие «природный капитал», развитие методологии и методов его экономической оценки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 7: Геология. География. 2014. № 1. С. 114–124.

9. Экологические индикаторы качества роста региональной экономики / под. ред. И.П. Глазыриной, И.М. Потравного. М.: НИА-Природа, 2005. 306 с.
10. Baumgartner S., Faber M., Proops J. How environmental concerns influences the investment decision: an application of capital theory // *Ecological Economics*, 2002, v. 40, no. 1, pp. 1–12.
11. Daly H., Farley J. *Ecological Economics: Principles and Applications*. Washington: Island Press, 2003. 450 p.
12. Faber M., Proops J.L.R., Speck S. Jost F. *Capital and Time in Ecological Economics. Neo-Austrian Modeling*. Edward Elgar, Cheltenham, 1999.
13. Galtung J.A. Theory of imperialism // *Journal of Peace Research*, 1971, v. 8, no. 2, pp. 81–117.
14. Glazyrina I.P., Glazyrin V.V., Vinnichenko S.V. The polluter pays principle and potential conflicts in society // *Ecological Economics*, 2006, v. 59, no. 3, pp. 324–330.
15. Hornborg A., McNeil J.R., Martinez-Alier J. *Rethinking Environmental History*. Altamira Press, 2007.
16. Making Development Sustainable: from concept to action. The World Bank, Washington, DC. Serageldin I., Steer A. (Eds) *Environmentally Sustainable Development Occasional Paper Series*, no. 2. The World Bank, Washington, DC, 1994, 67 p.
17. Martinez-Alier J., Kallis G., Veutney S., Walter M., Temper L. Social metabolism, Ecological Distribution Conflicts and Valuation Languages // *Ecological Economics*, 2010, no. 2, pp. 153–158.
18. Nickel S.J. *The investment decision of firms*. Cambridge university Press. Nisbert, Oxford, 1978.
19. Nordlund C. *Social ecology. International trade, network analysis and Emmanuelian conceptualization of ecologically unequal exchange* // *Lund studies in human ecology*. Lund University, 2010. 299 p.
20. Ostrom E., Burger G., Field C., Norgaard R., Policansky D. Revisiting the commons: local lessons, global challenges. *Science*, 1999, pp. 278–282.
21. Ostrom E. Response to Zakir Husain and Rabindra Bhattacharya's «Common pool resources and contextual factors: Evolution of a fishermen's cooperative in Calcutta». *Ecological Economics*, 2005, pp. 139–142.
22. Rammelt C.F., Boes J. Galtung meets Daly: A framework for addressing inequity in ecological economics // *Ecological Economics*, 2013, v. 93, pp. 269–277.
23. Rice J. Ecologically Unequal Exchange: Consumption, Equity and Unsustainable Structural Relationships with the Global Economy // *International Journal of Comparative Sociology*, 2007, 48(1), pp. 43–72.

List of literature

1. Bobylev S.N., Zakharov V.M. *Ekosistemnye uslugi i ekonomika* [Ecosystem services and the economy]. Moscow: «Printing LEVKO», 2009. 72 p.
2. Glazyrina I.P. *Prirodny kapital v ekonomike perehodnogo perioda* [Natural capital in transition economies]. Moscow: REFIA, 2001. 204 p.
3. Zabelina I.A., Klevakina E.A. *EKO (EKO)*, 2011, no. 9, pp. 155–166.
4. Korsun O.V., Mikheev E.I. *Vestn. Zab. Gos. Univ.* (Transbaikal State University Journal), 2014, no. 12, pp. 129–137.
5. Ryumina E.V. *Analiz ekologo-ekonomicheskikh vzaimodeystviy* [Analysis of ecological-economic interactions]. Moscow: Science, 2000, 158 p.
6. Ryumina E.V. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* (Economic science of modern Russia), 2001, no. 2, pp. 11–22.
7. *Sovremennye problemy ekologicheskoy bezopasnosti transgranichnykh regionov* [Modern problems of ecological safety of cross-border regions]; ed. by O.V. Korsun. Novosibirsk: Nauka, 2013. 319 p.
8. Titova G.D. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 7: Geologiya. Geografiya* (Herald of St. Petersburg University. Ser. 7: Geology. Geography), 2014, no. 1, pp. 114–124.
9. *Ekologicheskie indikatory kachestva rosta regionalnoy ekonomiki* [Environmental quality of the growth indicators for regional economy]; Ed. edited by I.P. Glazyrina, I.M. Potravny. Moscow: NIA-Природа, 2005. 306 p.
10. Baumgartner S., Faber M., Proops J. *Ecological Economics* (Ecological Economics), 2002, v. 40, no. 1, pp. 1–12.
11. Daly H., Farley J. *Ecological Economics: Principles and Applications* [Ecological Economics: Principles and Applications]. Washington: Island Press, 2003. 450 p.
12. Faber M., Proops J.L.R., Speck S. Jost F. *Capital and Time in Ecological Economics. Neo-Austrian Modeling* [Capital and Time in Ecological Economics. Neo-Austrian Modeling]. Edward Elgar, Cheltenham, 1999.
13. Galtung J.A. *Journal of Peace Research* (Journal of Peace Research), 1971, v. 8, no. 2, pp. 81–117.
14. Glazyrina I.P., Glazyrin V.V., Vinnichenko S.V. *Ecological Economics* (Ecological Economics), 2006, v. 59, no. 3, pp. 324–330.

15. Hornborg A., McNeil J.R., Martinez-Alier J. *Rethinking Environmental History* [Rethinking Environmental History]. Altamira Press, 2007.

16. *Making Development Sustainable: from concept to action. The World Bank, Washington, DC* [Making Development Sustainable: from concept to action. The World Bank, Washington, DC]. Serageldin I., Steer A. (Eds) Environmentally Sustainable Development Occasional Paper Series, no. 2, The World Bank, Washington, DC, 1994, 67 p.

17. Martinez-Alier J., Kallis G., Veutney S., Walter M., Temper L. *Ecological Economics* (Ecological Economics), 2010, no. 2, pp. 153–158.

18. Nickel S.J. *The investment decision of firms* [The investment decision of firms]. Cambridge university Press. Nisbert, Oxford, 1978.

19. Nordlund C. *Social ecography. International trade, network analysis and Emmanuelian conceptualization of ecologically unequal exchange* [Social ecography. International trade, network analysis and Emmanuelian conceptualization of ecologically unequal exchange]: Lund studies in human ecology. Lund University, 2010. 299 p.

20. Ostrom E., Burger G., Field C., Norgaard R., Policansky D. *Revisiting the commons: local lessons, global challenges* [Revisiting the commons: local lessons, global challenges]. Science, 1999, pp. 278–282.

21. Ostrom E. *Response to Zakir Husain and Rabindra Bhattacharya's «Common pool resources and contextual factors: Evolution of a fishermen's cooperative in Calcutta»* [Response to Zakir Husain and Rabindra Bhattacharya's «Common pool resources and contextual factors: Evolution of a fishermen's cooperative in Calcutta»]. *Ecological Economics*, 2005, pp. 139–142.

22. Rammelt C.F., Boes J. *Ecological Economics* (Ecological Economics), 2013, v. 93, pp. 269–277.

23. Rice J. *International Journal of Comparative Sociology* (International Journal of Comparative Sociology), 2007, 48 (1), pp. 43–72.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Глазырина Ирина Петровна, д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой «Прикладная информатика и математика», Забайкальский государственный университет, Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН, г. Чита, Россия. Область научных интересов: экономика, региональная экономика, экология
iglazyrina@bk.ru

Irina Glazyrina, doctor of economic sciences, professor, head of the Applied Computer Science and Mathematics department, Transbaikal State University, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology SB RAS, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: economy, regional economy, ecology

Образец цитирования

Глазырина И.П. Принцип «загрязнитель платит» и экологически неравноценный обмен // Вестн. Заб. гос. ун-та. 2016. Т. 22. № 3. С. 93–100.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ КАЧЕСТВА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ КРАЕ

QUALITY OF GROWTH INDICATORS FOR TRANSBAIKAL REGION

И.А. Забелина,
Институт природных
ресурсов, экологии и криологии
СО РАН, Забайкальский
государственный университет,
г. Чита, Россия
i_zabelina@mail.ru

I. Zabelina,
Institute of Natural Resources,
Ecology and Cryology SB RAS,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Е.А. Клевакина,
Институт природных
ресурсов, экологии и криологии
СО РАН, Забайкальский
государственный университет,
г. Чита, Россия
bedew@yandex.ru

E. Klevakina,
Institute of Natural Resources,
Ecology and Cryology SB RAS,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Выполнена оценка экологических показателей, характеризующих качество экономического роста в Забайкальском крае, которые могут быть использованы для диагностики экологически неравноценного обмена. Предложенные индикаторы экоинтенсивности выбросов загрязняющих веществ в атмосферу, рассчитанные на объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг (по видам деятельности «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства» и «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды»); фонд оплаты труда и собственные доходы бюджета позволяют с разных сторон рассмотреть качество экономического роста в регионе: с позиции предприятий, индивидумов и общества в целом. При помощи ГИС-технологий проанализировано пространственное распределение этих показателей между муниципальными образованиями Забайкальского края. Установлено, что в большей части из них соотношение между выбросами и объемом отгруженной продукции находится на достаточно приемлемом уровне, в то время как выгоды, получаемые от использования ассимиляционного потенциала обществом в целом и отдельными индивидами, в частности, не так очевидны.

Практически во всех районах края (за исключением Александрово-Заводского, Акшинского, Нерчинского, Забайкальского и Ононского) показатели экоинтенсивности в расчете на объем отгруженных товаров в несколько раз выше, чем рассчитанные на фонд оплаты труда или собственные доходы муниципальных бюджетов. В отдельных случаях разница составляет несколько десятков раз (например, Петровск-Забайкальский, Газимуро-Заводский, Тунгиро-Олекминский, Улетовский районы). Показано, что в некоторых муниципальных образованиях наблюдается значительный рост экоинтенсивности, обусловленный расширением промышленного производства (Агинский район, Газимуро-Заводский район). Установлено, что во всех случаях рост экоинтенсивности объясняется тем, что в результате экономического развития районов объем выбросов загрязняющих веществ в атмосферу увеличивается быстрее, чем фонд оплаты труда и собственные доходы муниципального бюджета, основную часть из которых составляет НДС. Однако в большей части районов экоинтенсивность загрязнения атмосферы снижается, что соответствует общей тенденции, наблюдающейся в Забайкальском крае

Ключевые слова: регион, муниципальный район, экономическое развитие, негативное воздействие на окружающую среду, экоинтенсивность, пространственный анализ, приграничное сотрудничество, экологически неравноценный обмен

In this paper the authors have carried out the estimation of indicators, which characterize the quality of economic growth in Transbaikal Region that can be useful for diagnostic of ecologically unequal exchange. The proposed eco-intensity indicators of air pollutant emissions were calculated by the volume of shipped own produced goods, the performed works and rendered services (by «Mining and quarrying», «Manufacturing» and «Electricity, gas and water supply»); the wages fund and own revenues of the budget. These indicators consider the different aspects of the economic growth quality in the region: from the position of enterprises, individuals and society as a whole. By GIS the authors have analyzed the spatial distribution of these indicators between municipalities of Transbaikal Region.

It is concluded that in the most part of municipalities the ratio between air pollutant emissions and volume of shipped own produced goods, performed works and rendered services is acceptable. While the benefits from the assimilation capacity use of the society as a whole and separate individual are not so obvious. The indicators of eco-intensity based on the volume of the shipped own produced goods, performed works and rendered services are higher than the calculated based on wage fund and own revenues of municipal budgets at the several times (excluding of the Alexandrovo-Zavodskiy, Akshinskiy, Nerchinskiy, Zabaikalskiy and Ononskiy districts). It is shown that in some municipalities there is a significant growth of eco-intensity due to the development of industries (Aginsky, Gazimuro-Zavodsky districts). It was found that the growth of eco-intensity corresponds to the fact that volume of air pollutant emissions is increasing faster than the wages fund and own revenues of the municipal budget which are based on the personal income tax. However, eco-intensity of air pollution decreases in most of the municipalities. It corresponds to the general trends in Transbaikal Region as a whole

Key words: region, municipalities, economic development, environmental pressure, eco-intensity, spatial analysis, cross-border cooperation, ecologically unequal exchange

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 13-06-00034 а), использованы базы данных, подготовленные в рамках проекта СО РАН (IX.88.1.6)

Ввиду существования особых геополитических интересов РФ в АТР трансграничное сотрудничество в приграничных регионах Сибири и Дальнего Востока является одним из приоритетных направлений социально-экономического развития. На состоявшемся в Забайкальском крае международном форуме «Приграничное сотрудничество – 2015» обсуждались актуальные вопросы взаимодействия с сопредельными государствами – Китайской Народной Республикой и Монголией. Основной целью проведения данного мероприятия обозначена реализация совместных инвестиционных инициатив [5].

В настоящее время в рамках реализации принятой Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009–2018) в Забайкальском крае создаются новые предприятия преимущественно в добывающем секторе экономики [3]. Для строительства и эксплуатации этих производств требуются дополнительные объемы электрической энергии, поставки которой планируется обеспечить за счет строительства новых и модернизации существующих объектов энергетики. Именно эти отрасли относятся к числу основных загрязнителей окружающей среды. В частности, в За-

байкальском крае на вид экономической деятельности «производство и распределение электрической энергии, газа и воды» в 2012 г. пришлось 56 % от общего объема эмиссий загрязняющих веществ (по данным Федеральной службы государственной статистики). Добывающий сектор экономики, определенная часть предприятий которого создается с привлечением иностранного капитала, оказывает наиболее ощутимое негативное воздействие на окружающую среду в результате образования и размещения промышленных отходов и сбросов загрязненных сточных вод. Так, на долю горнодобывающих предприятий Забайкальского края приходится 78 % от общего объема сброса загрязненных сточных вод и более 90 % общего объема образовавшихся в регионе отходов.

Развитие экономики в данном случае оказывает неоднозначное воздействие на качество окружающей среды. Загрязняющие вещества, накапливаясь в природных средах, негативно влияют на здоровье и благосостояние местного населения [8]. Таким образом, особую актуальность приобретают исследования, направленные на разработку показателей, определяющих качество экономического роста и устойчивость развития эколого-экономических систем.

Существует большое количество критериев и характеристик устойчивого развития. Некоторые из них являются интегральными, т.е. агрегируют экономические, экологические и социальные показатели, другие отражают отдельные аспекты устойчивого развития [2]. Одним из критериев устойчивого развития, который рассчитан для многих стран, является индекс устойчивого экономического благосостояния (Index of Sustainable Economic Welfare). Он представляет собой альтернативу ВВП и принимает во внимание экологические и социальные аспекты в традиционной экономической системе учета [14; 15].

Для оценки устойчивости развития применяется экологически скорректированный ВВП, который может быть получен с использованием различных подходов. Так, в соответствии с рентным методом данный показатель рассчитывают путем экологической корректировки традиционного ВВП на величину рентных доходов, полученных от использования природных ресурсов, ущерба экономике от экологических нарушений и расходов, связанных с восполнением израсходованных природных ресурсов [9; 10]. В работе [9] обоснована необходимость замены традиционного макроэкономического показателя экологически скорректированным ВВП при расчетах индекса развития человеческого потенциала, используемого с целью межстрановых сопоставлений уровня жизни.

Однако особый интерес вызывают работы по определению параметров устойчивости развития российских регионов, поскольку РФ занимает огромную территорию и входящие в ее состав субъекты существенно различаются между собой по размерам, численности проживающего в них населения, социально-экономическим условиям и т.д. Важное место в таких исследованиях занимают работы, направленные на разработку новых подходов и совершенствование существующих методик по определению экологически скорректированного ВВП [10; 16]. Наряду с этими существуют

и другие характеристики устойчивости развития региональных экономик: «истинные сбережения» [7; 4], индекс скорректированных чистых накоплений и индекс развития человеческого потенциала [2], «экологический след» [12] и «экоэффективность» [13] и др.

Некоторые показатели могут использоваться на муниципальном и отраслевом уровнях [6], а также могут быть рассчитаны для отдельных инвестиционных проектов [11]. Основной целью данного исследования является оценка качества экономического роста в Забайкальском крае и его муниципальных районах на основе индикатора «экоинтенсивность». Экоинтенсивность определяет степень негативного воздействия на природные ресурсы и среды в расчете на единицу экономического результата и позволяет оценить, насколько затратным является экономический рост с точки зрения потребления экологических благ [1]:

$$E_i^j = \frac{P_i}{Y_j},$$

где E_i^j – экоинтенсивность соответствующего вида воздействия по соответствующему экономическому показателю;

P_i – соответствующая экологическая нагрузка;

Y_j – соответствующий экономический результат.

В качестве экономических результатов можно рассматривать не только объем добавленной стоимости, но и такие показатели, как вклад в создание новых рабочих мест, отчисления в бюджетную систему и др. Основным измерителем уровня экономического развития региона, как правило, выступает валовой региональный продукт, который может использоваться при расчете показателей экоинтенсивности как полученный в процессе производственной деятельности экономический результат. Однако территориальные органы Федеральной службы государственной статистики не публикуют данные по объему добавленной стоимости в разрезе отдельных муниципальных районов. С учетом доступности и полноты статистической информации в

качестве показателей, характеризующих экономический результат в муниципальных районах, выбраны следующие (в сопоставимых ценах 2009 г.):

– объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг по трем видам экономической деятельности: добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды;

– фонд заработной платы муниципального района (рассчитан авторами на основе статистических данных);

– собственные доходы районного бюджета (рассчитан авторами на основе данных Федеральной службы государственной статистики).

Для Забайкальского края и его муниципальных районов рассчитаны следующие показатели экоинтенсивности загрязнения атмосферы:

$$E_E^{OUT} = \frac{\text{Выбросы загрязняющих веществ в атмосферу}}{\text{Объем отгруженных товаров, работ, услуг}}, \text{ кг/тыс. руб.};$$

$$E_E^L = \frac{\text{Выбросы загрязняющих веществ в атмосферу}}{\text{Фонд заработной платы района}}, \text{ кг/тыс. руб.};$$

$$E_E^B = \frac{\text{Выбросы загрязняющих веществ в атмосферу}}{\text{Собственные доходы районного бюджета}}, \text{ кг/тыс. руб.}$$

Разработанные индикаторы могут способствовать диагностике экологически неравноценного обмена в тех районах, в которых продукция добывающего сектора экономики поставляется за его пределы. Высокие показатели экоинтенсивности могут означать, что при низком экономическом результате оказывается значительное негативное воздействие на определенную территорию, а основная цепочка создания высокой добавленной стоимости находится за её пределами. Если динамика показателей в процессе экономического развития будет ухудшаться, то необходим дальнейший анализ ситуации и установления причин, по которым увеличивается экоинтенсивность экономики районов. Если ситуация смещается в сторону экологически неравноценного обмена, то требуется выработка дополнительных мер со стороны органов государственной власти, позволяющих предотвратить несправедливое распределение благ.

Проанализируем показатели качества экономического роста за 2009 и 2013 гг., а также рассмотрим их изменение за данный временной интервал. Относительно невысокие значения показателя E_E^{OUT} наблюдаются в большинстве районов Забай-

кальского края: на 1 тыс. руб. отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг приходится до 12 кг загрязняющих атмосферу веществ (рис. 1). В нескольких муниципальных районах отмечаются более высокие показатели экоинтенсивности, которые значительно превышают средние значения по Забайкальскому краю (3,46 кг/тыс. руб. в 2009 г. и 1,99 кг/тыс. руб. в 2013 г.). Такая ситуация наблюдается, например, в Оловянинском районе, в котором функционирует самая крупная электростанция Забайкальского края, входящая в состав оптовой генерирующей компании (ОГК-3) – Харанорская ГРЭС. Высокие значения зафиксированы в Акшинском, Александрово-Заводском, Нерчинском, Ононском и Забайкальском районах. Доля этих районов в общем объеме отгруженной продукции, товаров, работ и услуг не превышает 0,5 %. Таким образом, наблюдаемый в районах показатель экоинтенсивности не связан с промышленным производством.

В Забайкальском и Сретенском районах рост экоинтенсивности E_E^{OUT} объясняется ростом объемов выбросов загрязняющих веществ в атмосферу и сокращением экономического результата, в Чернышев-

ском, Ононском и Нерчинском – двукратным сокращением экономического результата и незначительным сокращением объема выбросов, в Акшинском районе – статистическими различиями в учете объема отгруженных товаров, вызванными изменениями в политике учета результатов структурных подразделений энергетических компаний. Сокращение экоинтенсивности E_E^{OUT} в остальных районах края

(за исключением Александрово-Заводского, Калганского, Могочинского, Шелопугинского и Шилкинского) происходит за счет роста объема отгруженных товаров, работ и услуг, опережающего рост эмиссий. В районах-исключениях экоинтенсивность уменьшается за счет того, что сокращение эмиссии происходит быстрее, чем спад экономического результата.

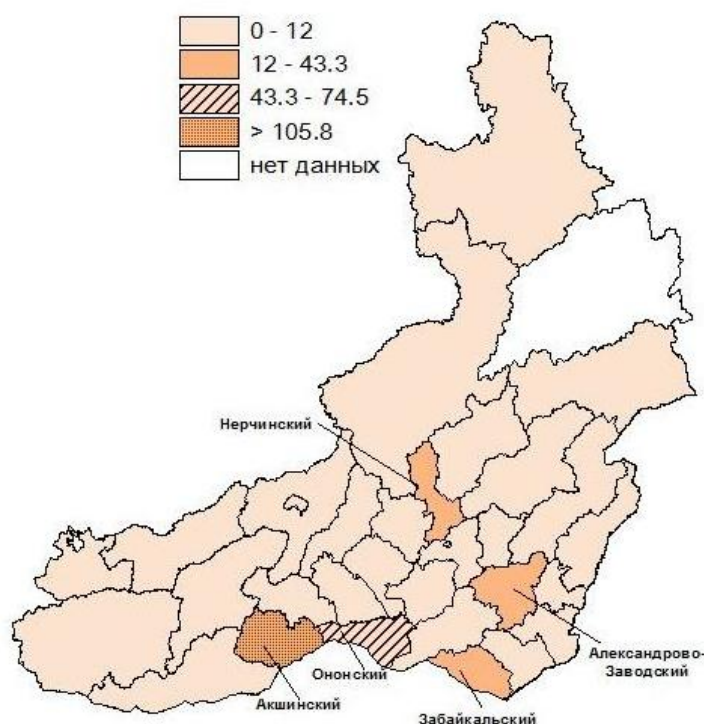

Рис. 1. Распределение показателя E_E^{OUT} по муниципальным районам Забайкальского края, 2013 г.

Величина фонда оплаты труда, рассчитанная на 1 кг выбросов загрязняющих веществ, характеризует соотношение между полученными в распоряжение населения доходами, которые будут направлены на удовлетворение собственных потребностей, и объемом выбросов загрязняющих веществ в атмосферу, часть из которых может оказывать негативное воздействие на здоровье проживающего на определенных территориях населения. В большей части районов экоинтенсивность, рассчитанная на

1 тыс. руб. фонда заработной платы района, превышает средние значения по Забайкальскому краю: 18 кг/тыс. руб. в 2009 г. и 12,85 кг/тыс. руб. в 2013 г. (рис. 3). Самые высокие значения показателя E_E^I наблюдаются в Оловянинском районе (124,76 кг/тыс. руб. в 2009 г. и 152,03 кг/тыс. руб. в 2013 г.), где проживает не более 2 % жителей Забайкальского края, но за счет действующей Харанорской ГРЭС производится 17 % (2013) выбросов загрязняющих веществ в атмосферу.

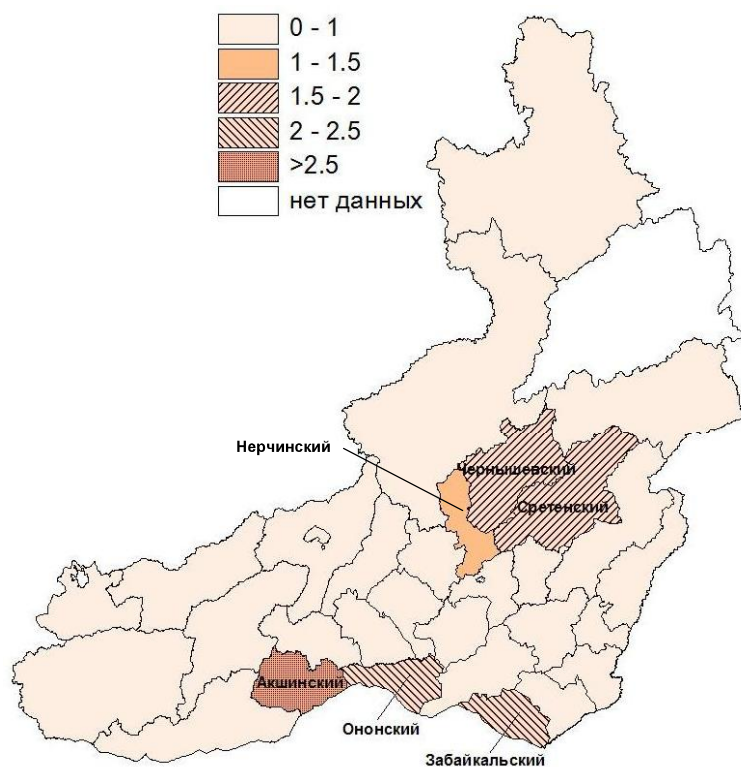

Рис. 2. Изменение показателя E_B^{OUT} за период с 2009 по 2013 гг.

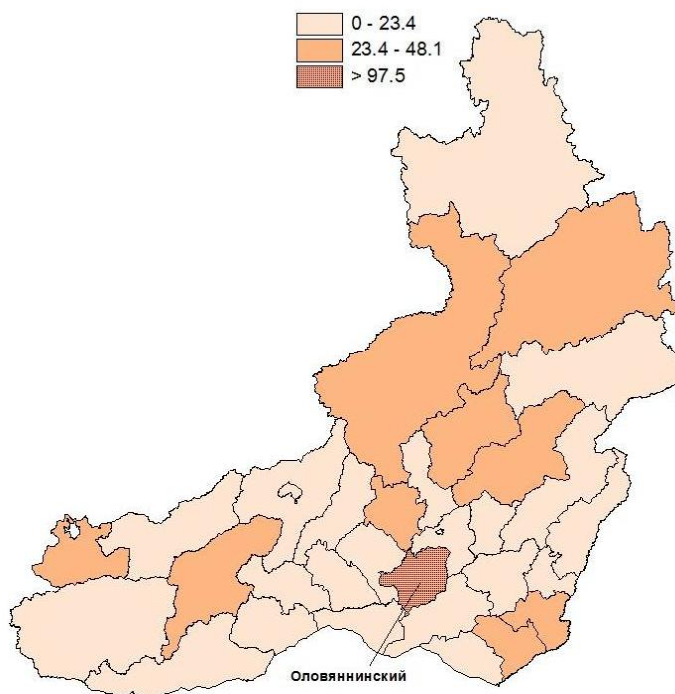

Рис. 3. Распределение показателя E_B^L по муниципальным районам Забайкальского края, 2013 г.

В большинстве районов отмечено сокращение показателя (рис. 4), однако в некоторых муниципальных образованиях наблюдается ощутимый рост удельного загрязнения атмосферы: в Тунгокоченском, Срегенском, Оловянинском (за счет пуска третьего энергоблока Харанорской ГРЭС), Агинском и Забайкальском районах. Во всех случаях рост экоинтенсивности E_E^L объясняется тем, что в результате экономического развития данных районов объем выбросов загрязняющих веществ в

атмосферу увеличивается быстрее, чем фонд оплаты труда. Сокращение экоинтенсивности E_E^L в большинстве районов края (за исключением Бaleyского, Борзинского, Кыринского, Могойтуйского, Могочинского, Ононского и Улетовского) происходит за счет роста фонда оплаты труда района. В районах-исключениях экоинтенсивность уменьшается за счет того, что сокращение эмиссии происходит быстрее, чем изменение фонда оплаты труда района.

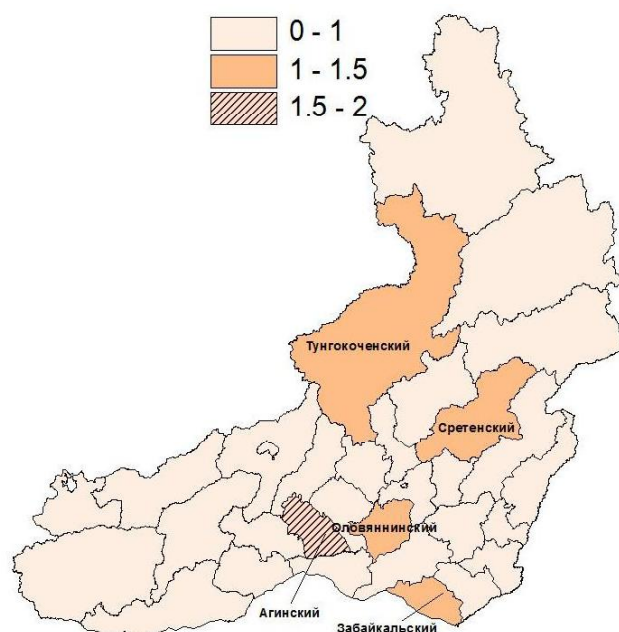

Рис. 4. Изменение показателя E_E^L за период с 2009 по 2013 гг.

Величина бюджетных доходов на 1 кг выбросов характеризует соотношение между полученными в распоряжение местных властей средствами, которые будут истрачены на осуществление государством своих функций и улучшение качества жизни населения, и объемом выбросов загрязняющих веществ в атмосферу, которые это качество потенциально ухудшают. Относительно невысокие значения наблюдаются лишь в некоторых районах края: в четырех муниципальных районах на 1 тыс. руб. собственных доходов бюджетов приходится до 5,4 кг загрязняющих атмосферу веществ. Наиболее неблагоприятная ситуация на-

блюдается в Оловянинском, Шилкинском и Краснокаменском районах (рис. 5), экоинтенсивность в которых значительно превышает средние значения по Забайкальскому краю (7,05 кг/тыс. руб. в 2009 г. и 5,5 кг/тыс. руб. в 2013 г.). Несмотря на то, что Оловянинский и Краснокаменский районы производят приблизительно одинаковое количество выбросов, Краснокаменский район находится в средней группе, что означает для него более высокий уровень поступлений в бюджет муниципального образования по сравнению с Оловянинским районом.

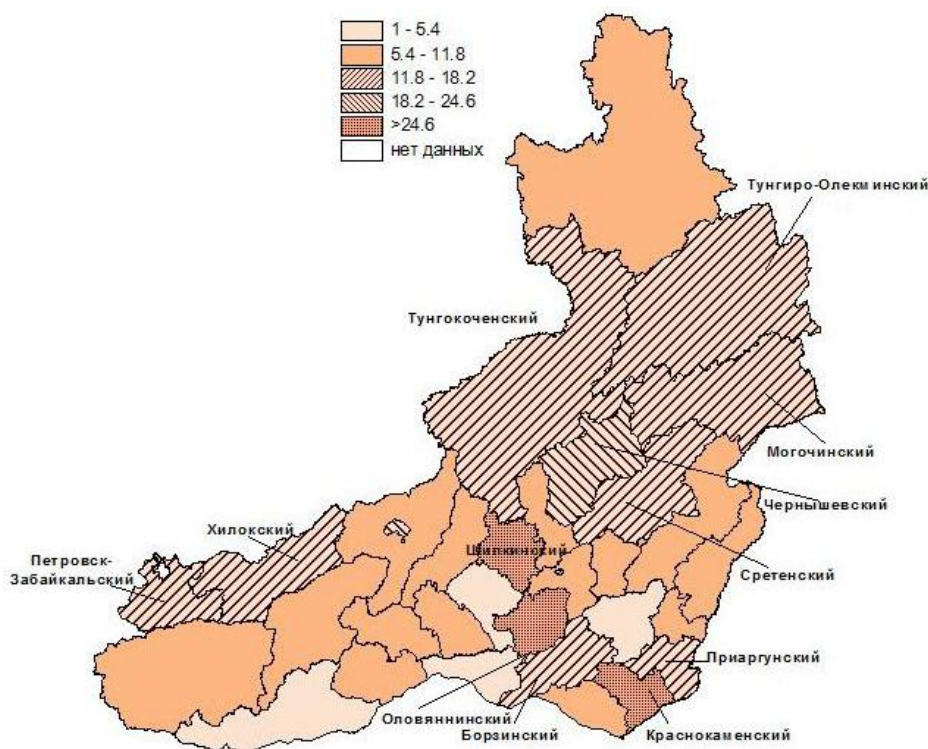

Рис. 5. Распределение показателя E_E^B по муниципальным районам Забайкальского края, 2013 г.

В большинстве районов наблюдается сокращение экоинтенсивности (рис. 6), обусловленное изменением доходов бюджета. Однако в некоторых муниципальных образованиях отмечен ощутимый рост удельного загрязнения атмосферы: г. Чита, Агинский, Забайкальский и Газимуро-Заводский районы. Во всех случаях рост экоинтенсивности E_E^B объясняется тем, что в результате экономического развития данных районов объем выбросов загрязняющих веществ в атмосферу увеличивается быстрее, чем собственные доходы муниципальных бюджетов. В двух районах – Газимуро-Заводском и Агинском – причиной является развитие промышленного производства. Так, в Агинском районе создается промышленный кластер и функционирует Новоорловский ГОК, в Газимуро-Заводском – расширяется производство продукции Новоширокинского рудника и ведутся работы по подготовке к запуску Быстринского ГОКа. Сокращение экоинтенсивности E_E^L в остальных районах края (за исключением Борзин-

ского и Могочинского) происходит за счет роста собственных доходов бюджета на фоне сокращения выбросов или опережения ими роста эмиссий (Краснокаменский, Дульдургинский, Каларский, Нерчинско-Заводский, Сретенский, Тунгиро-Олекминский и Тунгокоченский районы). В районах-исключениях экоинтенсивность уменьшается за счет того, что сокращение эмиссии в них происходит быстрее, чем спад экономического результата.

Основную часть собственных доходов бюджета на муниципальном уровне составляет НДФЛ и, несмотря на расширение промышленного производства, которое должно означать создание новых рабочих мест, косвенные эффекты, связанные с благосостоянием проживающего на данных территориях населения, распределяются следующим образом: негативный эффект (рост выбросов в атмосферу) проявляется сильнее, чем положительный (рост заработной платы и доходов бюджета).

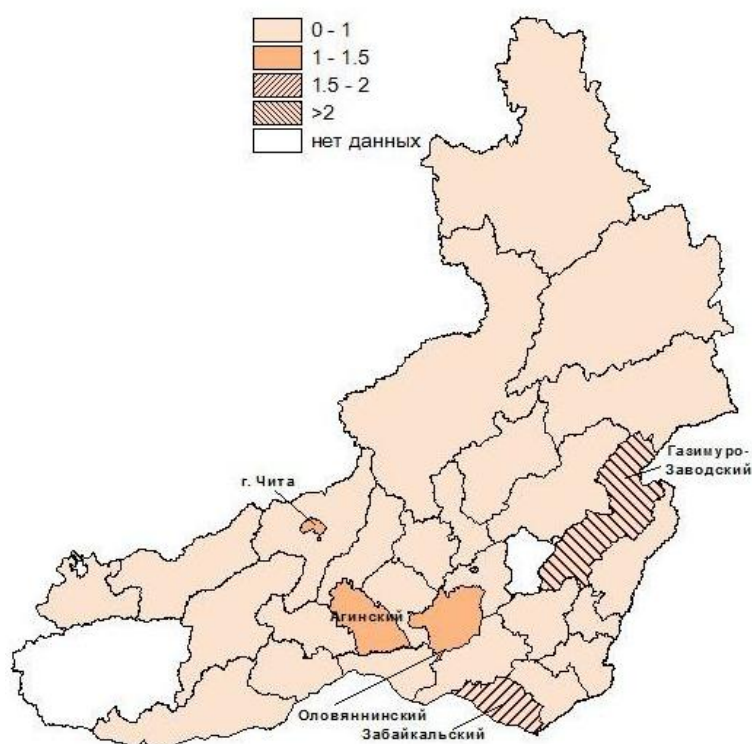

Рис. 6. Изменение показателя E_B^B за период с 2009 по 2013 гг.

Рассмотренный ранее набор индикаторов экоинтенсивности позволяет рассмотреть качество экономического роста в регионе и его муниципальных районах с разных точек зрения:

– как соотносятся объем производства предприятий и негативное воздействие на окружающую среду, оказываемое ими в процессе производства;

– как соотносятся доходы индивидуальных и негативное воздействие на окружающую среду, оказанное в процессе производства;

– как соотносятся доходы бюджетов (общества) и негативное воздействие на окружающую среду, оказанное в процессе производства.

Если выгоды от экономической деятельности в той или иной степени распределяются между всеми экономическими агентами, то последствия от загрязнения окружающей среды в большей степени отражаются на жизни и здоровье местного населения. На муниципальном уровне этот эффект прослеживается достаточно хоро-

шо: разница в объеме выбросов в расчете на 1 тыс. руб. отгруженных товаров, работ и услуг и начисленной заработной платой в районах достаточно высока, тем самым предприятия получают заметно большую выгоду от использования ассимиляционного потенциала региона, чем население. Практически во всех районах края (за исключением Александрово-Заводского, Агинского, Нерчинского, Забайкальского и Ононского районов) показатели экоинтенсивности в расчете на объем отгруженных товаров в несколько раз выше, чем рассчитанные на фонд оплаты труда или собственные доходы муниципальных бюджетов. В отдельных случаях разница составляет несколько десятков раз (например, Петровск-Забайкальский, Газимуро-Заводский, Тунгиро-Олекминский, Улетовский районы). Существующая модель бюджетного федерализма оставляет муниципальному уровню достаточно небольшой перечень собираемых налогов и сборов, в то время как выбросы загрязняющих веществ локализованы на определенной террито-

рии. В долгосрочном периоде с ростом объемов загрязняющих веществ, поступающих в природные среды, увеличивается нагрузка на основные внебюджетные фонды (ФОМС и ФСС) в связи с ростом расходов на лечение и выплат пособий по временной

нетрудоспособности. Поскольку рост основной составляющей муниципальных бюджетов (НДФЛ) происходит медленно, то в перспективе эти затраты могут оказаться больше.

Список литературы

1. Бобылев С.Н., Макеенко П.А. Индикаторы устойчивого развития России. М.: ЦПРП, 2001. 220 с.
2. Бобылев С.Н., Соловьева С.В., Ситкина К.С. Индикаторы устойчивого развития Уральского региона // Экономика региона. 2013. № 2. С. 10–17.
3. Глазырина И.П. «Программа 2018» в Забайкальском крае // Природный капитал и российско-китайские трансграничные отношения: перспективы и риски. Чита: ЗабГУ, 2014. С. 55–59.
4. Зандер Е.В., Пыжев А.И., Старцева Ю.И. Оценка устойчивости развития эколого-экономической системы региона при помощи индикатора «истинных сбережений» (на примере Красноярского края) // Экономика природопользования. 2010. № 2. С. 6–17.
5. Ильковский К.К.: «Главная цель форума «Приграничное сотрудничество – 2015» – реализация совместных инвестиционных инициатив» // Забайкальский край: официальный портал. Режим доступа: <http://www.zabaykalskiykray.ru/news/2015/11/16/30928.html> (дата обращения 27.11.2015).
6. Мазнева М.А. Экоинтенсивность // Экологические индикаторы качества роста региональной экономики. М.: НИИ-Природа, 2005. С. 126–147.
7. Мекуш Г.Е. Экономический рост и ущерб будущей экономике: опыт расчета истинных сбережений на региональном уровне // Экономика природопользования. 2006. № 6. С. 99–108.
8. Мкртчян Г.М., Тагаева Т.О. Экологическая политика: на пути к устойчивому развитию // ЭКО. 2012. № 7. С. 119–135.
9. Рюмина Е.В. Экологически скорректированный ВВП: сферы использования и проблемы оценки // Экономика региона. 2013. № 4. С. 107–115.
10. Рюмина Е.В., Аникина А.М. Экологически скорректированная оценка экономического развития регионов // Проблемы прогнозирования. 2009. Т. 113. № 2. С. 78–94.
11. Сарапулов А.А. Сравнительная экоинтенсивность горнорудных проектов на юго-востоке Забайкальского края // Кулагинские чтения: XI Междунар. научн.-практ. конф. (Ч. IV). Чита: ЗабГУ, 2011. С. 98–100.
12. Филатова Т.В. Экологический след // Экологические индикаторы качества роста региональной экономики. М.: НИИ-Природа, 2005. С. 54–77.
13. Филатова Т.В. Эко-эффективность как показатель качества экономического роста // Экологические индикаторы качества роста региональной экономики. М.: НИИ-Природа, 2005. С. 105–125.
14. Castaneda B. An index of sustainable economic welfare (ISEW) for Chile // Ecological Economics, 1999, no. 28, pp. 231–244.
15. Clarke M., Islam S. Diminishing and negative welfare returns of economic growth: an index of sustainable economic welfare (ISEW) for Thailand // Ecological Economics, 2005, no. 54, pp. 81–93.
16. Zander Ye.V., Startseva Yu.I., Pyzhev A.I. Green GRP as a macroeconomic indicator of economic growth of a region (by the example of Krasnoyarsk Krai) // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 3. № 3. С. 382–387.

List of literature

1. Bobylev S.N., Makeenko P.A. *Indikatoriy ustoychivogo razvitiya Rossii* [Indicators of sustainable development of Russia]. Moscow: CPRP, 2001. 220 p.
2. Bobylev S.N., Solovieva S.V., Sitkina K.S. *Ekonomika regiona* (Economy of the region), 2013, no 2 (34), pp. 10–17.
3. Glazyrina I.P. «Programma 2018» v Zabaykalskom krae [«The program 2018» in Transbaikalian region]: Natural capital of a region and the Russian-Chinese transboundary cooperation: perspectives and risks. Chita: ZabGU, 2014, pp. 55–59.
4. Zander E.V., Pyzhev A.I., Starceva Yu.I. *Ekonomika prirodopolzovaniya* (Economics of natural resources management), 2010, no 2, pp. 6–17.

5. Ilkovsky K.K.: «Glavnaya tsel foruma «Prigranichnoe sotrudnichestvo – 2015» – realizatsiya sovme-
stnyh investitsionnyh initsiativ» (Ilkovsky K.K.: «The main purpose of the forum «Cross – border coopera-
tion – 2015» is realization of investment initiatives») Available at: [http://www.забайкальскийкрай.рф/
news/2015/11/16/30928.html](http://www.забайкальскийкрай.рф/news/2015/11/16/30928.html) (accessed 27 November 2015).
6. Mazneva M.A. *Ekointensivnost* [Ecointensity]: Quality of growth indicators for regional economies).
Moscow: NIA-priroda, 2005, pp. 126–147.
7. Mekush G.E. *Ekonomika prirodopolzovaniya* (Economics of natural resources management), 2006, no 6,
pp. 99–108.
8. Mkrtchyan G.M., Tagaeva T.O. *EKO* (ECO), 2012, no 7, pp. 119–135.
9. Ryumina E.V. *Ekonomika regiona* (Economy of the region), 2013, no 4, pp. 107–115.
10. Ryumina E.V., Anikina A.M. *Problemy prognozirovaniya* (Problems of forecasting), 2009, no 2, vol. 113,
pp. 78–94.
11. Sarapulov A.A. *Kulaginskie chteniya: XI Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya*
(Proc. of the XI Int. conf. «Kulagin readings»). Chita, 2011, pp. 98–100.
12. Filatova T.V. *Ekologicheskij sled* [Ecological footprint]: Quality of growth indicators for regional econ-
omies. Moscow: NIA-prirodgha, 2005, pp. 54–77.
13. Filatova T.V. *Ekoeffektivnost kak pokazatel kachestva ekono-micheskogo rosta* [Ekologicheskie in-
dikatory kachestva rosta regionalnoy ekonomiki]: Quality of growth indicators for regional economies. Moscow:
NIA-priroda, 2005, pp. 105–125.
14. Castaneda B. *Ecological Economics* (Ecological Economics), 1999, no. 28, pp. 231–244.
15. Clarke M., Islam S. *Ecological Economics* (Ecological Economics), 2005, no. 54, pp. 81–93.
16. Zander Ye.V., Startseva Yu.I., Pyzhev A.I. *Journal of Siberian Federal University: Humanities and*
Social Sciences (Journal of Siberian Federal University: Humanities and Social Sciences), 2010, no. 3, vol. 3,
pp. 382–387.

Коротко об авторах

Забелина Ирина Александровна, канд. экон. наук, научный сотрудник (ИПРЭК СО РАН), доцент, Институт при-
родных ресурсов, экологии и криологии СО РАН, Забайкальский государственный университет, Чита, Россия. Область
научных интересов: экономика природопользования, региональная экономика, экологическая экономика, межрегио-
нальное неравенство, экологическая нагрузка
i_zabelina@mail.ru

Клевакина Екатерина Александровна, канд. экон. наук, научный сотрудник, доцент, Институт природных ресур-
сов, экологии и криологии СО РАН, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных
интересов: региональная экономика, экологическая экономика, информационная система, межрегиональная диффе-
ренциация
bedew@yandex.ru

Briefly about the authors

Irina Zabelina, candidate of economic sciences, researcher, associate professor, Institute of Natural Resources, Ecology
and Cryology SB RAS, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: environmental economics,
regional economics, ecological economics, interregional inequality, environmental pressure

Ekaterina Klevakina, candidate of economic sciences, researcher, associate professor, Institute of natural resources, ecology
and cryology SB RAS, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: regional economics, ecological
economics, information system, interregional inequality

Образец цитирования

Забелина И.А., Клевакина Е.А. Экологические показатели качества экономического роста в Забай-
кальском крае // Вестн. Заб. гос. ун-та. 2016. Т. 22. № 3. С. 101–111.

УДК 332.1

СЦЕНАРИИ ИЗМЕНЕНИЯ УРОВНЯ БЛАГОСОСТОЯНИЯ В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ КРАЕ НА ПЕРИОД 2016–2020 гг.

SCENARIOS OF WELFARE CHANGE IN TRANSBAIKAL REGION IN THE PERIOD OF 2016–2020

*Л. Б. Ковальчук, Читинский институт Байкальского государственного
университета экономики и права, г. Чита, Россия
kovalchuklb@mail.ru*

L. Kovalchuk, Chita Institute of Baikal State University of Economics and Law, Chita, Russia

Региональное благосостояние представлено как совокупный результат процессов, протекающих в экономической и социальной сферах. Рассматриваются процессы, способствующие росту благосостояния, и процессы, рассеивающие ресурсы и обуславливающие снижение уровня регионального благосостояния. Показано, что рассеивание ресурсов происходит при взаимодействии с внешней средой. Проанализированы процессы в экономической и социальной сферах. Установлено, что взаимодействие аквизитивных и диссипативных процессов носит согласованный характер. Показано, что согласованность данных процессов проявляется в совпадении пиков и спадов в динамике их результативности. Совпадение пиков и спадов обуславливает рост регионального благосостояния, так как повышает результативность совокупного регионального процесса. Разнофазовая динамика результативности региональных процессов приводит к замедлению роста благосостояния или его снижению в определённые периоды.

С учётом механизмов взаимодействия данных процессов получен прогноз изменения уровня регионального благосостояния в Забайкальском крае к 2020 г. Показано, что уровень благосостояния населения региона в указанном периоде будет неуклонно снижаться.

Представлены факторы, обуславливающие снижение уровня регионального благосостояния в прогнозном периоде. В число данных факторов включены низкая активность процессов, формирующих блага, и достаточно высокая активность процессов, рассеивающих ресурсы региональной системы. Обоснованы возможности и механизмы его повышения. К данным механизмам отнесены когерентность процессов и сбалансированность процессов регионального и социального благосостояния. Отмечено, что каждый из предложенных вариантов повышения благосостояния имеет определённые преимущества, использование которых позволяет разработать стратегию повышения уровня регионального благосостояния. Показано, что пессимистический сценарий станет наиболее вероятным вариантом развития событий

Ключевые слова: уровень благосостояния, аквизитивный процесс, диссипативный процесс, когерентность, результативность, сценарий, стратегия, прогноз

Regional welfare is presented as an aggregated result of the processes that take place in economic and social shares of the region. The article dwells upon the processes that propels the growth of the welfare and the processes that slowdowns it. It is shown that inner factors cause dissipation of resources. The processes that take place in social and economic shires of the region are analyzed. It is proved that acquisition and dissipation processes are coherent. Coherency of the processes in its turn results in the aggregated results of the processes. Coherency of the processes is viewed as a mechanism of regional welfare improvement. The prognoses of the changes of the welfare in Transbaikal region are given in the article. It is shown that the level of welfare in the period of 2016–2020 will decrease. The factors of its decrease are figured out. These factors include low activity of acquisition processes, contributing welfare construction and dissipation processes that slowdowns welfare construction. The ways and possibilities to raise the welfare are shown. The advantages of every possibility are given. It is stated that each of the given possibility may be used to make up a strategy of raising regional welfare. It is shown that the most obvious way to raise regional welfare is a pessimistic scenario

Key words: level of welfare, acquisition processes, dissipation processes, coherency, results of the processes, scenario, strategy, prognoses

Для обеспечения полноценной жизни и развития населения региона необходим динамичный рост и качественное улучшение благосостояния [2. С. 97]. Формирование благосостояния, как нам представляется, является совокупным результатом процессов, протекающих в экономической и социальной сферах региона. Анализ процессов формирования благосостояния, протекающих в Забайкальском крае и соседних с ним регионах, показывает, что повышение результативности процессов развития (акquisитивных процессов) на основе расширения номенклатуры и объёма входных ресурсов сопровождается рассеиванием части данных ресурсов (диссипацией). Активная диссипация приводит к появле-

нию барьеров для роста благосостояния и замедляет социально-экономическое развитие [6]. При этом полностью устранить диссипацию и остановить диссипативные процессы невозможно, так как формирование благосостояния происходит при взаимодействии с внешней средой, факторы которой и вызывают диссипацию.

В целях определения возможности повышения уровня благосостояния в Забайкальском крае в сложившихся условиях определим базовый сценарий изменения уровня благосостояния. С учётом сложившихся тенденций, методом наименьших квадратов получен прогноз изменения уровня благосостояния (базовый сценарий) в Забайкальском крае с 2015 по 2020 г. (рис. 1).

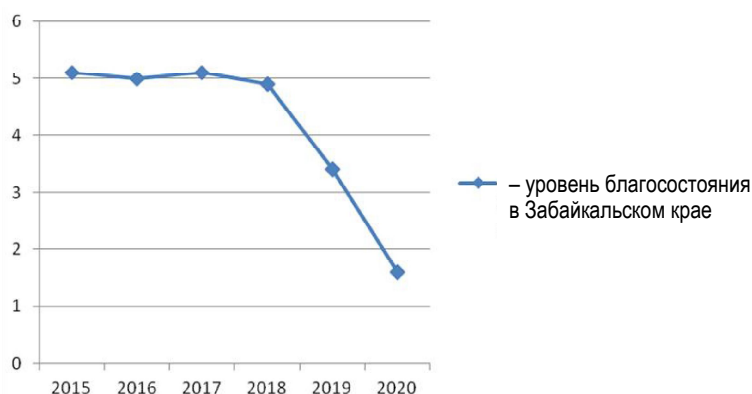

Рис. 1. Динамика уровня благосостояния в Забайкальском крае к 2020 г.

Как показано на рис. 1, при существующих в крае процессах развития и диссипации к 2020 г. ожидается резкое снижение уровня благосостояния. Наиболее заметное отрицательное влияние на уровень благосостояния оказывают процессы, протекаю-

щие в социальной сфере. К данным процессам относятся акquisитивный процесс развития предпринимательства и диссипативный процесс маргинализации населения, которые согласованы в фазе спада (рис. 2).

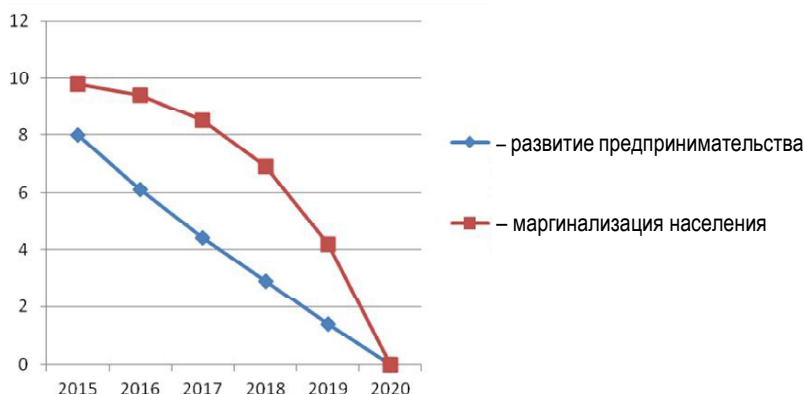

Рис. 2. Когерентность процессов развития предпринимательства и маргинализации населения

Кроме данных процессов, отрицательное влияние на уровень формирования благосостояния оказывает когерентность акquisитивных процессов в противофазе («условие минимума»), которая вызывает

стагнацию в социальном развитии, так как сопровождается постоянным перераспределением ресурсов входа между процессами (рис. 3).

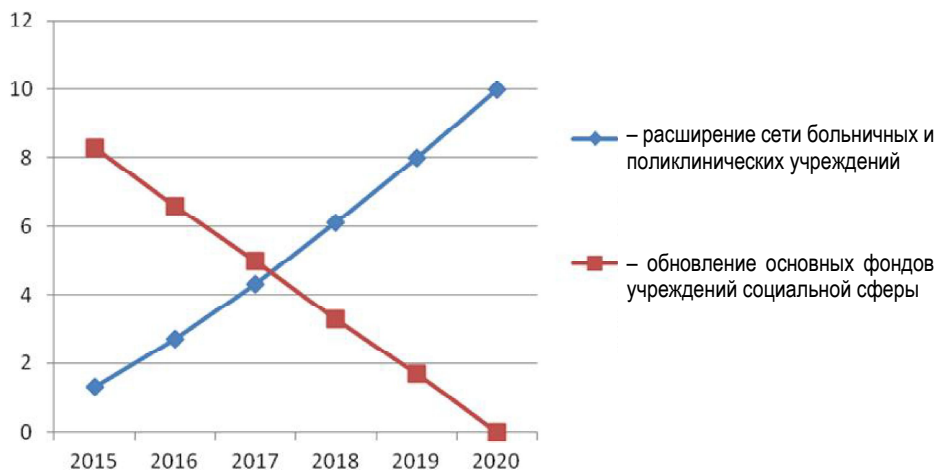

Рис. 3. «Условие минимума» акquisитивных процессов в социальной сфере Забайкальского края

Перераспределение ресурсов не вызывает роста количества и/или качества благ. Постоянное перераспределение ресурсов входа между акquisитивными процессами

вызывает их рассеивание, что обуславливает рост диссипации и согласованность данных процессов в одинаковой фазе (рис. 3).

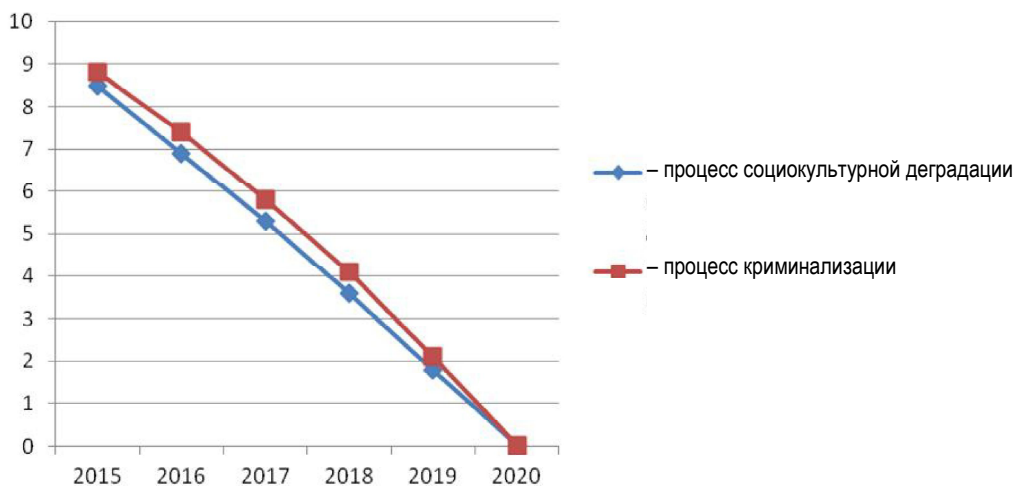

Рис. 4. «Условие максимума» диссипативных процессов

С точки зрения формирования благосостояния, «условие минимума», которое возникает между данными процессами, будет иметь весьма тяжёлые последствия: сокращение более чем в три раза в структу-

ре благосостояния потребностей, обуславливающих развитие, и повышение доли потребностей, обеспечивающих жизнедеятельность (рис. 3).

При этом дисбаланс между потребностями развития и поддержания жизнедеятельности, в свою очередь, приведёт к углублению социально-экономического застоя, который имеет место в Забайкальском крае.

В экономической сфере возможен рост результативности отдельных акquisитивных процессов. Рост данным процессам обеспечивает когерентность акquisитивных процессов, совпадение фаз которых образует «условие максимума» (рис. 4).

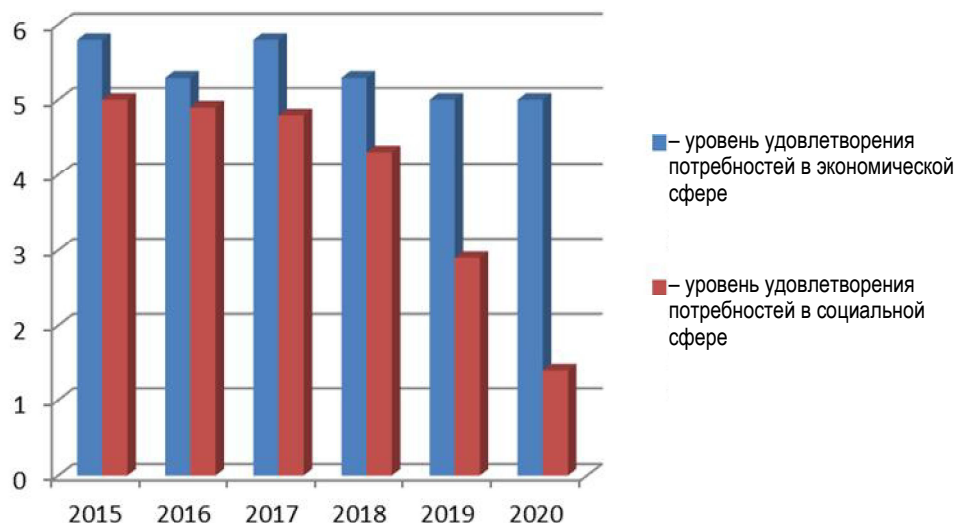

Рис. 5. Прогноз изменения сбалансированности потребностей в экономической и социальной сферах

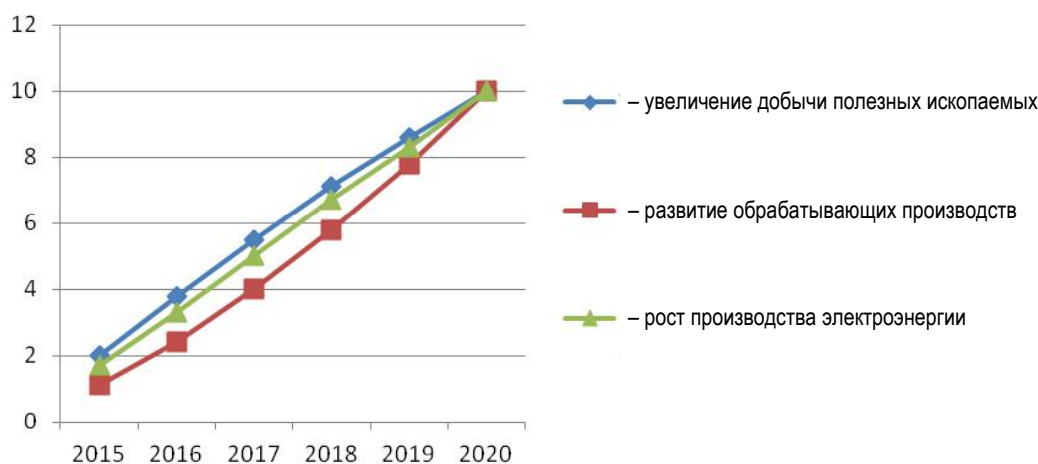

Рис. 6. Прогнозная когерентность акquisитивных процессов в экономической сфере

При этом данные процессы не вызовут роста материального благосостояния, так как диссипативные процессы также фор-

мируют «условие максимума», которое способно вызвать резкое снижение их результативности (рис. 7).

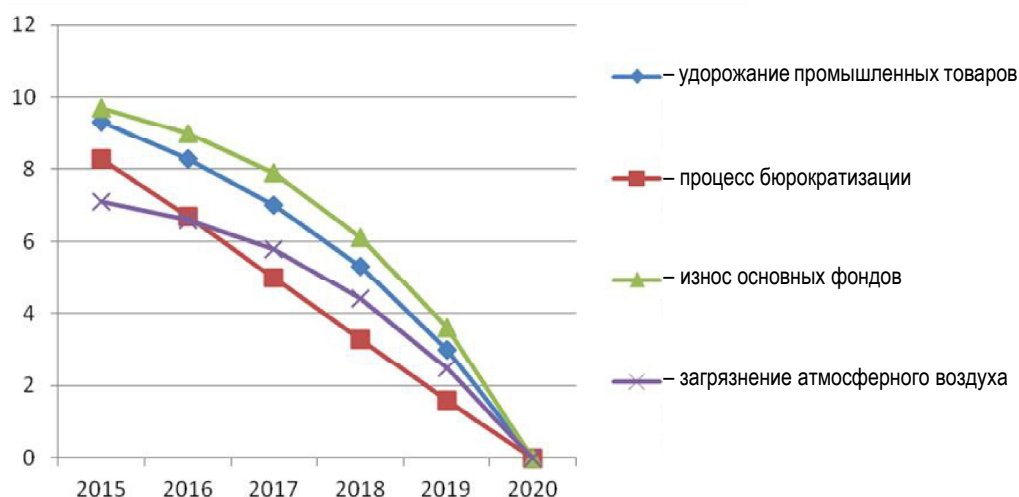

Рис. 7. Прогнозная когерентность диссипативных процессов в экономической сфере

Когерентные диссипативные процессы с отрицательной динамикой, протекающие в экономической сфере, будут активно формировать препятствия для роста материального благосостояния, интенсивно рассеивая ресурсы, поступающие в процессор ресурсной системы. Отрицательное влияние на формирование материального благосостояния, по прогнозу, окажут и аквизитивные процессы, имеющие отрицательную динамику. К этим процессам относятся развитие жилищного строительства, улучшение жилищных условий, инновационный процесс. Снижение результативности данных процессов обуславливают сокращение количества благ, необходимых для удовлетворения таких потребностей, как потребность в жилье, транспортной мобильности.

В условиях кризиса национальной экономики возможности повышения уровня благосостояния в Забайкальском крае следует искать, в первую очередь, во взаимодействии элементов региональной системы. Представляется, что в системе региональных процессов механизмами повышения уровня благосостояния являются, во-первых, когерентность процессов, во-вторых, — сбалансированность материального и социального благосостояния. Использование данных механизмов позволяет разрабатывать различные сценарии и варианты

повышения уровня регионального благосостояния.

Считаем, что можно выделить три варианта использования механизма когерентности процессов в целях повышения уровня регионального благосостояния.

1. Добиться когерентности максимально возможного количества процессов, направленных на удовлетворение одной потребности как в группе аквизитивных, так и в группе диссипативных процессов.

2. Остановить снижение уровня удовлетворения потребностей за счёт формирования «условия минимума» между аквизитивными и/или диссипативными процессами.

3. Получить скачкообразный рост результативности процессов, направленных на удовлетворение одной потребности, за счёт формирования «условия максимума» между аквизитивными и диссипативными процессами.

В отношении благосостояния населения Забайкальского края использование представленных вариантов позволяет реализовать три возможных сценария повышения его уровня.

Пессимистический сценарий заключается в использовании механизма когерентности для стабилизации отрицательной динамики отдельных аквизитивных и

диссипативных процессов, что позволит сохранить достигнутый уровень благосостояния и сформировать резервы для его наращивания в будущем. Реалистичский сценарий заключается в использовании механизма когерентности для повышения результативности отдельных процессов с отрицательной динамикой до среднего уровня, что позволит сбалансировать региональные процессы и обеспечить умеренный рост регионального благосостояния к 2019 г. Оптимистичский сценарий предполагает использование механизма когерентности большинства процессов для достижения высокого уровня их результативности. Высокий уровень результативности большинства региональных процессов позволит достичь сбалансированности и устойчивого роста регионального благосостояния.

В целом, оценивая возможности повышения уровня регионального благосостояния с помощью представленных сценариев, можно сделать следующие выводы.

1. Использование пессимистического сценария наиболее вероятно в условиях высокой инерционности большинства процессов в экономической и социальной сферах, имеющих отрицательную динамику. При этом, в Забайкальском крае инерционность данных процессов обуславливает глубокое снижение уровня благосостояния, восстановление которого при данном сценарии возможно не ранее 2020 г. Возможности роста в сценарии ограничены, что связано с несбалансированностью, неустойчивостью элементов благосостояния, заметным отставанием социального благосостояния, доминированием материальных потребностей. Использование данного сценария возможно в условиях недостатка ресурсов входа, высокого уровня диссипации. Восстановление уровня благосостояния возможно за счёт использования механизма когерентности процессов и перераспределения ресурсов входа от диссипативных к аквизитивным процессам.

2. Реалистичский сценарий позволит удержать и незначительно повысить уровень регионального благосостояния. Использование реалистического сценария

ориентировано на достаточно высокую инерционность отрицательной динамики результативности процессов экономической и социальной сфер. В Забайкальском крае использование реалистического сценария предполагает сохранение приоритетов за процессами экономической сферы и удовлетворением потребностей жизнеобеспечения (в продовольствии, жилье, финансовой независимости). При этом данный сценарий позволяет также достаточно активно удовлетворять потребности социальной сферы, в частности в здоровом образе жизни, знаниях о культуре, то есть потребности развития. Реализация названного сценария предполагает использование механизма когерентности процессов, перераспределения ресурсов входа от диссипативных к аквизитивным процессам, а также перераспределения ресурсов между экономикой и социальной сферами. Кроме того, для удержания положительных тенденций необходимо привлечение ресурсов из внешней среды.

3. Оптимистичский сценарий ориентирован на улучшение ситуации, то есть на значительное повышение уровня регионального благосостояния. Для Забайкальского края реализация оптимистического сценария может означать повышение уровня благосостояния от неустойчиво среднего до стабильно высокого. Изменение уровня благосостояния обусловит изменения в его структуре: приоритетным будет удовлетворение потребностей социальной сферы. При этом, между материальным и социальным благосостоянием установится баланс, который обеспечит устойчивость благосостояния в долгосрочной перспективе. Для реализации оптимистического сценария потребуется не только задействовать резервы региональной системы за счёт перераспределения ресурсов входа между процессами, но и привлечь дополнительные ресурсы из внешней среды. Учитывая кризисное состояние российской экономики, реализация оптимистического сценария представляется достаточно проблематичной.

Учитывая, что каждый из вариантов имеет определённые преимущества, стра-

тегия повышения уровня регионального благосостояния может включать все три сценария, реализация которых может осуществляться последовательно, начиная с

пессимистического, формируя этапы, необходимые для перехода на более высокий уровень.

Список литературы

1. Гаджиев Ю.А., Акопов В.И., Крестовских Т.С. Экономика северных регионов России: инвестиции в основной капитал // Проблемы прогнозирования. 2012. № 5. С. 86–99.
2. Гапоненко А.Л. Стратегическое планирование социально-экономического развития региона // Пространственная экономика. 2005. № 4. С. 40–53.
3. Громова Н.М., Громова Н.И. Основы экономического прогнозирования. М.: Академия Естественных наук, 2006.
4. Гулин К.А. К вопросу о социально-экономической модернизации российских регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции. Прогноз. 2012. № 4. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sotsialno-ekonomicheskoy-modernizatsii-rossiyskih-regionov> (дата обращения 02.12.2015).
5. Гутман Г., Мироедов А., Федин С. Управление региональной экономикой. М.: Финансы и статистика, 2001. 176 с.
6. Климанов В.В. Региональные системы и региональное развитие. М.: Едиториал УРСС, 2004. 296 с.
7. Корытова Е.В., Ванчикова Е.Н. Мониторинг процессов социально-экономического развития региона: монография. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2012. 207 с.
8. Лялина И.Р., Галкина Е.Э. Обеспечение комплексного развития региона: воспроизводственный аспект // Социально-экономические явления и процессы, 2011. № 7. С. 123.
9. Материалы Правительства Забайкальского края. Режим доступа: <http://council.gov.ru> (дата обращения 15.11.2015).
10. Сафиулин А.Р. Методологические подходы к оценке качества формирования благосостояния населения // Современные наукоемкие технологии. 2007. № 3. С. 97.
11. Световцева Т.А. Занятость населения и социально-политическая стабильность // Социально-политическая безопасность: федеральный и региональные аспекты: материалы конф. Курск, 1999.

List of literature

1. Gadzhiev Yu.A., Akopov V.I., Krestovsky T.S. *Problemy prognozirovaniya* (Problems of forecasting), 2012, no. 5, pp. 86–99.
2. Gaponenko A.L. *Prostranstvennaya ekonomika* (Spatial economics), 2005, no. 4, pp. 40–53.
3. Gromova N.M., Gromova N.I. *Osnovy ekonomicheskogo prognozirovaniya* [Foundations of economic forecasting]. Moscow: Academy of Natural Sciences, 2006.
4. Gulina K.A. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* (Economic and social changes: facts, trends, forecast), 2012, no. 4 Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/kvoprosuosotsialno-ekonomicheskoymodernizatsiiossiyskihregionov> (accessed 02.12.2015).
5. Gutman G., Miroedov A., Fedin S. *Upravlenie regionalnoy ekonomikoy* [Management of regional economies]. Moscow: Finance and Statistics, 2001. 176 p.
6. Klimanov V.V. *Regionalnye sistemy i regionalnoye razvitie* [Regional systems and regional development]. Moscow: Editorial URSS, 2004, p. 296.
7. Korytova E.V., Vanchikova E.N. *Monitoring protsessov sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya regiona* [Monitoring of processes of social and economic development of the region]: monograph. Ulan-Ude: Publishing house of VSGUTU, 2012. 207 p.
8. Lyalina I.R., Galkina E.E. *Sotsialno ekonomicheskie ayvleniya i protsessy* (Socio-economic phenomenon and processes), 2011, no. 7, p. 123.
9. Materialy Pravitelstva Zabaykalskogo kraja (Documents and articles of the Government of the Transbaikal region) Available at: <http://council.gov.ru> (accessed 10.11.2014).
10. Safiulin A.R. *Sovremennye naukoemkiey tehnologii* (Modern scientific consuming technologies), 2007, no. 3, p. 97.
11. Svetovtseva T.A. *Sotsialno-politicheskaya bezopasnost: federalny i regionalnye aspekty* (Sociopolitical security: federal and regional aspects): Materials Conf. Kursk, 1999.

Коротко об авторе _____ **Briefly about the author**

Ковальчук Людмила Борисовна, канд. экон. наук, доцент, заместитель директора по науке, Читинский институт Байкальского государственного университета экономики и права, г. Чита, Россия. Область научных интересов: проблемы развития региональной экономики, исследование региональных социально-экономических процессов, проблемы использования ресурсного потенциала региональной системы
kovalchuklb@mail.ru

Ludmila Kovalehuk, candidate of economic sciences, associate professor, deputy director for science, Institute of Chita Baikal State University of Economics and Law, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: problems of the regional economy development, study of regional socio-economic processes, problems of resource potential use of the regional system

Образец цитирования _____

Ковальчук Л.Б. Сценарии изменения уровня благосостояния в Забайкальском крае на период 2016–2020 гг. // Вестн. Заб. гос. ун-та. 2016. Т. 22. № 3. С. 112–119.

УДК 330.322, 332.1

РАЗРАБОТКА МЕТОДИКИ АНАЛИЗА ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНОВ НА ПРИМЕРЕ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ВХОДЯЩИХ В СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

THE METHODOLOGY'S DEVELOPMENT FOR ANALYSIS OF INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF SIBERIAN REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

*В.С. Щербаков, Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия*

V. Scherbakov, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk, Russia

Инвестиции являются одним из ключевых элементов роста экономических систем, в том числе на региональном уровне. При этом установлено, что одним из факторов активизации инвестиционных процессов является состояние инвестиционной привлекательности. Представлен авторский подход к анализу инвестиционной привлекательности регионов Российской Федерации. Показано, что разного рода рейтинги широко применяются для анализа инвестиционной привлекательности как на страновом, так и на региональном уровне. В ходе исследования данного вопроса выявлено, что на данный момент в России отсутствует единый, общий рейтинг инвестиционной привлекательности на региональном уровне. Разработана методика оценки инвестиционной привлекательности регионов России, отличительной чертой которой является построение интегрального показателя для конкретного региона на основе вычисления среднегеометрического значения рангов положения региона в существующих рейтингах инвестиционной привлекательности. По сути, данная методика построения рейтинга является одним из вариантов такого экономического метода, как метод суммы мест. Показано, что применение такого подхода является вполне допустимым, так как процедуры ранжирования применяются к совокупности однородных объектов (регионов) и цели ранжирования совпадают (оценка инвестиционного климата/инвестиционной привлекательности). Представляется, что такой подход дает более полное описание текущей ситуации, позволит не зависеть от одной точки зрения, одного источника информации. Динамика изменения положения регионов, согласно представленному рейтингу инвестиционной привлекательности, показана на примере субъектов, входящих в Сибирский федеральный округ. Отмечено, что относительно лучшую динамику развития инвестиционного климата в своих регионах за рассматриваемый период показали Республика Бурятия и Алтайский край

Ключевые слова: инвестиционная привлекательность, регион, рейтинги

It is known that investment is one of the key elements in development of economic systems, including regions. At the same time it is shown that one of the core factors of investment processes' activation is investment attractiveness. The author presents his approach to the analysis of investment attractiveness of the Russian Federation's regions in this article. It was found that ratings are widely used for consideration of countries and regions' development. Nowadays there is no common and united rating in Russia. The author has developed the special methodology for that purposes. The main feature of the author's methodology is the fact that this rating integrates current ratings and is calculated by geometric mean. This methodology can be treated as one of the total placing method's variation. It is shown that this approach can be used because all ratings explore the same object – regions and aims of these rating are equal – an analysis of investment attractiveness of the Russian Federation's regions. It is believed that this approach represents more real description of situation; it does not allow depending on the only one opinion, the only one source of information. The dynamics accordingly to the author's methodology is shown by the example of Siberian regions of the Russian Federation. It is established that relatively better dynamics was demonstrated by such regions as Buryat Republic and Altay Kray

Key words: investment attractiveness, region, ratings

В настоящее время принято считать, что именно развитие регионов может привести к запуску «рывкового эффекта» (push effect) в экономическом росте национальной экономики в целом [12]. По нашему мнению, именно активизация инвестиционных процессов, особенно на субнациональном уровне, может стать предпосылкой долгосрочного регионального и, как следствие, странового роста Российской Федерации в этот экономически сложный период.

При изучении проблемы соотношения «сбережения – инвестиции – экономический рост» в развивающихся странах К. Schmidt-Hebbel, L. Senien, A. Solimano приходят к выводу, что инвестиции и инновации по-прежнему остаются основной составляющей процесса роста [11].

В ходе своего исследования Young пришел к выводу, что при прочих равных условиях впечатляющий рост почти всех новых индустриальных стран (NIC) в период с 1960 по 1985 гг. объясняется не сопоставимым увеличением производительности труда в промышленной отрасли, а физическим расширением инвестиций и занятости в производстве [10]. С другой стороны, X. Sala-i-Martin и E. Artadi на примере стран Арабского мира показали, что при прочих равных условиях для экономического роста важнейшей характеристикой осуществляемых инвестиций в основной капитал является не их количество, а качество [13]. Несмотря на, казалось бы, разные выводы данных авторов, они подтверждают тезис о важнейшей роли инвестиций в процессе интенсификации экономического роста любой экономической системы, в том числе и региона.

В рамках настоящей статьи понятия «инвестиционная привлекательность» и «инвестиционный климат» используются в качестве синонимов. А.В. Припутнев и Б.М. Жуков в ходе своего исследования сущности и основных содержательных характеристик такого понятия, как «инвестиционный климат» приходят к выводу, что, несмотря на широту приводимых определений, на данный момент не достигнуто единство в понимании инвестиционного клима-

та региона как явления и экономической категории. Согласно мнению этих авторов, одной из наиболее распространенных позиций является отождествление понятий «инвестиционный климат» и «инвестиционная привлекательность». Данной точки зрения придерживаются, в том числе аналитики рейтингового агентства «Эксперт», такие исследователи, как Е.Г. Ясин, Л.М. Григорьев, А.В. Косыгина и др. [4].

Л.С. Валинурова и О.Б. Казакова рассматривают инвестиционную привлекательность как комплексный индикатор режима благоприятствования для инвестора [1]. При этом, повышение инвестиционной привлекательности само по себе не является конечной целью. Главная задача состоит в повышении инвестиционной привлекательности до уровня, обеспечивающего необходимый региону приток инвестиций.

Представляется, что для активизации инвестиционных процессов в регионах либо интенсификации данных процессов следует изначально понимать, на каком уровне находится развитие регионов, какова их инвестиционная привлекательность. Другими словами, перед тем как реализовать какую-либо государственную политику на уровне определенного региона в области привлечения инвестиций, следует понять относительную стартовую позицию данного региона по сравнению с другими, выявить слабые и сильные стороны, а также точки роста.

Действенным инструментом для оценки инвестиционной привлекательности является применение различного рода рейтингов. Рейтингование обычно даёт взвешенную, комплексную оценку объекта исследования.

Для осуществления задач региональной политики необходимо построение типологий (классификаций) регионов. Это является важным элементом для системного описания и анализа социально-экономического положения регионов. При этом, под типологизацией, или классификацией регионов понимается выделение и группировка региональных образований по определенным признакам [7].

В свою очередь, классификации регионов, в отличие от региональных рейтингов, разрабатываются не для того, чтобы давать территориям однозначные оценки по какому-либо параметру (лучше/хуже, перспективно/бесперспективно). Они призваны помочь определить цели региональной политики, ее объекты. Рейтинги же используются для мониторинга текущей ситуации в регионах, демонстрации их потенциала, а также оценки успешности проведения региональной политики [5].

На уровне стран для оценки конкурентоспособности государств, в том числе оценки их инвестиционной привлекательности, широко применяется, например, такой рейтинг, как «Рейтинг глобальной конкурентоспособности» (the Global Competitiveness Index). Для расчета данного рейтинга используются 12 составляющих, среди которых можно выделить анализ инфраструктуры, институтов, макроэкономической обстановки, развитие финансовых рынков и т.д. Данный рейтинг составляется на ежегодной основе Всемирным Экономическим Форумом [9]. По итогам рейтинга на 2014–2015 гг. Российская Федерация занимает 53 место, находясь по соседству с такими странами, как Болгария и Филиппины. Первые три места в рейтинге занимают Швейцария, Сингапур и США.

Кроме этого, среди международных рейтингов, оценивающих и сопоставляющих страновое развитие, особое значение имеет «Doing Business» рейтинг, составляемый Всемирным Банком. По сути, основная задача данного рейтинга – это объективная оценка нормативно-правовых актов, регулирующих предпринимательскую деятельность, и обеспечение их соблюдения в 189 странах. Каждой стране присваивается соответствующая позиция в рейтинге благоприятности условий ведения бизнеса. Таким образом, чем выше позиция страны в рейтинге благоприятности условий ведения бизнеса, тем благоприятнее предпринимательская среда для открытия и функционирования предприятия. Так, по данным на 2015 г., Российская Федерация занимает 62 место в представленном рей-

тинге. Первые места в рейтинге отведены Сингапуру, Новой Зеландии и Гонконгу.

В 2012 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем указе «О долгосрочной государственной экономической политике» обозначил следующий ориентир долгосрочной экономической политики государства: «повышение позиции Российской Федерации в рейтинге Всемирного банка по условиям ведения бизнеса со 120-й в 2011 г. до 50-й – в 2015 г. и до 20-й – в 2018 г.». Данный факт свидетельствует о принципиальной значимости рейтингов для сопоставления развития как на страновом, так и региональном уровнях.

Основной проблемой построения подобных рейтингов на уровне регионов, в частности субъектов Российской Федерации, является недостаточность статистической информации, большие затраты на сбор и составление данных, а также некоторая непрозрачность методик расчета. Тем не менее, далее приводятся основные рейтинги по регионам России (табл. 1).

В настоящий момент отсутствует единый общепринятый и общепризнаваемый рейтинг инвестиционной привлекательности регионов Российской Федерации, позволяющий однозначно рассчитывать и сравнивать положение, а также развитие регионов согласно общепринятым в России критериям. На эту роль может претендовать рейтинг Агентства стратегических инициатив, получивший в 2015 г. достаточно широкое распространение и всестороннюю поддержку.

Но при этом еще в 2012 г. в рамках Постановления Правительства РФ от 03.11.2012 № 1142 (ред. от 29.09.2015) «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 21 августа 2012 г. № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» утверждены перечень показателей и методика расчета индекса для оценки эффективности исполнительной власти в регионах. Остается открытым вопрос, насколько потенциальные инвесторы, в том числе иностранные, используют и будут использовать получен-

ные по этой методике данные, исходя из того, что эти индексы рассчитываются, по сути, самим федеральным правительством, на основе данных только федеральных органов исполнительной власти. Видится, что

роль транспарентности, доверия и независимости, в том числе от одного источника данных, играет большое значение при анализе и оценке рассматриваемых процессов.

Таблица 1

Основные рейтинги для оценки инвестиционной привлекательности регионов Российской Федерации

Название рейтинга	Автор	Описание	Данные по регионам России
Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ	Рейтинговое агентство «РИА Рейтинг	Методика рейтинга основывается на агрегировании показателей, распределенных на четыре группы-подмножества: показатели масштаба экономики, показатели эффективности экономики, показатели бюджетной сферы, показатели социальной сферы. В итоге выставляется интегральный балл каждому региону и они ранжируются в зависимости от его значения	По всем субъектам РФ
Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России	Национальное рейтинговое агентство	В рейтинге рассматриваются семь факторов региональной инвестиционной привлекательности. Для оценки перечисленных факторов составлен набор из 53 прокси-переменных. Рейтинговая оценка инвестиционной привлекательности региона присваивается по специальной шкале, разделенной на три большие категории: регионы с высоким, средним и умеренным уровнем инвестиционной привлекательности	По всем субъектам РФ
Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России	Рейтинговое агентство «Эксперт РА»	Инвестиционная привлекательность в рейтинге оценивается по двум параметрам: инвестиционный потенциал и инвестиционный риск. Потенциал показывает, какую долю регион занимает на общероссийском рынке, риск – какими могут оказаться для инвестора масштабы тех или иных проблем в регионе. Вклад каждого частного риска или потенциала в итоговый индикатор оценивается на основе анкетирования представителей экспертного, инвестиционного и банковского сообществ	По всем субъектам РФ
Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации	Агентство стратегических инициатив	Включает 50 показателей по четырем направлениям: регуляторная среда, институты для бизнеса, инфраструктура и ресурсы, поддержка малого предпринимательства. Рейтинг оценивает усилия органов власти всех уровней в регионах по созданию благоприятных условий ведения бизнеса. Основная часть показателей формируется исходя из опросов региональных предпринимателей. По результатам регионы делятся на пять групп	По 21 субъекту РФ (пилотный проект с 2014 г.)
Ведение бизнеса в России	Группа Всемирного Банка	Индекс простоты ведения бизнеса в России рассчитывается как среднее процентильное значение рейтинга по четырем показателям (регистрация предприятий, получение разрешения на строительство, присоединение к электрическим сетям, регистрация собственности) с равными весами каждого из них	По 30 городам РФ (2012)
Кредитные рейтинги Fitch, Moody's, Standard & Poor's	Международные рейтинговые агентства	Оценка устойчивости регионального развития на основе данных статистики, корпоративной отчетности, данных о бюджете, экспертных интервью	Не по всем субъектам РФ

Источник: Составлено автором на основе данных [5]

О.Н. Устюжина и С.В. Хусаинова указывают на то, что в рамках существующих подходов к измерению инвестиционной привлекательности регионов можно выделить три большие группы методов, использующихся для достижения поставленной цели: экономико-математические методы, методы факторного анализа и методы экспертных оценок. Авторы отмечают, что каждому из методов присущи свои преимущества и недостатки и, кроме того, различные методики предполагают сочетание этих групп методов для достижения более объективной оценки инвестиционной привлекательности регионов [6].

Так, например, С.В. Домнина предлагает оценивать благосостояние населения того или иного региона с помощью показателя «индекс благосостояния населения региона» (ИБНР), который также базируется, с одной стороны, на показателях официальной статистики, с другой – социологических и экспертных оценках, то есть на основе объективных и субъективных показателей [3].

Л.С. Шеховцева и Е.В. Тяпушова производят расчет региональной конкурентоспособности, базируясь на системе индексов, характеризующих уровень жизни, инвестиционную привлекательность, инновационную активность и уровень развития региона. При этом, каждый вид конкурентоспособности рассчитан как среднегеометрическое значение соответствующих нормированных показателей [8].

Необходимо отметить, что вне зависимости от используемых параметров, количества индикаторов и показателей перечисленные и подобные рейтинги измерения инвестиционной привлекательности регионов предполагают ранжирование всех оцениваемых регионов в зависимости от полученных результатов. Ввиду этого, сравнению и сопоставлению может быть подвержена итоговая позиция того или иного региона, полученная при использовании разных методик.

Таким образом, чтобы нивелировать недостатки доступных рейтингов (по умолчанию предполагается, что любая методика расчета инвестиционной привлекательно-

сти является неидеальной, обладает рядом недостатков, в том числе перекосом в сторону какой-либо группы показателей), не зависеть от определенного источника информации ввиду отсутствия единого стандарта, иметь альтернативные варианты, автором данной статьи предлагается использовать следующий подход для оценки инвестиционной привлекательности того или иного региона: нормирование доступных данных по существующим рейтингам для конкретного региона и нахождение среднегеометрического значения из них.

Полученный результат будет представлять собой комплексный рейтинг, показывающий средние значения по всем показателям. Данная методика может обладать рядом недостатков. Однако, по сути, она дает возможность интегрировать экспертные точки зрения и расчетную информацию ряда специализированных структур в единый показатель, не зависеть всецело от одного мнения, во-вторых, расчет такого рейтинга является относительно менее энерго- и трудозатратным, а также общедоступным широкому кругу заинтересованных лиц ввиду открытости публикуемых показателей данными организациями.

Для составления комплексного рейтинга всех субъектов федерации рассматриваемой в статье выборки, использованы данные по рейтингам за 2012 г. таких организаций, как Национальное рейтинговое агентство (НРА), Рейтинговое агентство «Эксперт РА» (ЭРА), Рейтинговое агентство «РИА Рейтинг» (РИА).

Ввиду того, что необходимые данные за рассматриваемый период в рамках таких рейтингов, как «Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации», «Введение бизнеса в России», а также по кредитным рейтингам международных рейтинговых агентств, доступны не по всем субъектам Российской Федерации, из соображений репрезентативности они не были включены в расчет комплексного рейтинга в этот период.

Необходимо отметить, что методология НРА построена таким образом, что, согласно ей, все субъекты федерации делятся на

9 групп по убыванию степени инвестиционной привлекательности. Так, группа IС1 (высокая инвестиционная привлекательность – первый уровень) включает регионы с самой высокой степенью инвестиционной привлекательности. К этой группе относятся Москва и Сахалинская область. В свою очередь, группа IС9 (умеренная инвестиционная привлекательность – третий уровень) включает регионы с самой низкой степенью инвестиционной привлекательности. В нее входят Карачаево-Черкесская Республика, Республика Калмыкия и Республика Тыва. При этом, регионам, попавшим в одни и те же группы, не присваивается внутренний сквозной порядковый номер. Таким образом, все регионам в рамках данного рейтинга авторами статьи присвоено одно из значений – 1...9. Аналогичный подход применен и при присваивании рангов (от 1 до 13) для рейтинга инвестиционной привлекательности от «РА Эксперт».

Далее следует отметить, что рейтинг, согласно методологии НРА, был составлен для 80 субъектов федерации. В свою очередь, рейтинги ЭРА и РИА предоставлены для 83 субъектов. Для более корректного сопоставления и соразмерности рейтингов было принято решение исключить из комплексного рейтинга инвестиционной привлекательности значения по следующим субъектам федерации: Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ и Ямало-Ненецкий автономный округ. Кроме этого, после исключения данных субъектов из рейтингов ЭРА и РИА порядковые номера оставшихся субъектов были нормированы относительно итогового количества регионов, вошедших в комплексный рейтинг.

В итоге, для расчета интегрального показателя комплексного рейтинга использовалась следующая формула:

$$ИП = \sqrt[3]{НРА * ЭРА_{норм} * РИА_{норм}}$$

Следует отметить, что в данном случае веса всех используемых рейтингов при подсчете интегрального показателя одинаковы, таким образом, не допускается пе-

ревес в какую-либо сторону. Также важен тот факт, что состав и количество используемых рейтингов может варьироваться. Так, для расчета комплексного рейтинга по предложенной методике в 2015 г. может быть добавлен Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации от Агентства стратегических инициатив. В принципе и индекс для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, о котором говорилось ранее, также может быть использован в данной методике. При этом, как видится, было бы логично придать уже ему весовой коэффициент, отличающийся в большую сторону от рейтингов негосударственных структур.

Необходимо обратить внимание на тот момент, что процедура суммирования-усреднения рангов вполне допустима, если:

- а) процедуры ранжирования применяются к совокупности однородных объектов (регионов);
- б) цели ранжирования совпадают (оценка инвестиционного климата/инвестиционной привлекательности).

По сути, такая методика подсчета интегрального показателя комплексного рейтинга инвестиционной привлекательности является ничем иным как вариацией использования широко известного метода экономического анализа, официально признанного статистикой – метода суммы мест. Согласно данному методу, анализируемые объекты как раз и ранжируются по показателям-стимуляторам в порядке возрастания и по показателям-дестимуляторам в порядке убывания. Наилучшим результатам соответствуют значения минимальной суммы мест [2].

Полученные, ранжированные по возрастанию данные интегрального показателя представлены в табл. 2. Нужно учитывать, что меньшему значению интегрального показателя соответствует более высокое положение в комплексном рейтинге и, как следствие, более высокая оценка инвестиционной привлекательности субъекта Российской Федерации.

Таблица 2

**Комплексный рейтинг для оценки инвестиционного климата
регионов Российской Федерации, 2012 г.**

Субъекты РФ	НРА	ЭРА		РИА		Интегральный показатель
		база	норм.	база	норм.	
Москва	1	1	0,96	1	0,96	0,98
Санкт-Петербург	2	1	0,96	2	1,93	1,55
Московская область	2	1	0,96	5	4,82	2,10
Республика Татарстан	2	1	0,96	7	6,75	2,35
Свердловская область	3	2	1,93	6	5,78	3,22
Краснодарский край	3	1	0,96	16	15,42	3,55
Тюменская область	2	9	8,67	4	3,86	4,06
Сахалинская область	1	9	8,67	12	11,57	4,65
Самарская область	3	5	4,82	9	8,67	5,01
Белгородская область	2	4	3,86	20	19,28	5,30
Ленинградская область	3	7	6,75	10	9,64	5,80
Пермский край	4	5	4,82	11	10,60	5,89
Республика Башкортостан	4	5	4,82	13	12,53	6,23
Красноярский край	4	5	4,82	14	13,49	6,38
Ростовская область	4	5	4,82	15	14,46	6,53
Нижегородская область	4	5	4,82	17	16,39	6,81
Челябинская область	5	5	4,82	18	17,35	7,48
Новосибирская область	4	5	4,82	23	22,17	7,53
Иркутская область	5	5	4,82	21	20,24	7,87
Кемеровская область	5	5	4,82	26	25,06	8,45
Воронежская область	4	7	6,75	24	23,13	8,55
Республика Коми	4	9	8,67	19	18,31	8,60
Калужская область	3	9	8,67	29	27,95	8,99
Липецкая область	4	7	6,75	28	26,99	9,00
Оренбургская область	4	9	8,67	22	21,20	9,03
Томская область	3	9	8,67	33	31,81	9,39
Хабаровский край	3	9	8,67	34	32,77	9,48
Республика Саха (Якутия)	4	9	8,67	27	26,02	9,67
Калининградская область	3	9	8,67	40	38,55	10,01
Приморский край	4	9	8,67	30	28,92	10,01
Омская область	5	9	8,67	25	24,10	10,15
Архангельская область	4	9	8,67	35	33,73	10,54
Тульская область	5	9	8,67	31	29,88	10,90
Ярославская область	5	9	8,67	36	34,70	11,46
Тамбовская область	5	7	6,75	47	45,30	11,52
Волгоградская область	5	9	8,67	37	35,66	11,57
Владимирская область	5	9	8,67	38	36,63	11,67
Вологодская область	6	9	8,67	32	30,84	11,71
Курская область	5	9	8,67	39	37,59	11,77
Ставропольский край	5	9	8,67	42	40,48	12,06
Саратовская область	5	9	8,67	43	41,45	12,16
Удмуртская Республика	5	9	8,67	44	42,41	12,25
Мурманская область	5	10	9,64	41	39,52	12,40
Ульяновская область	5	9	8,67	46	44,34	12,44
Магаданская область	3	12	11,57	59	56,87	12,54
Камчатский край	3	12	11,57	60	57,83	12,61

Окончание табл. 2

Субъекты РФ	НРА	ЭРА		РИА		Интегральный показатель
		база	норм.	база	норм.	
Амурская область	4	11	10,60	52	50,12	12,86
Астраханская область	5	9	8,67	55	53,01	13,20
Смоленская область	5	9	8,67	56	53,98	13,28
Рязанская область	6	9	8,67	49	47,23	13,50
Чукотский автономный округ	3	12	11,57	75	72,29	13,59
Новгородская область	5	11	10,60	50	48,19	13,67
Чувашская Республика	6	9	8,67	51	49,16	13,68
Тверская область	6	9	8,67	53	51,08	13,85
Республика Карелия	5	9	8,67	64	61,69	13,88
Республика Хакасия	4	11	10,60	68	65,54	14,06
Алтайский край	7	9	8,67	48	46,27	14,11
Пензенская область	6	9	8,67	57	54,94	14,19
Брянская область	7	9	8,67	54	52,05	14,68
Республика Дагестан	6	10	9,64	63	60,72	15,20
Кировская область	8	9	8,67	58	55,90	15,71
Республика Бурятия	7	10	9,64	62	59,76	15,92
Республика Мордовия	6	11	10,60	66	63,61	15,94
Костромская область	6	11	10,60	70	67,47	16,25
Республика Адыгея	6	11	10,60	73	70,36	16,48
Забайкальский край	8	10	9,64	61	58,80	16,55
Курганская область	6	12	11,57	69	66,51	16,65
Орловская область	7	11	10,60	65	62,65	16,69
Ивановская область	7	11	10,60	67	64,58	16,86
Псковская область	7	11	10,60	72	69,40	17,27
Республика Марий Эл	8	11	10,60	71	68,43	17,97
Еврейская автономная область	7	12	11,57	80	77,11	18,41
Кабардино-Балкарская Республика	8	11	10,60	78	75,18	18,54
Чеченская Республика	7	13	12,53	76	73,25	18,59
Республика Алтай	7	12	11,57	83	80,00	18,64
Республика Северная Осетия-Алания	8	12	11,57	79	76,14	19,17
Карачаево-Черкесская Республика	9	12	11,57	74	71,33	19,51
Республика Калмыкия	9	12	11,57	77	74,22	19,77
Республика Ингушетия	8	13	12,53	81	78,07	19,85
Республика Тыва	9	13	12,53	82	79,04	20,73

Источник: Составлено автором на основе данных: Рейтинговое агентство «Эксперт РА». – <http://raexpert.ru/>, Национальное рейтинговое агентство. – <http://www.ra-national.ru/>, Рейтинговое агентство «РИА Рейтинг». – <http://riarating.ru/>

Полученные данные свидетельствуют о том, что первые три места в комплексном рейтинге инвестиционной привлекательности получили такие субъекты Российской Федерации, как Москва, Санкт-Петербург и Московская область. На последнем месте оказались Республика Калмыкия, Республика Ингушетия и Республика Тыва.

Приведенные значения комплексного рейтинга представлены за 2012 г., то есть в статике. Данные результаты в первую очередь важны именно для межрегионального сравнения и положения субъектов Российской Федерации в определенный период. На взгляд автора, не менее важное значение имеет расчет и рассмотрение подобных

рейтингов в динамике для оценки прогресса того или иного региона, в вопросе улучшения своего инвестиционного климата. Далее приводится динамика комплексного

рейтинга, рассчитанного в период с 2012 по 2014 гг., для регионов, входящих в Сибирский федеральный округ.

Таблица 3

Динамика комплексного рейтинга инвестиционного климата регионов Сибирского федерального округа, 2012–2014 гг.

Субъекты СФО	2012 г.			2013 г.			2014 г.			Изменение в рейтингах	
	Интегральный показатель	Порядковый номер в общем рейтинге	Порядковый номер в рейтинге СФО	Интегральный показатель	Порядковый номер в общем рейтинге	Порядковый номер в рейтинге СФО	Интегральный показатель	Порядковый номер в общем рейтинге	Порядковый номер в рейтинге СФО	Общем	по СФО
Республика Алтай	18,64	75	11	18,5	74	11	20	77	11	-2	0
Республика Бурятия	15,92	62	9	15	61	9	14,7	57	8	+5	+1
Республика Тыва	20,73	80	12	20,8	80	12	20,8	80	12	0	0
Республика Хакасия	14,06	56	7	14,3	56	8	16,1	63	9	-7	-2
Алтайский край	14,11	57	8	13,6	51	7	13,8	51	7	+6	+1
Забайкальский край	16,55	66	10	17	69	10	17,1	68	10	-2	0
Красноярский край	6,38	14	1	6,53	16	1	7,19	15	1	-1	0
Иркутская область	7,87	19	3	8,45	21	3	8,56	22	3	-3	0
Кемеровская область	8,45	20	4	8,87	23	4	9,63	29	5	-9	-1
Новосибирская область	7,53	18	2	7,42	17	2	8,45	20	2	-2	0
Омская область	10,15	31	6	10,2	29	6	10,2	31	6	0	0
Томская область	9,39	26	5	9,2	25	5	9,2	26	4	0	1

Источник: Составлено автором на основе данных: Рейтинговое агентство «Эксперт РА». – <http://raexpert.ru/>, Национальное рейтинговое агентство. – <http://www.ra-national.ru/>, Рейтинговое агентство «РИА Рейтинг». – <http://riarating.ru/>

В рамках произведенных расчетов по Сибирскому федеральному округу добавлено значение положения региона не только во всероссийском рейтинге, но и отдельно внутри СФО. Полученные данные показали, что относительно лучшую динамику развития инвестиционного климата в своих регионах за рассматриваемый период показали Республика Бурятия и Алтайский край. Это позволило им улучшить свое положение во всероссийском рейтинге на 5 и 6 ступеней, а в сибирском рейтинге на 1 ступень соответственно. Наихудшую динамику показали Республика Хакасия и Кемеровская область, которые во всерос-

сийском расчетном комплексном рейтинге снизились на 7 и 9 ступеней, а в сибирском – на 2 и 1 ступень соответственно.

Следует отметить, что такие регионы, как Республика Тыва и Омская область, продемонстрировали нулевую динамику как в российском, так и сибирском рейтингах. И если Республика Тыва осталась на последнем месте в обоих рейтингах, то такая динамика позволила Омской области удержаться на 31 месте в российском и 6 месте в сибирском рейтингах.

Таким образом, с помощью предложенной методики удалось оценить относительную инвестиционную привлекательность

регионов России, понять какие регионы с точки зрения названного подхода являются отстающими, какие могут быть драйверами регионального и странового роста. Данный подход поможет в разработке взвешенной

государственной политики в области активизации и интенсификации инвестиционных процессов в регионах, оценке и мониторинге ее эффективности.

Список литературы

1. Валинурова Л.С., Казакова О.Б. Оценка инвестиционной привлекательности регионов Приволжского федерального округа: факторы и условия привлечения инвестиций // Региональная экономика и управление. 2013. № 4. С. 2.
2. Данилова О.Т., Широков Е.В. Анализ результатов аудита системы защиты информации с применением комплексной сравнительной оценки // Доклады ТУСУРа. 2014. № 2. Режим доступа: <http://www.tusur.ru/filearchive/reports-magazine/2014-32-2/11.pdf> (дата обращения 20.11.2015).
3. Домнина С.В. Методика построения и анализа интегрального индекса благосостояния для межрегиональных сравнений // Регион: экономика и социология. 2011. № 3. С. 71.
4. Припутнев А.В., Жуков Б.М. Экономические феномены инвестиционного климата и инвестиционной привлекательности региона: сравнительный анализ // Научный вестник ЮИМ. 2013. № 3. С. 55–56.
5. Урожаева Ю.В., Иванов Д.С. Проблемы классификации регионов: международный и российский опыт // Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации. М.: ТЕИС, 2011. С. 30.
6. Устюжина О.Н., Хусайнова С.В. Анализ подходов и методов оценки инвестиционной привлекательности регионов // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5. Экономика. 2013. № 2. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/analiz-podhodov-i-metodov-otsenkiinvestitsionnoy-privlekatelnosti-regionov> (дата обращения 18.11.2015).
7. Фетисов Г.Г., Орешин В.П. Региональная экономика и управление. М.: ИНФРА-М, 2006. С. 147.
8. Шеховцева Л.С., Тяпушова Е.В. Теоретические и методические основы интегральной оценки стратегической и текущей конкурентоспособности региона // Региональная экономика: теория и практика. 2011. № 30. С. 9.
9. Global Competitiveness//World Economic Forum. Available at: <http://www.weforum.org/issues/global-competitiveness> (accessed 10.11.2015).
10. Sala-i-Martin X., Artadi E. Economic Growth and Investment in the Arab World. Available at: http://www.weforum.org/pdf/Global_Competitiveness_Reports/Reports/AWCR_2002_2003/Econ_Growth.pdf (accessed 15.11.2015).
11. Schmidt-Hebbel K., Serven L., Solimano A. Investment and Growth in Developing Countries // Policy Research Working Paper. World Bank, 1994. P. 39–44.
12. Scott A. Regional push: towards a geography of development and growth in low- and middle-income countries // Third World Quarterly, 2002, no. 23, p. 138.
13. Young A. Lessons from the East Asian NICs: A contrarian View // NBER Working Paper, 1993, no. 4482, pp. 13–15.

List of literature

1. Valinurova L.S., Kazakova O.B. *Regionalnaya ekonomika i upravlenie* (Regional economics and management), 2013, no. 4, p. 2.
2. Danilova O.T., Shirokov E.V. *Doklady TUSURa* (Reports of TUSUR), 2014, no. 2 Available at: <http://www.tusur.ru/filearchive/reports-magazine/2014-32-2/11.pdf> (accessed 20.11.2015).
3. Domnina S.V. *Region: ekonomika i sotsiologiya* (Region: Economics and Sociology), 2011, no. 3, p. 71.
4. Priputnev A.V., Zhukov B.M. *Nauchny vestnik YuIM* (Scientific Bulletin of YuIM), 2013, no. 3, pp. 55–56.
5. Urozhaeva Yu.V., Ivanov D.S. *Problemy klassifikatsii regionov: mezhdunarodny i rossiyskiy opyt* [Problems of regions' classification: International and Russian experience]: Russian regions: economic crisis and problems of modernization. Moscow: TEIS, 2011, p. 30.
6. Ustyuzhina O.N., Khusainova S.V. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 5. Ekonomika* (Herald of the Adygeya State University. Ser. 5. Economy), 2013, no. 2 Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/analiz-podhodov-i-metodov-otsenkiinvestitsionnoy-privlekatelnosti-regionov> (accessed 18.11.2015).

7. Fetisov G.G., Oreshin V.P. *Regionalnaya ekonomika i upravlenie* [Regional economics and management]. Moscow: INFRA-M, 2006, p. 147.

8. Shekhovtseva L.S., Tyapushova E.V. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika* (Regional economy: theory and practice), 2011, no. 30, p. 9.

9. *Global Competitiveness* (Global Competitiveness): World Economic Forum Available at: <http://www.weforum.org/issues/global-competitiveness> (accessed 10.11.2015).

10. Sala-i-Martin X., Artadi E. *Economic Growth and Investment in the Arab World* (Economic Growth and Investment in the Arab World) Available at: http://www.weforum.org/pdf/Global_Competitiveness_Reports/Reports/AWCR_2002_2003/Econ_Growth.pdf (accessed 15.11.2015).

11. Schmidt-Hebbel K., Serven L., Solimano A. *Investment and Growth in Developing Countries* (Investment and Growth in Developing Countries): Policy Research Working Paper. World Bank, 1994, pp. 39–44.

12. Scott A. *Third World Quarterly* (Third World Quarterly), 2002, no. 23, p. 138.

13. Young A. *NBER Working Paper* (NBER Working Paper), 1993, no. 4482, pp. 13–15.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Щербаков Василий Сергеевич, преподаватель, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия. Область научных интересов: инвестиции, региональная экономика, макроэкономика
Chsherbakov.v@gmail.com

Vasily Scherbakov, lecturer, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk, Russia. Sphere of scientific interests: investments, regional economy, macroeconomics

Образец цитирования

Щербаков В.С. Разработка методики анализа инвестиционной привлекательности регионов на примере субъектов Российской Федерации, входящих в Сибирский федеральный округ // Вестн. Заб. гос. ун-та. 2016. Т. 22. № 3. С. 120–130.

**Перечень требований и условий публикации статей в научном журнале
«Вестник Забайкальского государственного университета»**

1. Правила публикации статей в журнале

1.1. Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, неопубликованным ранее в других печатных изданиях. В статье необходимо последовательно излагать следующие составляющие: актуальность, задачи, современное состояние проблемы, описание методики исследований, обсуждение полученных результатов, выводы. Рекомендованный объем статьи – 0,5...1 печ. л. (8...16 с.).

1.2. Редакционная коллегия оставляет за собой право на научное и литературное редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта. За точность воспроизведения имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор. Присланные рукописи авторам не возвращаются.

1.3. Редакция научного журнала «Вестник Забайкальского государственного университета» осуществляет независимое рецензирование статей. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в редакцию (с пометкой «исправленная») в течение 10 дней, в противном случае она будет отклонена. Доработанный вариант статьи рецензируется и рассматривается заново.

1.4. Публикация статьи платная – 400 руб. за одну страницу машинописного текста (интервал – 1,5; размер шрифта – 14). Оплата производится после утверждения текста статьи редакционным советом. Для сотрудников ЗабГУ, докторов и аспирантов всех вузов публикация статей — за счет средств университета. Почтовые расходы по рассылке авторского экземпляра журнала составляют 180 руб.

1.5. Материалы статьи предоставляются:

а) по электронной почте: rik-romanova-chita@mail.ru;

б) на почтовый адрес: 672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30, Забайкальский государственный университет, редакция журнала «Вестник Забайкальского государственного университета»;

в) непосредственно в редакцию (корпус 01, каб. 320).

По вопросам публикации статей обращаться к главному редактору журнала – Романовой Нелли Петровне – по тел.: (3022) 41-67-18; факс (3022) 41-64-44; E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru

2. Комплектность и форма предоставления авторских экземпляров

2.1. Предоставляемые материалы должны содержать:

– научное направление;

– шифр УДК;

– фамилию, имя, отчество автора (соавторов) (полностью) (на русском и английском языках);

– название статьи (на русском и английском языках);

– аннотацию – 200–250 слов (на русском и английском языках);

– ключевые слова – в пределах 10 (на русском и английском языках);

– основную часть;

– список литературы (не более чем 5-летней давности) не менее 10 источников (правила оформления см. в п. 2.4);

– сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, занимаемая должность, место работы, город, страна, контактный телефон и e-mail, почтовый адрес с индексом (для отправления журнала) (на русском и английском языках);

– научные интересы автора (авторов) (на русском и английском языках);

– цветную фотографию автора (авторов) на белом фоне (деловой стиль) в электронной версии в формате *.JPG, *.BMP или *.TIFF, размер файла до 1 МВ;

– рецензию научного руководителя, консультанта или специалиста, занимающегося темой заявленного исследования (оригинальная или электронная версия);

– экспертное заключение о возможности опубликования статьи в открытой печати (сканированная копия) (образец – на сайте www.zabgu.ru);

– электронную копию квитанции об оплате за публикацию. Реквизиты Забайкальского государственного университета Вы можете найти на сайте www.zabgu.ru в разделе «Университет» – «Реквизиты»;

– результат оригинальности текста, проверенного на плагиат желательно в системе «Антиплагиат» (info@antiplagiat.ru) (необходимо предоставить сведения об оригинальности текста).

2.2. Общие правила оформления текста

Статью на электронном носителе следует сохранять под именем, соответствующим фамилии первого автора, набирается в программе Microsoft Office Word.

Рекомендуется соблюдать следующие установки:

Параметры страницы: верхнее и нижнее поля – 2,5 см, левое – 3 см, правое – 1 см; ориентация – книжная; перенос – автоматический. Абзацный отступ – 1,25 см. Нумерация страниц – на нижнем поле. Шрифт – Times New Roman, размер – 14 пт, межстрочный интервал – 1,5. Формат бумаги – А4.

Для акцентирования элементов текста рекомендуется использовать курсив. Выделение текста жирным шрифтом и подчеркивание не допускается.

2.3. Формулы, рисунки, таблицы

При использовании формул (кроме заголовка статьи и аннотации) рекомендуется применять Microsoft Equation 3 при установках: элементы формулы — курсивом; для греческих букв и символов — шрифт Symbol, для остальных элементов — Times New Roman (использование букв русского алфавита в формуле нежелательно). Размер символов: обычный — 14 пт, крупный индекс — 10 пт, мелкий индекс — 7 пт, крупный символ — 18 пт, мелкий символ — 14 пт. Экспозиции элементов формул в тексте следует оформлять в виде формул. Пояснение значений символов и числовых коэффициентов рекомендуется приводить непосредственно под формулой в той же последовательности, в которой они даны в формуле. Формулы следует нумеровать порядковой нумерацией арабскими цифрами в круглых скобках, например, $A = a \cdot v$, (1). Ссылки в тексте на порядковые номера формул оформляют в скобках, например, ... в формуле (1).

Рисунки необходимо выполнять с разрешением 300 dpi (B&W — для черно-белых иллюстраций, Grayscale — для полутонов, максимальный размер рисунка с надписью: ширина 150 мм, высота 245 мм); предоставлять в виде отдельных файлов с расширением *.JPG, *.BMP, *.TIFF и распечаткой на бумаге формата А4 с указанием имени файла. Изображения должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Схемы и графики выполнять во встроеной программе MS Word или в MS Excel с предоставлением исходного файла. Рисунки следует нумеровать арабскими цифрами сквозной нумерацией. Если рисунок один, он не нумеруется. Рисунки необходимо предоставлять в цветном виде.

Таблицы должны иметь тематические и нумерационные заголовки и ссылки на них в тексте. Тематические заголовки должны отражать их содержание, быть точными, краткими, размещены над таблицей. Таблицу следует располагать непосредственно после абзаца, в котором она упоминается впервые. Таблицу с большим количеством строк допускается переносить на другую страницу. Заголовки граф, как правило, записывают параллельно строкам таблицы; при необходимости допускается перпендикулярное расположение заголовков граф.

Текстовое оформление таблиц в электронных документах: шрифт Times New Roman или Symbol, 12 кегль. Таблицы не требуется представлять в отдельных документах.

2.4. Список литературы

Ссылки на источники в тексте статьи следует оформлять в квадратных скобках в соответствии с нумерацией в списке литературы, который для оригинальной статьи — не менее 10 источников.

Список литературы необходимо составлять в алфавитном порядке. Алфавитный порядок ссылок нумеруется. Не допускается выносить ссылки из текста вниз полосы. В списке литературы не должно быть наименований учебной литературы, диссертаций и литературы без авторства (конституция, законы, о них только говорится в тексте). Самоцитирование не допускается. В списке должно быть не менее двух источников на иностранном языке.

Список литературы предоставлять в двух вариантах: на русском языке (ГОСТ 7.0.5. — 2008. Библиографическая ссылка), а также НЕОБХОДИМО повторять русскоязычный список литературы полностью в романском алфавите (для зарубежных баз данных), согласно следующим требованиям:

– авторы (транслитерация), название источника (транслитерация, курсивом; в круглых скобках перевод на английский язык), выходные данные с обозначениями на английском языке либо только цифровые. Заглавия статей опускаются, т.к. в аналитической системе они не используются (достаточно указать название журнала) (подробная информация оформления библиографического списка см. на сайте www.zabgu.ru).

Пример описания статьи из журналов:

Polyanchikov Yu.N., Bannikov A.I., Kurchenko A.I. Vestn. Saratovsk. Gos. Tekhn. Univ. (Saratovsk State Technical University), 2007, no. 1 (23), P. 21-24.

Материалы конференций:

Usmanov T.S., Gusmanov A.A., Mullagalin I.Z., Muhametshina R.Ju., Chervyakova A.N., Sveshnikov A.V. Trudy 6 Mezhdunarodnogo Simpoziuma «Novye resursosberegayushchie tekhnologii nedropol'zovaniya i povysheniya neftegazootdachi» (Proc. 6th Int. Technol. Symp. “New energy saving subsoil technologies and the increasing of the oil and gas impact”). Moscow, 2007, P. 267-272.

Книги (монографии, сборники, материалы конференций в целом):

Nenashev M.F. Poslednee pravitel'stvo SSSR [Last government of the USSR]. Moscow, Krom Publ., 1993. 221 p.

Ссылка на Интернет-ресурс:

Pravila Tsitirovaniya Istochnikov (Rules for the Citing of Sources) Available at: <http://www.scribd.com/doc/1034528/> (accessed 7 February 2011)

2.5. Правила транслитерации

На сайте <http://www.translit.ru/> можно бесплатно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.

Наши награды

Содержание

Науки о Земле

Куклина Е.Э., Батудаев А.П. Плотность почвы в условиях склоновых агроландшафтов в степной зоне Бурятии E. Kuklina, A. Batudaev The Density of Soil in the Conditions of Sloping Agricultural Lands in Steppe Zone of Buryatia.....	4
Томских А.А. Географический анализ промежуточных итогов модернизации профессионального образования России: пространственный аспект качества приема A. Tomskikh Geographical Analysis of Intermediate Results of Modernization of Vocational Education in Russia: Spatial Aspect of the Quality of Admission.....	10
Шурыгин С.В., Овсейчук В.А. Влияние содержания урана на сортируемость руд радиометрическими методами S. Shurigin, V. Ovseichuk Influence of the Contents of Uranium on Sorting of Ores by Radiometric Methods.....	22
Щербатюк А.П. Снижение загрязнения атмосферного воздуха городов автомобильным транспортом в условиях сложного ландшафта и длительного холодного периода: аспекты методологии A. Scherbatyuk Aspects of Methodology of Decrease in Pollution of Atmospheric Air of the Cities by the Motor Transport in the Conditions of Difficult Landscape and Long Cold Period	26
Политология	
Агеева В.Д. Российская «мягкая сила» и ЕАЭС: в поиске ценностного измерения евразийской интеграции V. Ageeva Russian «Soft Power» and Eurasian Economic Union: in Search of Value Dimension of Eurasian Integration.....	34
Бейдина Т.Е., Новикова А.В. Региональная политика в Забайкальском крае: монгольский и китайский факторы T. Beydina, A. Novikova Regional Policy in TransBaikal Territory: Mongolian and Chinese Factors	42
Булах Е.В., Васильева Т.А., Нечай Е.Е. К проблеме формирования субъектной системы государственной экономической политики в современных условиях E. Bulakh, T. Vasilyeva, E. Nechay Subjects of the Modern State Economic Policy: Approaches to a Create Problem.....	50
Ефимов А.А. Перспективы совершенствования системы электронного правительства как элемента открытой демократии в России A. Efimov Perspectives of Improvement of the System of Electronic Government As an Element of Standing Open Democracy in Russia.....	60
Мгалоблишвили В.И. «Кавказская» политика Республики Грузия V. Mgaloblishvili «Caucasian» Policy of the Republic of Georgia.....	68
Романова И.В., Романова Н.П., Казарян И.Р. Категория «образ жизни»: понятие, содержание и структура I. Romanova, N. Romanova, I. Kazaryan Category «Lifestyle»: Concept, Content and Structure.....	76

Экономические науки

Былков В.Г., Балханов А.М. Управление регионом на основе пространственного распределения трудовых ресурсов V. Bylkov, A. Balkhanov Management of the Region Based on the Spatial Distribution of Labor Resources	85
Глазырина И.П. Принцип «загрязнитель платит» и экологически неравноценный обмен I. Glazyrina The Principle of «Polluter Pays» and Ecologically Unequal Exchange.....	93
Забелина И.А., Клевакина Е.А. Экологические показатели качества экономического роста в Забайкальском крае I. Zabelina, E. Klevakina Quality of Growth Indicators for Transbaikal Region	101
Ковальчук Л.Б. Сценарии изменения уровня благосостояния в Забайкальском крае на период 2016–2020 гг. L. Kovalchuk Scenarios of Welfare Change in Transbaikal Region in the Period of 2016–2020	112
Щербakov В.С. Разработка методики анализа инвестиционной привлекательности регионов на примере субъектов Российской Федерации, входящих в Сибирский федеральный округ V. Scherbakov The Methodology's Development for Analysis of Investment Attractiveness of Siberian Regions of the Russian Federation	120

ВЕСТНИК

ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2016

Том 22. № 3

Главный редактор Н.П. Романова
Литературные редакторы А.И. Михайлова, А.А. Рыжкова
Технический редактор И.В. Петрова
Подписано в печать 29.02.2016
Форм. бум. 60 x 84 1/8
Печать цифровая
Уч.-изд. л. 12,1
Тираж 500 экз.

Бум. тип. № 2
Гарнитура основного
текста «Bodoni»
Усл. печ. л. 15,8
Заказ № 16074

ФГБОУ ВПО «ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30